

ЕЛЕНА МАРТИН

ПРЕДАТЕЛЬ.
ОСКОЛКИ СЧАСТЬЯ

— Ну что ж, подарок за тобой, — отвечаю осипшим голосом.

Встаю и, покидая кухню на ватных ногах, запираюсь в ванной комнате. Пытаюсь унять сбившееся дыхание и постоянно сглатываю подкатывающую тошноту к горлу.

Лелька, ну что ты. Успокойся.

Гадко и противно. И чувствую, что вся эта ситуация, отравившая и так острую обстановку между нами — начало конца.

Возвращаюсь назад и, оперевшись о дверной косяк, молча наблюдаю за ним.

Предатель? Или цепь случайных событий, которым есть объяснение?

— Леля, спасибо за вечер, — бросил мой супруг нежную благодарность не в свойственной для него манере.

Обида ледяной корочкой сковывает моё сердце, и бурная ночь не смогла её растопить. Страх и отчаянье — плохие спутники даже для большой любви.

Предатель. Осколки счастья

Елена Мартин

Я расставила столовые приборы на кипельно-белой скатерти и, улыбнувшись самой себе, поставила два подсвечника для романтического ужина. Маша уже спала в своей комнате мирным детским сном. Я постаралась, что бы дочка к нашему романтическому ужину с мужем устала. Мы практически весь день прогуливались с Машей на свежем воздухе. Плотный ужин и мой ангелочек спит.

Я в новом бежевом платье, под которым надето новое, купленное специально по этому случаю, нижнее кружевное бельё, ношусь по кухне от варочной плиты до кухонного гарнитура, установленного два месяца назад. В духовке запекается свинина по моему личному рецепту — любимое блюдо моего любимого мужа. Я знаю, что он задерживается практически каждый вечер, но сегодня я шепнула ему шаловливым тоном, что его ждёт вечером сюрприз, и я жду его пораньше. Надеюсь, мой прозрачный намек, брошенный в след спешащему на работу мужу сегодняшним утром, понят. Горячий поцелуй на прощание, и я, воодушевленная на весь день, к восьми вечера уже давно перевыполнила свой набросанный с утра план.

Я уже запретила себе выглядывать в окно и высматривать с высоты третьего этажа машину мужа, припаркованную у подъезда. Это уже стало моим наваждением. Как только часы в квартире щелкают за восемь часов, я с окна нашей красивой белоснежной кухни выглядываю во двор каждые десять минут. После очередного просмотра, ругаю себя за неразумное поведение, но уже заметно нервничаю. Моё основное блюдо порядком остыло. Я уже несколько раз зажгла и потушила свечи на столе в красивых белых подсвечниках. И, открыв шампанское, налила себе бокал, чтобы снять напряжение, растущее с каждой минутой.

Я знаю, он сейчас войдет в дверь, красивый в своем модном прикинутом пальто и шарфе, обернутым вокруг шеи. Мой подарок из модного бутика мужской одежды на Новый год и пропоёт мне о своем трудном рабочем графике. И я растаю. Спрячу свою невысказанную обиду и страх, что наша сказка и семейная идиллия трещит по швам.

Всего три года семейной жизни, и я понимаю, что я не могу найти общий язык со своим мужем. Чаще всего попросту из-за его отсутствия...

Девять. Красивые часы на кухне отмахали до девяти часов. Я закипаю, понимая, что мой намёк на совместный романтический ужин сегодня вечером был проигнорирован. Я сделала ещё один большой глоток шампанского.

У нас всё хорошо.

Я опять крутила себя у этой мысли и искусственно притягивала себя к ней. Замечательная семья, собственное жильё, взятое, правда, в кредит, но собственное. У моего мужа хорошая и высокооплачиваемая работа, и самое главное, у нас есть маленький ангелочек — наша Маня. Через год после свадьбы у нас родилась дочка. Я не стала долго ждать с рождением ребенка. Возраст уже двадцать восемь и через год после нашей свадьбы на пороге роддома мой любимый мужчина встречает меня с огромным букетом роз. Медсестра в кипельно-белом халате протягивает Андрею заветный свёрток.

Входная дверь, наконец, хлопнула, и тихо и осторожно Андрей снимает пальто и шарф в прихожей и также тихо проходит в ванную комнату. Я глотнула ещё один большой глоток шампанского, которое я планировала выпить в компании своего мужа, а пришлось хлестать в

одиночку весь вечер.

— Привет, — Андрей вздрогнул, увидев меня в кухне за столом с бокалом шампанского.

— Привет, — глухо отозвалась я, — я ждала тебя раньше. Намного раньше.

Андрей стукнул себя по лбу.

— Я совсем забыл, о чём ты просила меня с утра. Прости, заяц. Я искуплю свою вину.

Обида полоснула меня, но я лишь с упреком посмотрела в карие глаза Андрея.

— Забей, — хрипло бросила, удаляясь в спальню.

Нервно снимая с себя платье, я порвала молнию на нём и расстроилась ещё больше. Я отдала приличные деньги за приличное платье. Облачившись в тонкий кружевной халатик, плетусь смывать боевой раскрас с лица, мельком замечая, что Андрей в кухне так и не притронулся к еде. Вечер закончится как обычно: Андрей до позднего времени будет смотреть телевизор на кухне или в гостиной и потом тихонько крадучись, проберется в спальню и нырнёт под одеяло.

Всё так, как я и предполагала. Тихой, крадущей походкой Андрей прошёл в комнату и лёг в кровать. Отличный романтический ужин и отличное его продолжение. Я делаю вид, что уже сплю, но киплю во всю. Весь этот мрачный спектакль безразличия порядком надоел мне. И поднявшись с кровати, включаю свет в комнате.

— Давай поговорим, — я уперевшись руками в бока стояла и смотрела на Андрея, притворявшегося сонным.

Хорошо. Не подействовало. Стянула одеяло.

— Андрей, у нас что-то не так? Я тебя не устраиваю, — громко спрашиваю мужа.

Карие глаза Андрея гневно блеснули.

— Какая муха тебя укусила? Надралась. Спи и не мешай другим.

— Два бокала шампанского это не надралась. Мы же с тобой договорились утром о сегодняшнем вечере. Может быть у тебя интерес к другой женщине?

— С ума сошла, что ли. Ты прекрасно знаешь, что я не принадлежу себе. Я планировал приехать домой вовремя, но у меня завтра серьезный процесс. И мне нужно подготовиться, — тон Андрея чуть смягчился, — Заяц, ты что такая горячая. Наверстаем.

Андрей поднял одеяло с пола и, бросив на кровать, подошел ко мне.

— Девочка моя, взял за подбородок, — сегодня я хочу набраться сил перед другой битвой.

Губы нежно коснулись моих. Укор. Ещё укор и совесть начала медленно и верно точить изнутри.

Ты чего вдруг? Правда, шампанского перепила.

И вслух: «Мне тебя не хватает. Я скучаю. Мы с Маней видим тебя урывками».

— Олеся, давай спать. Я устал. Оставь свои представления кому-нибудь другому. Например, своей сестричке язве.

— Не называй её так. У Ольки острый язычок, но она никак не язва.

Я ещё долго обдумывала нашу семейную стычку, прежде чем заснула. Странное поведение Андрея всё чаще наводило меня на мысли. И я каждый раз, перепроверяя телефон, корила себя всё больше за бестолковую и беспочвенную подозрительность. И чувствовала себя гадко, лежа телефон мужа на стол, как только звуки воды в душе смолкали.

Жесть. До чего докатилась Олеся Петровна. Адвокат с хорошим послужным списком.

Наверное, на меня действуют четыре стены. И мне нужно, как раньше, живое общение, движение и участие в чужих судьбах.

Декретный отпуск стал меня тяготить?

Семейные отношения меня тяготят?

Нужно сходить к своей подруге и поплакаться в жилетку не только как подруге, лучше, как психологу, по совместительству которой является моя Ланка. По оставленному недопитому кофе на столе понимаю, что Андрей торопился. Так сильно, что в прихожей лежит его телефон. Я взяла в руки телефон, покрутила и снова положила на место. Наберу Андрея, когда он будет уже на работе, на рабочий телефон. Телефон завибрировал, и я машинально взяла в руки трубку.

— Андрюша, спасибо за поздравление, — сообщение от Марины, помощницы моего мужа, и я чуть опешила, никак не ожидая такого фамильярного общения между ними.

Марина Александровна старше Андрея на восемь лет, симпатичная рыжеволосая помощница судьи в свои тридцать восемь основательно замужем. Мы были с Андреем на десятилетнем юбилее по случаю празднования юбилейной свадебной даты. Каким боком нас туда прилепили? Но на скучнейшее мероприятие с кучей людей, которых я видела в первый раз, я попала.

Андрюша. Я запомню.

Моё маленькое солнышко проснулось. Я слышу тихое: «Мама» с детской комнаты и, бросив телефон, где оставил его хозяин, возвращаюсь в свои будние дела.

— Манечка проснулась, моё солнышко, — начинаю тихонько с порога.

Моё кареглазое счастье тянет ко мне руки.

— Что, пошли? Просыпаемся?

Маня хмурится, зная, что мы сейчас пойдём умываться и чистить зубы. И после водных процедур Маша работает ложкой над тарелкой каши и часы отщелкивают девять на циферблате. Андрей уже точно на работе, и я набираю рабочий номер.

— Доброе утро. Участок номер десять, мировой суд. Слушаю вас, — дежурным тоном поёт секретарь.

— Доброе утро, Жанночка. Андрей Борисович на месте? Это спрашивает его жена.

— Он готовится. У него судебное заседание через час.

— Пригласи, пожалуйста, на минутку.

— Хорошо, Олеся Петровна.

Резкое: «Да. Что ты хотела?», выбивает из привычного равновесия.

— Ничего. Ты телефон забыл в прихожей. Хотела сказать. Не ищи.

— Спасибо, любимая.

Тон чуть помягче, но осадок остался. Я положила трубку. Умеет же испортить настроение.

— Маня, что так долго кушаем? — подбодрила я дочурку, — работаем ложкой быстрее. К тётке Лане поедим?

Маша радостно заулыбалась. Тётю Лану мы знаем хорошо. Тем более, что она у Машки крёстная. Я перебрала свой гардероб и влезла в свои брюки. Именно влезла. Что есть, то есть. Фигура, конечно, у меня бомба, но один размер рождение Маньки мне прибавило. Кремовый свитер под горло и минимум косметики. Разукрашиваться некогда.

— Завезем телефон папе и поедим к тете Лане, — приговаривала я, надевая на Машу красивую розовую курточку. Мой ангелок в розовом бесподобен.

— Ну что, дружок, пошли?

Я подхватила на руки Машу и, выйдя на лестничную площадку, вызвала лифт на третий

этаж. Можно, конечно, и пройтись пешком по лестнице.

— Прокатимся?

Маша заулыбалась в ответ. Ездить на лифте её нравится больше, чем работать зубной щёткой.

Я остановилась у входа в мировой суд. Чуть потоптавшись у входа, машу охраннику рукой. Ромка, высокий симпатичный молодой человек, заулыбался, увидев меня, и впустил внутрь.

— Привет. Всё цветешь и пахнешь.

— Привет, Рома. Пропустишь меня? — смеясь, спросила я. — Я на минутку, отдам телефон своему супругу. Спешил так, что оставил.

— Конечно, проходи, — отвечает молодой охранники и провожает внимательным взглядом.

Мы за ручку с Маней прошли по знакомому коридору, и вот я у дверей десятого участка. На двери красивая и строгая табличка. Мировой судья судебного участка номер десять. Герман Андрей Борисович. Мой супруг собственной персоны. Мы с Машей осторожно вошли в воочию моего мужа. Помню, как я в первый раз переступила этот порог и встретила с вновь назначенным мировым судьей глазами. Разряд. Ещё один. Мне показалось, что сердце замерло на мгновение. Чувство, что как будто знаешь человека... уже целую вечность, разлилось по венам. Я тряхнула головой и вылетела из своих воспоминаний.

— Можно? — спрашиваю у секретаря, показывая на закрытую дверь.

— Конечно, Олеся Петровна.

Я осторожно стучу и прохожу внутрь. Андрей за своим большим столом в чёрном кресле схмурил брови, вчитывается в текст документов, ворохом лежащие перед его глазами.

— Привет, — тихо здороваюсь с ним.

Глаза Андрея поднимаются, и во взгляде вижу неприкрытую злость.

— Ты зачем здесь, — хмурый ответ.

— Ты забыл.

Я кладу телефон на стол и, резко развернувшись, выхожу прочь. Даже шаблонного спасибо не получила. Зачем я сделала такой круг? Я подхватила Машу на руки и ускорила свой шаг.

— Олеся, — слышу голос мужа, но делаю вид, что не слышу, — Олеся, я что, гоняться за тобой должен?

Андрей хватает меня за локоть.

— Спасибо, что привезла телефон.

Я смотрю пристально на него, понимая, что мы отдаляемся невидимыми шагами.

— Не за что. Постарайся не задерживаться. Маня скучает по тебе.

Андрей берет маленькую ручку нашей принцессы.

— Маша, до вечера доченька.

В моей голове ещё долго звучат его шаблонные фразы. Я вышла из здания, сердце гулко билось. Отругала себя уже тысячу раз. Зачем мне всё это представление холодной недосказанности. Только чуть отдышавшись, вызываю такси, и жёлтая машина везет меня к Светлане, где моя подруга сняла помещение в здании у живописного места, рядом с парком. После беседы с Ланой я обязательно прогуляюсь с Марией по красивой аллее, и мы с дочкой покормим диких уток у берега.

— Приехали, — прокомментировал грузный таксист.

— Сколько с меня?

— Сто восемьдесят.

Я отсчитываю деньги и, собирая в охапку Маньку, со словами: «Сдачи не надо!», поднимаюсь по ступенькам к входу. Знакомый лифт поднимает меня на пятый этаж высотки, где снимает кабинет для профессиональной деятельности моя давняя подруга Светлана. Помощница у Ланки, юная белокурая девица поздоровалась сразу, как только я зашла.

— Светлана у себя? — спрашиваю дежурным тоном.

— У неё клиент. Подождите, Олеся Петровна.

Я снимаю своё пальто и Машкину розовую курточку, и мы топаем по направлению к детскому уголку, любовно оформленному руками моей подружки. Ей нужно было податься в художники, а не копаться в чужих проблемах. Детские стульчики у детского стола, альбом и карандаши, и расписная стена в дельфинах, плещущихся в волнах. Люблю это место. Уже в дверях мне становится спокойно и тихо на душе. Я оборачиваюсь на звук хлопающей двери. Моя любимая Ланка, прощаясь, обнимается с седой женщиной в возрасте.

— Лёлька! — Я улыбаюсь на любимый голос и интонацию.

— Она собственной персоны, — протягивая руки для объятий, говорю давней подруге, — есть свободная минутка?

— Обычно нет. Но ты же знаешь, что на тебя найду. Вика, присмотри за Маней.

— С удовольствием, — широко улыбаясь, отвечает Вика и берет за руку мою маленькую дочурку.

— Ну что, как у тебя дела? — начинает с порога Лана

— Отвратительно. Мы отдаляемся с Андреем всё дальше. Это я тебе как подруге говорю, не как психологу, — плюхаясь в удобное кресло напротив Ланки, отвечаю я.

Лана вздохнула.

— Семейный кризис, значит. В чём проявляется отдаление?

— Видимся всё меньше, любим друга друга всё меньше. Буквально. Андрей молча ложится в постель и отворачивается от меня в другую сторону. А ещё начал практиковать ночёвки на диване.

— Чем объясняет?

— На мои вопросы обычно психует в ответ.

— Да, странно всё. Я помню его счастливые глаза на свадьбе. Глаза влюбленного мужчины. Слова хорошо, надо действовать.

— Вчера весь вечер занималась. Всё как положено: бельё, новое платье, романтический ужин при свечах.

— И...?

— Закончилось скандалом.

— Вот как?

— Он домой пожаловал после девяти часов, переделся в пижамку и лег спокойно спать. Я чувствовала себя как будто через тебя переступили и пошли спать.

— Да. Действия ни к чему не привели. Попробуйте провести семейные выходные совместной прогулкой или отдыхом.

— Совместные прогулки у нас только с Марией.

— Кофе будешь? — щёлкая чайник спросила Лана.

— Можно. Лана, я уже думаю, мне может быть тесно дома и начать шаги по выходу из

отпуска по уходу? Завтра схожу в многофункциональный центр, узнаю за очередь в детский сад. Насколько мы продвинулись. И вообще, у нас, кажется, льгота есть в этом плане.

— Ты думаешь, это поможет семейным отношениям?

— Нет. Но мне определено поможет. Я научила Маньку и ложкой работать, и на горшок проситься. Не хочется в зиму отдавать, но думаю, пусть пока привыкает. К началу весны я смогу написать заявление.

— Попробуй. Ты чересчур деятельный человек.

— Однотонная работа утомляет мой мозг и удручает меня. Я люблю дочку, но сейчас понимаю, что мне нужно что-то менять в своей жизни.

— А как Андрей на это отнёсся?

— Не знаю. С ним я это ещё не обсуждала. Потому как это точно будет очередной скандал.

— Ты в лоб не говори ему о своих планах. У вас, у юристов, всё слишком прямолинейно. Мягко, очень осторожно подводи к своему вопросу. Так, чтобы он подумал, что выход из отпуска по уходу — это его идея.

— Попробую внять твоему совету. Ладно, что обо мне. Как дела на личном фронте?

— Глухо, как в танке, — Лана рассмеялась, — честно, некогда. Бесконечная очередь из клиентов. Даже выходные приходится расписывать. Но... Я на пути приобретения собственного жилья.

— Отличные новости! Я за тебя рада.

— Я присмотрела себе квартиру в новостройке, недалеко от моего кабинета. Это будет буквально в паре кварталов отсюда. Но дом сдаётся через три месяца.

— И что? Новые апартаменты в новом доме.

— Да. На следующей неделе оформляю сделку. И как только обоснуюсь, мы с тобой это дело отметим. Можем по-семейному с твоим мужем.

— Это вряд ли получится. У нас на первом месте работа, потом родители, а мы с Маней где-то в конце этого списка.

— Печально, но значит, будет ещё лучше. Ты, я и Манька.

Глава 2

Я люблю осенние дни, пока стоит ещё последнее тепло уходящего года. Скоро расплачутся небеса и всё вокруг станет сырым и серым. Я так часто стала задумываться, погружаясь полностью в себя. И сейчас, выйдя из своего забытья, чуть потрянув головой, прогоняя грустные мысли, тихонько сжимаю руку своей маленькой дочери.

— Смотри, Маша, какие красивые птички. Это утки. Уууткиии, — нараспев говорю своей дочке.

— Уууу, — повторяет за мной Маша, показывая ручкой на ряд красивых плавающих уток.

— Мы столько раз здесь были с твоим папой, а теперь только ты и я, — вздохнув, говорю Маше.

Листья, кружась, падали на землю и золотистым ковром укрывали берег. Красивая яркая картинка увядающей природы, готовящейся ко сну. Скоро здесь всё затянется льдом и засыплет снегом. А пока осень радовала последним теплом. Я взглянула на часы, моя жизнь по расписанию диктует свои правила.

— Домой, Машулька. Поехали домой.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу машины, везущей меня домой. Пол часа мелькающих картинок за стеклом такси, и лифт поднимает меня на третий этаж нашей квартиры. Я помню свои восторженные чувства, когда мы только купили своё собственное жильё. Деньги со свадьбы и наши собственные средства, и на первоначальный капитал у нас собралась приличная сумма. Заезжали мы с Андрюшей из красивого, богатого и холодного дома его родителей в свой уютный уголок. Изначально в планах был ремонт и переезд после ремонта, но душная обстановка в доме свекров, и я упростила мужа сделать это раньше. А ремонт... Это не так важно. Мы его можем сделать постепенно. Главное я и он. И наша большая любовь. Я была счастлива. Я действительно была счастлива. Так, когда оглядываешься и думаешь: «Не уже ли со мной?» Андрей мчался домой с работы и с порога, возвращаясь домой, набрасывался на меня с жадностью. Мы не всегда успевали добраться до кровати нашей спальни. Я с упоением красила стены, покупала мебель и продумывала каждую деталь нашего гнёздышка. Я всё здесь люблю. Оно создано мной и моими руками.

Пробегаюсь глазами по содержимому холодильнику и накидываю план покупок. Вся деятельность по покупке продуктов, как, впрочем, и всего, на мне. Поначалу мне нравилось решать все вопросы самостоятельно. Сейчас стало тяготить. Как будто Андрею ничего не нужно. Гость в нашей семье и жизни, принимающий всё как должное. Я понимаю, что сейчас в плане денежного содержания полностью зависима от него. Но... Андрей никогда не вникает проблемы нашего быта и всё вопросы я решаю самостоятельно.

Маня, моё солнышко, поковыряв приготовленный мною суп, трёт руками глазки и через десять минут сладко спит в своей кроватке. Я вспомнила утреннюю перепалку на работе Андрея, и неприятная тень легла на мою душу. Умеет мой муж своей холодностью испортить настроение. И она всё чаще всплывала между нами. В нашей жизни и в нашей постели. Сегодня, я думаю, жена мирового судьи вообще останется одна в красивой кровати, и Андрей ляжет спать на диване в гостиной. Это стало практиковаться в последнее время. При самой небольшой перепалке Андрей демонстративно уходил в гостиную. И я, ворочаясь полночи, не могу заснуть от обиды.

Входная дверь хлопнула. Я удивленно посмотрела на часы. Сегодня вовремя, как никогда. Я не стала кидаться на встречу с поцелуями, как раньше. Я многое не стала делать, как раньше. Так и продолжала стоять и перетирать тарелки на кухне.

— Заяц, привет, — ровным тоном сказал Андрей.

Я повернулась и улыбнулась мужу дежурной улыбкой.

— Ужинать будешь? Или ты, как всегда, не голоден?

— Буду.

И Андрей нежно целует меня в шею. Мой Андрюша. Нежный и горячий. Я таю и отодвигаю наш разговор о моем досрочном окончании отпуска по уходу на потом. Сегодня я не хочу портить такой шикарный вечер. Я поставила перед Андреем тарелку и приборы, пока разогревала ужин.

— Плесни мне виски, — попросил Андрей и удалился в ванную.

Я удивленно подняла брови и молча плеснула в стакан крепкий шотландский виски. Андрей любил его, но выпивал изредка. В силу своей профессии любил ясный ум.

— Машка спит?

Я покачала головой в ответ.

— Ещё рано. В гостиной, в манеже.

Андрей сделал большой глоток виски и наколол аккуратно нарезанный кусок свинины.

— Ты, как всегда, превосходна.

Странно. Даже если все будет вкусно, Андрей всегда находил изъян.

— Я старалась. Ты только редко это подмечаешь.

— Уж поверь. Подмечаю я всё.

— Я в курсе, — подумала я про себя.

— Ты не хочешь составить мне компанию?

— Ты же знаешь, что я так поздно не ем.

— Я не за еду, — и кивнул в сторону бокала с виски.

— Только немного.

Я плеснула виски в ещё один стакан.

— Леля, за тебя, — поднял бокал Андрей.

Я внутренне растаяла. Люблю, когда он меня так называет. Леля.

Андрей стукнул бокал об мой и сделал ещё один большой глоток.

— Как твой процесс? Все хорошо?

— Да. Все отлично. Впрочем, как всегда. Запутанное дело. Много нюансов, но сегодня вынесено решение по нему и, надеюсь, поставлена точка.

Я сделала маленький глоток, и спиртное обожгло своим горячим тягучим теплом. Теперь понятно приподнятое настроение мужа. Такое иногда бывает.

— Лелька, — отодвигая тарелку и внимательно смотря на меня, произносит Андрей, — ты у меня красавица.

Опять удивил. Compliment я слышала в последний раз, наверное, полгода назад, на юбилее отца Андрея. Тогда в платье в пол и шикарная прическа и Андрей не смог спрятать восхищённого взгляда. Я получила комплимент в виде: "Ты у меня красавица". Конечно, старалась. Со Светланой пробежалась по магазинам и под зорким взглядом Ланки выбрала самое эффектное платье бордового цвета.

Андрей поставил тарелки в мойку и обнял меня за шею. Поцелуй в шею, рука Андрея скользнула под мой домашний костюм и чуть прижала мою грудь. Горячее тепло медленно

перекочевало в мою пятую точку. Я развернулась, и мы сомкнулись в горячем поцелуе. Его жадность удивила. Андрей подхватил меня на руки.

— В спальню? — улыбаясь, спросил мой супруг.

Я сглотнула стоящий ком в горле и махнула утвердительно головой.

Я проснулась рано. Солнце только начало пробиваться сквозь ночную мглу в закрытые красивыми шторами окна. Андрей ещё спал. Ещё пол часа и утреннюю тишину разорвет мелодия будильника. Красиво очерченные губы и ряд тёмных густых ресниц. Я люблю разглядывать его спящее красивое лицо. Когда нет его природной настороженности, надменности и хитрого взгляда чуть с прищуром. И разговаривая с ним, ты думаешь, что с тобой не общаются, а сканируют. Мой любимый мужчина, влетевший в мою душу мгновенно. После встречи с ним я верю в любовь с первого взгляда и первого вдоха. Поэтому я так остро реагирую на наше отчуждение? Я просто боюсь его потерять?

Я, тихонько накинув халат, направилась на кухню, по пути заглянув в детскую. Маша спала, свернувшись клубком в своей чудной жёлтой пижаме. В ней она похожа на маленького цыпленка. Я прикрыла своего цыпленка одеялом.

— Так сладко спит, — произнес Андрей вполголоса.

Я вздрогнула от неожиданности.

— Я не слышала, как ты подошёл, — ответила шёпотом.

— Сделай мне кофе, — шепчет мне Андрей и целует нежно в шею.

По телу пробегает дрожь от прикосновения его губ. Я машу головой в ответ. Любимый напиток мужа в его любимой кружке. За окном барабанит осенний дождь, и ещё сонный Андрей листает новости в соцсетях и молча пьёт свой крепкий кофе.

— Андрюша, что ты скажешь, если я пойду учиться на права? — вдруг спрашиваю мужа о давней мечте.

— К чему? Машина в семье одна, и вряд ли у тебя появится возможность ездить за рулём. Ну, кроме, когда я буду в отпуске. Ещё одно авто нам пока не по карману. — Лаконично и без возможности возразить, — Олеся, занимайся ребёнком.

— Ты считаешь, что я не занимаюсь Машей?

— Ты когда в последний раз читал сказки на ночь своей дочери?

— Не начинай, — пренебрежительным тоном возразил Андрей.

— Вот именно. Никогда. Поэтому это даже не вопрос. Считай, что тебя поставили перед фактом.

— Факт — это отсутствие пополнения на твоей банковской карте.

— Представь себе, она пополнялась, когда я работала, а сейчас в отпуске по уходу за ребенком. Ты что, меня упрекаешь в этом?

— Представь себе, да. И уйми свои аппетиты.

Андрей громко поставил кружку в мойку и выплыл из кухни, как король из тронного зала, а я обессилено присела за стол, обхватив голову руками. Меня так и подогревало поставить перед другим фактом, но понимаю, что это повод для разгорания скандала.

Андрей быстро оделся и, хлопнув входной дверью, уехал на работу. Я видела с высоты третьего этажа его нервную походку к автомобилю и резвый старт из двора. Я вздохнула. Всё так красиво и нежно было вечером и настолько горько сегодня утром. И эти качели его переменчивого настроения выводят меня из себя.

Глава 3. Семью годами ранее. Часть 1

Я обожаю свою профессию за её строгость, лаконичность, четкие границы и определения. С самого юного возраста я знала: моя будущая профессия — юрист. Я отмахала пять лет в университете и под радостные взгляды моей младшей сестрёнки Ольги и родителей, приехавших из провинциального городка, получила свой диплом с отличием в красивой красной обложке.

Я уже знала, где я буду работать. Уже как полгода я работаю в частной конторе юристом, и мой работодатель вполне мною доволен. Остался лишь небольшой штрих. Диплом об образовании. Я попала сюда случайно и не знаю, каким образом вытащила счастливый билет в моей жизни. Инну Александровну не раз приглашали в наш университет для участия в семинарах. И я, к счастью, ей приглянулась и тут же рекомендована Ирине Владимировне, учредителю и директору нашей фирмы. Долгое собеседование с строгим начальником и изучающий взгляд из-под стильных очков, под которым я, девушка неробкого десятка, робела. Теперь дипломная работа пишется ночью, потому как днем я работаю в фирме.

Я даже не знаю, почему из восьмидесяти человек факультета юриспруденции Инна Александровна, помощница и правая рука Ирины, заметила именно меня. Я часто задавалась этим вопросом, когда начинала работать в «Urvisa». Сейчас на это у меня нет времени. Честно, у меня нет времени на элементарные вещи. Например, приготовить ужин. В последнее время этим занимается моя младшая сестренка Ольга, которая выбрала более нежную профессию, учась в педагогическом.

И каждый вечер, вздыхая, тихонько ставит тарелку передо мной и также тихонько удаляется из моей комнаты.

— Если ты не поешь, я позвоню родителям. Пусть принимают меры. Просто таешь на глазах, — сердито бурчит моя сестра.

Я перехватывала на ходу и, обложившись кучей книг, накидывала проект дипломной работы до поздней ночи. Часы показывают два ночи. Я тру глаза и, потратив на водные процедуры считанные минуты, без памяти падаю на свой спальный диван. Меня ждёт завтра стандартное утро: звук будильника, который я буду переносить каждые десять минут, мгновенное пробуждение и стремительное преодоление привычных километров до моей работы на общественном транспорте, прихлебывая кофе в надежде проснуться, чтобы с ходу поймать рабочий настрой.

— Ирина Владимировна, здравствуйте! — я радостно поздоровалась со своей начальницей. — Я дипломированный специалист.

Ирина Владимировна улыбнулась своей тёплой лёгкой улыбкой.

— Отлично, Олеся. Тебе уже можно поручать отдельное дело, а не ставить помощником при ком-то.

Я чуть не подпрыгнула от радости. Мне давно хочется самой вести дела, а не быть на побегушках у Юльки. Тем более, что эта красивая брюнетка, по моим наблюдениям, умеет только красоваться.

Воодушевленная, захожу в кабинет и достаю из пакета большую коробку с вкуснейшим бисквитным тортом, купленный мною по пути.

— Девочки, диплом в кармане! — Возбуждённо делюсь новостью.

— Это лишь дело времени. Поздравляю, — обнимает Юлька. В принципе, неплохая девушка и мы с ней сразу нашли общий язык.

— Проставлюсь, как получу зарплату. А пока ставим чайник и портим фигуры вкуснейшим бисквитом.

— Вот ты — море позитива, Олеся, — подходит ко мне Инна Александровна.

Наша строгая сорокалетняя мадам и юрист до мозга костей.

— Поздравляю и добро пожаловать в команду специалистов. А мне кусочек побольше. Нужно основательно подпортить фигуру. Вылетаю из всех своих брюк.

— Как у вас это получается? — спрашивает Ксения, ещё один интересный экземпляр нашей конторы, размешивая сахар в огромной кружке с чаем.

— Много работаю, мало ем. А тебе не мешало убавить порцию, — усмехнулась Инна Александровна. Умеет уколоть, когда нужно.

Ксения нахмурила брови и теперь нервно отправляет бисквит в рот кусочек за кусочком. Смешные.

Я всеми силами стараюсь зацепиться за огни большого города, потому как в свой маленький городок возвращаться желания нет. Меня ждет повышение в заработной плате, и я из статуса работника принятого по трудовому договору с испытательным сроком, плавно перехожу в специалисты компании «Urvisa».

Я присела за свой рабочий стол в совершенно другом настроении, чем когда взяла отпуск за свой счет на неделю и по его прошествии радуюсь новым перспективам моей жизни.

— Олеся, — в наш кабинет заглянула молодой секретарь Ирины Владимировны, — вас приглашает к себе директор.

— Супер. Олеська дождалась своего звездного часа! — весело комментирует Юлька, подкрашивая губки дорогой помадой.

Юлька единственная дочка своих обеспеченных родителей, взята в фирму по рекомендации, а не в силу профессиональных способностей, и абсолютно не стеснена в своих расходах. Зарплату, которую я растягиваю на целый месяц, Юля может спустить в один день. Я иногда ей завидую. Хорошей белой завистью. Когда-то и я буду зарабатывать столько, сколько желает потратить моё сердце. Но пока это только мечты.

Я осторожно стучу и прохожу в стильный кабинет Ирины Владимировны.

— Присаживайся, Олеся, — деловито обращается ко мне Ирина Владимировна, пролистывая документы аккуратной стопочкой, лежащей перед глазами. Аромат кофе, который потягивает Ирина Владимировна из белоснежной кружки, обволакивает сразу при входе в кабинет. Белоснежная кружка с кофе на столе Ирины Владимировны — незыблемый предмет строго интерьера.

Я падаю на знакомый и любимый стул для посетителей.

— Диплом отнесёшь нашему делопроизводителю.

— Уже отнесла, — улыбаясь, отвечаю своему начальнику.

— Умница. Люблю таких деятельных молодых дам. Я тебя пригласила вот по какому вопросу. У нас намечается большое и серьёзное дело. Однозначно в команде ты и Инна Александровна. Подумаю, может быть, добавлю ещё одного специалиста. Суть работы — готовим иск и ведем судебное разбирательство к одной из строительных фирм. Вы с Инной отлично ладите, — сказала Ирина Владимировна и, наконец, оторвала свой взгляд от бумаг. — Директор компании, которая обращается к нам за услугами нашей фирмы, мой

однокурсник. Поэтому выложиться нужно по полной программе, потому как нам оказано доверие, и гонорар будет чрезвычайно хорош при положительном результате.

— Ирина Владимировна, не сомневайтесь. Я приложу максимум усилий.

— Хорошо. И поздравляю с новой серьезной работой. Мы с Инной возлагаем на тебя надежды.

Я кивнула головой у входа и покинула строгое царство начальника, пахнущее дорогими духами и вкусным кофе.

Работа оказалась тяжелой и утомительной. Мы с Инной Александровной с головой окунулись в документы, которые предоставила компания. И мои вечерние посиделки за кипой бумаг продолжились. Олька шипела на меня, но тут же успокаивалась, зная, что выпрошенные ею деньги на новое модное платье зарабатываются мной отчасти здесь, дома, за ноутбуком. Моя младшая сестрѐнка заглянула ко мне в комнату с привычной дозой заботы для моей персоны. Отодвинула бумаги с края стола и громко поставила тарелку. Я ковырнула вилкой в картофельном пюре, аппетитно политое подливой от поджарки из говядины.

— Вкусно... Как пахнет! Ты не туда пошла учиться, — поблагодарила я сестру, не отрываясь от монитора.

— Олеська, чтоб тарелка была пустая, — выходя из комнаты, скомандовала Ольга.

— Угу..., - буркнула я в ответ. Но Ольга уже не слышала меня.

Завтра у нас встреча с штатным юристом компании и обсуждение стратегии в нашем судебном процессе. Я откинулась на спинку кресла и мысленно пробежалась по своему гардеробу. В чём бы пристать перед сотрудниками компании, чтобы быть посолиднее. Я буду хорошо смотреться в летних бежевых брюках и светлой блузке с коротким рукавом. Заглянула в шкаф и достала свой дуэт на завтра. Отгладим сегодня, потому как завтрашнее утро будет как всегда суматошным. Мой завтрашний look на вешалке и я, вздыхая, опять окунаюсь в тонкости спора «Continent» к строительной фирме, которая заручилась построить здание и, подписав договор, выполнила его условия к сроку лишь на шестьдесят процентов.

Я выключила будильник и поплелась сразу же в ванную комнату. Из зеркала на меня смотрела заспанная лохматая дама и никак не успешный сотрудник успешной юридической фирмы «Urvisa». Сегодня я не стала переносить монотонный звук будильника, чтобы собраться на работу вовремя и выглядеть эффектно. Без крепкого кофе я не перенесу это сонное летнее утро и чайник пыхтит на плите, разнося по всей квартире пронзительный свист. Я лечу на кухню выключить пронзительную трель, но меня опережает сердитая сестрѐнка.

— Олька, прости. Не успела выключить, — оправдываюсь я.

— С тобой никогда не поспишь. Даже в свой выходной. Такое ощущение, что старшая сестра это я, а не ты, — буркнула Ольга и хлопнула дверью своей комнаты.

Я выпиваю свой бодрящий напиток на ходу и, облачившись в свои дорогие брюки и стильную блузку, несусь на свою работу с кожаной папкой в руках.

«Urvisa» небольшая фирма по предоставлению юридических услуг — от консультаций до ведения дел разной направленности — от гражданского до уголовного, с штатом в пятнадцать человек. Достаточно известная, достаточно успешная, и моё начало в ней — хороший трамплин в моей карьере. Прибегаю на работу вовремя, несказанно радуюсь, что не опоздала, и воодушевленно открываю свой ноутбук. Встреча с представителями заказчика

через двадцать минут, и я молниеносно пробегаюсь глазами по документам.

— Олеся, пройдите в кабинет Ирины Владимировны, — напряженно позвала секретарь и тут же вынырнула из нашего строгого царства.

Томительные секунды до кабинета моего строгого начальника.

— Олеся Петровна, знакомьтесь. Барсуков Дмитрий Валерьевич, — представила мне Инна Александровна с иголки одетого мужчину, сидевшего в кабинете Ирины Владимировны и со скучающим видом рассматривающим его интерьер, куда нас с Инной Александровной пригласила взволнованный секретарь начальника.

— Очень приятно, — отчеканила я ровным тоном и присела на своё привычное место.

В кабинет залетела моя взволнованная начальница. Такой я её видела давно.

— Прощу прощения. Важный разговор, — извинилась Ирина Владимировна и, обведя нас внимательным взглядом, добавила: «Дмитрий Валерьевич подправил исковое заявление, составленное нами, и хотел бы обсудить кое-какие моменты».

Конечно, редактировать готовую работу проще. Терпеть не могу таких снобов как Дмитрий Валерьевич, высокомерно поглядывающих на нас. Но, тем не менее, смелости у которого самостоятельно вести дело не нашлось.

Голубоглазый сноб вздохнул и достал из папки моё творение: исковое на нескольких листах. Я стала потихоньку закипать, увидев исправления красной пастой на полях и в тексте, написанные от души.

— Какие моменты вам не понравились? — Спрашиваю я и смотрю прямо в глаза Дмитрию Валерьевичу.

Голубоглазый блондин протягивает мне исковое заявление.

— Все моменты, которые показались мне спорными или подлежат исправлению, я отметил красным цветом.

Ирина Владимировна вопросительно посмотрела на меня из-под своих очков.

— Что ж. Есть что обсудить и проработать, — комментирую ситуацию, пытаюсь сгладить углы.

— В таком случае, что бы вам никто не мешал, я выделяю вам отдельный кабинет, где вы с Дмитрием сможете детально обсудить дело, — продолжила ровным тоном Ирина Владимировна. — Инна Александровна, возьмите ключи от нашей переговорной.

— Хорошо, — отодвигая стул, говорит Инна Александровна и, приглашая жестом пройти за ней, выходит из кабинета начальника.

Я вздохнула. Похоже, что работа с нудным Дмитрием Валерьевичем надолго, но и опыта у него можно поднабраться. Мы прошли в отдельно предоставленный нам кабинет, часто используемый при переговорах, и я, присев на мягкий стул, достаю совместное творение — исковое заявление компании «Continent» к строительной организации «ЮгСтрой» о ненадлежащем исполнении договора и вытекающими отсюда последствиями в виде непредвиденных материальных затрат, затрат на экспертизу, неустоек и штрафов.

— Вам не кажется, что сумму неустойки и штрафа можно требовать больше, чем ту, которую указали вы, — вальяжно рассевшись на мягком кресле напротив меня, продолжает умничать Барсуков.

— Почему? — Поднимаю удивленные глаза на Барсукова.

— Потому что на практике присуждают намного меньше, чем указано в исковом, — отвечает Барсуков.

Я смотрю в глаза, казалось бы, холодные и пронзительные, но в них вижу далекий блеск

неподдельного интереса. Дельный совет беру на вооружении. Пригодится.

— Я сейчас принесу ноутбук. Будем править по ходу дела, — предлагаю Барсукову и вылетаю из кабинета.

— Первое дело и такой плохой старт, — мысленно корю себя и уверенным шагом топаю в кабинет за ноутбуком.

Первые полдня в компании сотрудника компании «Continent» пролетел просто мгновенно. Логичным завершением нашей работы стало полностью переработанное исковое с предлагающимися к нему копий документов. Я ещё раз прошлась по договору и экспертизе выявленных недостатков. Все нарушенные пункты договора мы указали и ещё раз сопоставила с результатами экспертизы.

— Не хотите отобедать, Олеся Петровна? — неожиданно прерывает ход моих мыслей Барсуков.

— Это предложение? — спрашиваю, вызываяще глядя прямо в глаза.

— Да, — с самоуверенной улыбкой отвечает Барсуков.

Я ничего не теряю и обед в интересной компании будет кстати после нескольких усердных часов работы.

Вчерашний день — венец отчуждения, который Андрей продемонстрировал по отношению ко мне. Мой супруг со мной не разговаривал и даже не смотрел в мою сторону. Ощущение, что я просто призрак этого дома. Так, наверное, и есть. Я не выдержала и, включив кран в ванной комнате, чтобы Андрей не услышал меня, расплакалась. Умывала лицо холодной водой, успокаивалась и снова пыталась остановить предательские слезы. Я вышла из ванной комнаты и на цыпочках прошла в спальню. По пустой половине на нашей кровати понимаю, что Андрей, прихватив одеяло, опять съехал на эту ночь в гостиную.

Ну и чёрт с ним.

Я смахнула слезу со щеки и, повернувшись на бок, стараюсь выкинуть мысли о своей семейной жизни из головы и заснуть. Тщетно. Прокручиваю наш последний разговор, где мне указали моё место и картины сегодняшнего дня: пренебрежительное лицо и такое же пренебрежительное ковыряние вилкой в поданном мною ужине.

Выходя из кухни, Андрей достал бокал и плеснул туда хорошую порцию виски. И выплыл из кухни. Весь вечер потягивал его под громкий звук плазмы в гостиной.

Я проснулась от громкого хлопка входной двери. Вздрогнула от неожиданности. От громкого и неожиданного хлопка просыпается Маша и начинает реветь в голос.

Сволочь. Постарался и вложил всю свою злость, закрывая дверь за собой. Прекрасно знал, что неожиданности проснется ребенок, но ...

Несусь к Мане, накидывая на ходу домашний халат.

— Машенька, — шепчу своей крошке, — это папа вышел на улицу и хлопнул дверью.

Маша обняла меня своими ручонками и уткнулась в шею.

— Всё хорошо, Машенька, — стараюсь говорить тихим голосом, и мой ангелочек успокаивается.

— Какого черта?! — отправляю сообщение абоненту "Любимый муж".

— Если я тебе так ровно, подумай о дочери, — добавляю в след.

В ответ пришло: "Ты и дальше решила портить мне жизнь и нервы? Поверь, у меня это получится лучше".

Ещё бы. Тебе ничего не надо делать. Просто и дальше не замечать меня.

Я даже не знаю, что мне хотелось сейчас, в этот миг. Больно ударяю руками об кухонный стол. Теперь болят руки, но стало чуть легче.

Я заглянула в свой список дел, запланированных мною на этот день. Кажется, я перестаралась и недооценила себя. Я нагрузила себя с лихвой, чтобы не думать о нем и о его холодности. Лёд между нами становится крепче с каждым днем. И биться об него, наверное, нет смысла, и оказалось очень больно. К двенадцати часам мне хочется лечь рядом с Маней и так же сладко заснуть. Я накрыла Машу одеялом, тихонько погладила пушистый волос на голове и закрыла дверь в Манькину спальню.

Звонок от своей сестры я увидела не сразу и, перезвонив, слышу знакомый и родной голос.

— Олька, привет. Ты что-то хотела?

— Привет. Сначала не хотела тебе звонить, — мнется моя сестра, — но думаю, лучше тебе знать. Мы с Димкой обедали и случайным образом наткнулись на твоего супруга.

— Да? Он любит обедать в хороших местах. Значит, вы выбрали достойное место

отобедать, — пробую шутить, но сердце уже громко стучит.

— Да. Только твой благоверный в компании некой мадам. Я не вижу лица, потому как сидит спиной к нам. Но Андрея ни с кем не спутаешь.

— Он, возможно, с коллегой обедает. Оль, точно Андрей? — не могу унять себя и спрашиваю взволнованным голосом.

— Олеся, я не стала бы тебе звонить, если бы не была уверена, что в ресторане я встретила твоего супруга. Дело в том, что несколько раз брал свою спутницу за руку. Слишком интимно для деловой встречи. Ну, а выводы делай самостоятельно. Тут я тебе не помощник.

Я молчала в трубку и не могла поверить сказанному, но своей сестре я доверяю больше, чем себе.

— Я перезвоню тебе, — отвечаю сестре и смотрю в окно невидящим взглядом.

Честно, я просто обескуражена сказанным. С кем он? Зачем он там? Я не знаю. Я не знаю, что мне делать и что говорить. Я просто не знаю, как мне дальше жить с тем хаосом, который надвигается на меня огромной чёрной тучей.

В моей голове крутилась дикая мысль, и я старательно отгоняла её.

Не мог мой Андрей так поступить со мной и нашей семьей. Он просто там по деловым вопросам.

Сон сняло как рукой, и я не находила себе место. Иногда просто ходила из одного угла кухни в другой и больше была похожа на заведенного робота, у которого вдруг сломалась программа. Я жду, когда домой зайвится он в своем привычном для последнего времени настроении и загляну ему в глаза. Я не буду пока говорить о том, что я знаю, где сегодняшний обеденный перерыв провёл Андрей и в чьей компании. И не буду спрашивать, кто та женщина, которую мой муж, высокомерный педант, периодически поглаживал по руке.

Я намеренно стараюсь не смотреть на Андрея сегодняшним вечером и всё своё внимание уделяю только Машеньке. Замечаю удивленный, внимательный взгляд моего супруга, но продолжаю молчать. В принципе, игра в молчанку — любимая игра Андрея, и сегодня я решила играть по его правилам.

— Что-то случилось? — спрашивает Андрей, обнимая меня, вдруг сзади.

Резко развернувшись, смотрю прямо ему в глаза.

— С чего ты взял, что что-то случилось? — резко спрашиваю супруга.

Андрей вдруг смущается и по его бегающим глазам, что так на него не похоже, понимаю, что обед в кафе — не просто деловая встреча. Подсознательно мой муж чувствует себя виноватым.

— Ты знаешь, я решила, что буду отдавать Машу в детский сад и выходить на работу, — стараюсь говорить ровным тоном и держать свои эмоции, которые хочется выплеснуть в его лицо.

Брови Андрея удивленно поднимаются, и выражение лица резко меняется.

— Чего вдруг? Тебе чего-то не хватает? — резко спрашивает Андрей и плюхается на стул напротив меня.

Вся эта картина, похожая на представление король на троне и поданные на вытяжку, начала порядком бесить.

— Ты же сам намедни указал мне о поступлениях на мою банковскую карточку. Точнее, отсутствие их. Будем в корне менять ситуацию.

— Что ж, меняй. Не думаю, что Слуцкой понравятся твои бесконечные больничные. Особенно, когда на кону важное дело или заседание суда, — противным тоном пропел Андрей.

— Выходить на работу я буду весной. А пока будем приучаться к детскому саду. Это так. Чтоб ты был в курсе.

Я развернулась и с таким же невозмутимым видом продолжаю перетирать тарелки, чувствуя спиной взгляд Андрея, которым он сверлит меня.

— Я запрещаю тебе это делать! — громко командует Андрей и, выходя, громко хлопает кухонной дверью.

— Свои команды, как и командный тон, побереги для своей работы, — кричу ему в след, пытаюсь унять дрожь в руках.

Я уложила Машу спать и теперь верчусь в кровати, пытаюсь заснуть.

Не такой я представляла свою счастливую семейную жизнь. Уж очень хорошее начало было у нас с Андреем.

Вторая половина нашего ложа пуста, и Андрей всё там же, в гостиной.

Я проснулась рано. Андрей, хлопая дверьми шкафа, собирается на работу. В нашей комнате поплыл знакомый запах мужского одеколона, по кухне — вкусный аромат кофе. Стараюсь всё также не смотреть на него и проплываю в ванную комнату в своем шёлковом халатике.

Подхватывая папку с документами и ключи от машины, Андрей, одев свое чёрное пальто, вылетает из квартиры.

В хорошие времена он нежно целует меня на прощание и со словами: «Пока Леля», растворялся за дверью. Теперь же быстро и зло покидает семейный очаг.

Со вздохом наблюдаю, как машина моего мужа выезжает со двора.

— Пока, Андрей, — тихонько говорю вслед уезжающей машине.

Я целый день на взводе, перебираю подробности последнего разговора с мужем и разговора с сестрой об обеденных привычках Андрея и принимаю решение проверить, с кем сегодня мой супруг проведет своё свободное время.

Нужно ли мне это?

Может быть, всё оставить как есть?

Попытаться разобраться в причинах? Или жить и дальше иллюзиями о счастливой семье?

Меньше всего в моей жизни мне хочется терпеть обман за моей спиной.

Я робко стучусь к своей соседке по этажу, в квартиру напротив нашей. Вера Владимировна открыла тут же.

— Олесенька, привет. Что-то случилось?

— Здравствуйте, Вера Владимировна. С чего вы взяли?

— Лицо у тебя слишком взволнованное.

— А..., - машу рукой, — спала плохо. Можете мне помочь?

— Без проблем. Что нужно?

— С Машей посидеть. Я ненадолго. Забыла лекарства купить. А Андрей, вы же знаете занятой человек.

— Хорошо.

— Я пошла собираться, а вы подходите. У меня чудные пироги к чаю.

— Бегу. Подхватчу только телефон, — с улыбкой отвечает моя соседка.

Пирог к чаю — её маленькая слабость.

Я рассматривала пёстрые осенние картины за окном такси. Чувствовала себя гадко, но упорно ехала к работе своего мужа.

— Мы здесь постоим минут пять, потом опять поедим, — комментирую свой заказ и ловлю внимательный взгляд водителя авто.

Я и сама чувствую себя раздраженной дурой, но ничего не могу поделать с собой. Вглядываюсь во входные двери, чтобы не пропустить главное действующее лицо моего мрачного спектакля. Андрей вышел со счастливейшим выражением лица. Давно я не видела его таким. Ни я, ни моя забота, ни Маша не вызывают такого ответа, который я прочитала сейчас на лице Андрея. Кольнуло больно, и злость рвала невидимые грани меня на мелкие части.

— Мы едим за этой машиной, — я показала водителю такси автомобиль Андрея, к которому он подскочил быстрым шагом, — за старания оплачу дополнительно.

Водитель махнул головой и деловито вырулил вслед за «Toyota Camry». Мы, отмахав почти пол города за автомобилем, припарковались недалеко от того места, где остановился чёрный седан.

Мой муж, перебежав через дорогу, заходит в магазин с большой и красивой вывеской «Ювиблеск» и, пробыв там минут двадцать, вышел в том же прекрасном расположении духа, как и при выходе из работы.

Чёрный седан лихо стартанул и исчез в потоке машин.

— Догоняем? — участливо спрашивает водитель такси.

— Нет. Едем назад. Там, где вы взяли заказ, — устало ответила я.

— Хорошо.

На душе стало легче. Я не увидела картины, которую ждала: Андрей под ручку с очаровательной мадам в ресторане, мило беседует с ней, поглаживая руку. И его визит в ювелирный магазин даже воодушевил. Через неделю третья годовщина нашей свадьбы. И Андрей, кажется, готовился к памятной дате. Не всё так плохо.

Я расплатилась с таксистом и, поднимаясь на лифте домой, уперевшись о стену кабины лифта.

— Дура ты, Олеся Петровна, — сказала я себе и улыбнулась нахлынувшему чувству облегчения.

Я тихонько зашла в квартиру. Вера Владимировна чинно пила чай на кухне.

— Олеся, спит твоя крошечка. Ни разу не проснулась. Купила лекарства?

— Да, Вера Владимировна, спасибо.

— Ох, до чего вкусный у тебя пирог, Олеся. Повезло Андрею, — запивая аппетитный кусочек чаем, протараторила моя соседка.

— Мамин рецепт. Я вам ещё с собой отрежу, — обнимая Веру Владимировну, благодарю её, — чтобы я без вас делала.

— Не стоит, зайнька. Я бы с удовольствием, но мне много нельзя, — собираясь, поблагодарила моя соседка.

Я налила чашечку чая и подошла к любимому окну на кухне. Небо за окном заволкло тучами, но у меня настроение, в отличие от серого неба, было радужным. Остаток дня я ждала Андрея с нетерпением, даже просто потому, что соскучилась.

— Привет! — я радостно поздоровалась и сама поцеловала мужу в щёку, как только Андрей появился дома.

— Леля, в настроении, что ли? — целует в ответ Андрей.

— Ужинать будешь? — спрашиваю мужа, оставляя без внимания его вопрос.

— Угу, — поглядывая на меня искоса, отвечает Андрей.

Люблю эти моменты, когда думаешь, что счастья через край и невозможно измерить. И с каждым глотком восторг только множиться.

— Лель, у матери юбилей через месяц. Думаю, ты помнишь. Мы приглашены в ресторан, — Андрей стрельнул глазами в мою сторону и снова завозился со своей отбивной.

Настроение чуть испортил, но я не показала вида.

— Отлично, — отвечаю невозмутимым видом, но от необходимости встречаться с семейством Герман, сплошь высокомерных снобов, заныло сердце.

— Присмотри себе, пожалуйста, платье. Красивое и без откровенных вырезов.

К чему было уточнение по поводу вырезов? Но отвела лишь лаконичное: «Хорошо».

— Маше на вечер найди няню. Можно ту же, которую мы нанмали, когда ездили в ресторан на юбилей отцу.

— Что будем дарить?

— Я ещё думаю. Возможно, зная её страсть к искусству, картину. Попробую поговорить с отцом. Может быть, мама озвучивала, что она хотела бы.

Маргарита Андреевна не намекнула на список желаемых подарков?

На неё не похоже.

О том, что Маргарита Андреевна из старого богатого рода, мне было сказано бесщётное количество раз, пока мы с Андреем жили в доме свекрови. Как и то, что мне несказанно повезло, что любимец Маргариты Андреевны обратил на меня внимание. А если свекровь — гвоздь программы, то тут без её указаний никак не обойтись.

Я ждала, что Андрей вспомнит за нашу предстоящую круглую дату, но Андрей обошёл этот вопрос.

— Андрюш, я пока на кухне, поиграешься с Машей?

Андрей отодвинул тарелку и скорчил гримасу.

— Лель, я устал. Мне нужно отдохнуть, потому как завтра ожидается очень трудный день. Андрей поцеловал меня в макушку и выплыл из кухни.

Впрочем, как всегда. А я недавно размечталась о фитнес занятиях.

Маша капризничала, и я хожу из угла в угол детской, укачиваю дочь. Руки уже ломит от тяжести, и глаза слипаются от дикого желания уткнуться головой в подушку. И только ближе к двенадцати я, наконец, отправляюсь спать. У закрытых дверей спальни я останавливаюсь и, развернувшись, делаю то, что запрещала себе весь вечер. Я нырнула в карманы пальто Андрея и из внутреннего кармана достаю чек с ювелирного магазина. Подвеска с бриллиантом. Я даже присвистнула. А я абсолютно ничего не готовлю для любимого мужчины. Только скандалы с привкусом подозрений.

— Дура ты, Лелька! — восторженно вздыхаю и со счастливой улыбкой отправляюсь в спальню.

Утро следующего дня прекрасное, несмотря на непрекращающийся дождь. Я тихонько подпевала себе под нос любимые треки и до блеска натирала посуду. Андрей любит безукоризненную чистоту. Всё должно блестеть и сиять. Я старалась. Душа пела. Андрей решил меня порадовать, и у него это получилось. Я мысленно пробежалась по списку любимых одеколонов супруга и вспомнила его восхищённый взгляд в магазине галантереи на новую кожаную папочку. Я даже знаю, куда мы сегодня прогуляемся с Машей.

Маша вышагивает в своих красивых резиновых сапожках и меряет лужи. Дождь всё также моросит, но мы гуляем с дочкой под зонтиком и не спеша добираемся до магазина галантереи, где я уже наметила покупку для подарка на совместную годовщину. Перебрав ряд красивых папок, останавливаю выбор всё-таки на той, на которую упал взгляд моего мужа. В красивой упаковке я через неделю вручу этот красивый свёрток. Дождь припустил ещё больше, и я решаю добираться до дома на такси.

Я складываю свою покупку в большой чёрный пакет и убираю далеко в шкаф. Ещё раз в предвкушении отсчитываю даты. Романтический ужин обязательно нужно повторить. И у меня для него готово всё: и бельё, и платье, и настроение.

Вся неделя прошла в томительном ожидании, и Андрей удивил своим внимательным отношением к моей персоне. Его переезды в гостиную закончились, и я живу в своей семейной идиллии. Маша, мой любимый муж и счастливая я.

Свечи на столе. Я всё в том же красивом кружевном платье выставляю белоснежные тарелки на кипельно-белую скатерть. На этот раз в духовке запекается форель под сливочно-сырным соусом, а в ведерке со льдом — бутылочка шампанского. В гостиной на столике ожидает своего хозяина подарок в красивой стильной упаковке, и Маша несколько раз пытается его достать.

— Маша, нельзя, — бурчу на дочку и перекладываю подарок своему супругу ещё выше.

Маша надувает губки на мой сердитый тон и тербит воланы своего бесподобного кремового платья. Время семь вечера, и за окном уже порядком стемнело. Я вглядываюсь во двор в надежде увидеть знакомую машину и знакомый силуэт.

Томительное ожидание главного героя праздника заканчивается, и Андрей, открыв входную дверь и взглянув на нас с Марией, улыбаясь, спрашивает: «Что за праздник?»

Я чуть смущаюсь. Я ожидала другого.

— Три года назад я вышла замуж за самого красивого мужчину на свете, — комментирую своё эффектное появление при полном параде.

На лице Андрей изумление, и я решаю, что мой муж продолжает меня разыгрывать, и это часть подготовленного им сюрприза.

— Пахнет просто бесподобно. Я ужасно голоден, — снимая пальто, устало говорит Андрей.

— В ванную. И мы тебя ждем на кухне.

Я подхватываю на руки Машу и несусь на кухню накидывать последние штрихи, задуманные мною на семейном ужине.

Андрей обводит взглядом кухню и с сухим: «Вау» присаживается за стол.

Вау?

Как всё скромно!

Мне это действие сегодняшним вечером на нашей белоснежной кухне стоило мне усилий целого дня. А он мне выдал только: «Вау».

— Уже три года прошло? — Андрей продолжает меня потихоньку злить.

— Представь себе. Три года как мучаешься, — иронизирую в ответ.

Ставлю перед носом шедевр моего кулинарного искусства, от которого муж сглотнул слюнки.

— Аппетитно, — опять получаю сухой комментарий от Андрея.

— Будь так любезен. Налей нам шампанского.

Андрей не спеша поднимается из-за стола, также вальяжно откупоривает бутылку и возвращает ее назад, разлив игристое по бокалам.

В тонком бокале пузырьки дорогого шампанского поднимаются вверх и растворяются, соприкоснувшись с воздухом. Так, наверное, и мои мечты растворятся, соприкоснувшись с реальностью. Я повертела бокал в руках. Начало было воодушевляющим, продолжение смазанным, но я ещё в ожидании коронного блюда.

— За нас. За нашу семью и за тебя, любимый, — поднимаю бокал.

Инициативна, как всегда, на мне. По горькому опыту знаю, что наказуема.

— Олесья, ты, как всегда, умничка, — отпивая глоток шампанского, говорит Андрей.

— Я знаю, — поправляя на Маше воротничок на завязочках, отвечаю ему, — у меня для тебя есть сюрприз.

Красивые брови мужа взметнулись, и Андрей пристально уставился на меня.

— Я сейчас, — бросаю Андрею и вылетаю из кухни за подарком, оставленным мною в гостиной.

— Это тебе, — протягиваю приготовленный мною сюрприз удивленному Андрею.

— Что это? — Андрей вертит коробку в руках и вопросительно смотрит на меня.

— Открой и посмотри, — устало сажусь на свое место и выпиваю оставшееся в бокале шампанское залпом.

Андрей раскрывает подарок, и его глаза распахиваются от восторга.

— Леля, ты чудо! — Андрей восторженно вертит в руках папку. — Я такую как раз хотел!

— Я знаю, Андрюша, — градус алкоголя уже во всю поднимает градус моего настроения.

Я-то всегда помню о тебе, о твоих желаниях и предпочтениях. Подстраиваюсь под твоё настроение, в отличие от тебя...

— А я ничего тебе не приготовил...

Я даже открыла рот. Изумление — это лишь малая толика чувств, пронесенных вихрем в душе. Не могу сказать ни слова. Я, прожившая неделю в ожидании чуда, чувствую себя полной дурой.

В голове мелькает мысль, что подвеска может быть подарком матери на юбилей. Но заказанная Маргаритой Андреевной особенная картина кисти особенного художника, которую Андрей выискивал по всем магазинам города, теперь стоит, упакованная в нашей спальне. Чудно... Кто же станет владелицей тайного и дорого подарка?

— Ну что ж, подарок за тобой, — отвечаю осипшим голосом.

Встаю и, покидая кухню на ватных ногах, запираюсь в ванной комнате. Пытаюсь унять сбившееся дыхание и постоянно сглатываю подкатывающую тошноту к горлу.

Лелька, ну что ты. Успокойся.

Гадко и противно. И чувствую, что вся эта ситуация, отравившая и так острую обстановку между нами — начало конца.

Возвращаюсь назад и, оперевшись о дверной косяк, молча наблюдаю за ним.

Предатель? Или цепь случайных событий, которым есть объяснение?

— Леля, спасибо за вечер, — бросил мой супруг нежную благодарность не в свойственной для него манере.

Обида ледяной корочкой сковывает моё сердце, и бурная ночь не смогла её растопить. Страх и отчаянье — плохие спутники даже для большой любви.

Я позвонила на следующее утро Лане. Душа требовала выплеснуть горечь, которой было через край. И Ланкино плечо было как нельзя кстати. Собрав Машу, наспех покидала в сумку детское питание и пролетев пол города к подруге, плюхаюсь в бархатное кресло напротив неё.

— Мой муж мне изменяет, — говорю сразу о наболевшем чрезвычайно весёлым тоном, пытаюсь им замаскировать свою внутреннюю боль.

— С чего ты взяла? — спрашивает Лана, внимательно глядя мне в глаза.

— Все признаки на лицо. Идём чётко по руководству: «Признаки того, что ваша вторая половина вам изменяет». Первое — поменялось поведение. Лана просто в корне! Из заботливого и любящего мужа превратился в злобного нервнобольного придурка.

— Что есть, то есть, — с серьёзным видом комментирует Ланка, подправляя свои очки.

— Второе. Стал задерживаться на работе. Практически каждый день.

— И третье. Он кому-то дорогой подарок купил в ювелирном магазине.

— С чего такие выводы?

— Видела собственными глазами, как он ездил в ювелирный магазин, а потом чек лицезрела на купленную подвеску. С бриллиантом.

— И...?

Я разрыдалась в ответ.

— И ничего. Подарок предназначался другой женщине, — всхлипываю я.

Лана обнимает меня, поглаживая по спине.

— Олеся, а вдруг ты просто себя накрутила?

— Слишком уж много чего случилось. Крути не хочу. Неделю назад Олька звонила. Она с мужем обедала в ресторане и видела Андрея с некой мадам.

— Мало ли с кем мог обедать твой муж? Достаточно известный человек в своей сфере.

— Конечно. Только слишком много насобиралось мало ли что, мало ли кто. Ты что, его адвокатом записалась?

— Я не люблю догадки. Нужны факты. Твои слова?

— Я за ним кататься на такси не буду. Хватит того, что в ювелирный сопровождала. Теперь места себе не нахожу.

— А ты поговорить не пробовала?

— Что я ему скажу? Андрюша, ты случаем мне не изменяешь? Он пошлет меня также красиво и элегантно, как он выглядит при выходе на свою любимую работу.

— Ситуация разрешается рано или поздно. И если ты хочешь рано, то этот фурункул придется ковырять, чтобы он вскрылся. Поговорить о сложившейся ситуации придется. И я думаю, это какое-то недоразумение.

Мне сразу стало чуть спокойнее, но только совсем чуть-чуть. Подозрение уже закралось

в мою душу, и отвязаться от навязчивой мысли я не могу.

— Не знаю. Пока посмотрю, что будет дальше. Ладно, что там у тебя? Как твоя квартира? Двигается дело?

— Да. Наняла мастеров из работников застройщика. Так что все черновые работы они мне выполняют. И это существенно передвинет меня к переезду в своё жильё. Мне останется только поклеить обои и разобраться с напольным покрытием. Мне это квартирная песня с хозяйками и кучей условий надоела.

Я вспомнила свои студенческие годы и жизнь на съёмном жильё. У меня остались только положительные эмоции от милой и очень любезной хозяйки и её двушки, где мы весело и дружно жили с сестрой. Счастливое время. В последнее время мне хотелось вернуться туда, в беззаботное время, полное планов, идей и интересной работы. Я тряхнула головой и выбросила воспоминания.

— Я бы с удовольствием назад вернулась. В нашу двушечку. За окном оживленная трасса, парк. Куча бумаг за столом и крепкий кофе по утрам, чтобы проснуться.

— Ты за это время вспомнила, потому, как сейчас, не всё гладко.

— Может быть, ты права.

— За детский сад узнала? Место будет?

— Да. Через месяц. Я давно подала заявление, поэтому наша очередь подошла, и весной я буду уже в строю.

Лана улыбнулась.

— А Андрею сказала?

Я покачала головой.

— Нет. Мы поскандалили, когда я предложила отдать Машу в детский сад и выйти на работу. Поэтому о том, что нас уже ждут, ещё не сказала.

Лана плеснула свой фирменный чай в чашку и протянула мне.

— У меня есть вкуснящий мармелад. Давай подсластим нашу жизнь.

— Давай. Мне правда схуднуть надо, но от стресса хочу есть ещё больше.

— Всё наладиться, Лелька. Выйдешь на работу, и некогда будет за ним приглядывать, — хитро улыбаясь, произносит Ланка.

— Угу..., задумчиво глотаю ароматный напиток.

После «терапии» Светланы я чувствую себя сносно дня два. И через время постепенно втягиваюсь в своё «болото».

Молчание, перебрасывание однозначными дежурными фразами и пребывание каждой из половины нашего семейства в своем углу. Я старательно нахожу себе дела на кухне, хотя к вечеру она разве что не сияет. Андрей обычно работает в гостиной или со стаканом виски, просматривает очередные новости. Его вдруг появившаяся привычка вечер со стаканом виски напрягает больше всего. Новшество в наших совместных трёх годах.

Я как робот, действую по одной и той же программе и, натягивая одело под подбородок, стараюсь мысленно отвлечься от зудящих мыслей, от которых тонкой струйкой пробегает слеза. Я смахиваю её. Сильные девочки не плачут. Я разворачиваюсь к нему и вижу всё ту же картинку окончания моего вечера: спина мужа в пижаме, подаренной мною к очередному празднику. Хочу протянуть руку, но есть ли смысл?

— Марина, подожди, зайка. Сейчас... Какая сладкая..., - шепчет мой муж во сне.

Не могу поверить тому, что я услышала только что с уст моего супруга. И это просто верх моего предела! Я встала с кровати и, включив свет в спальне, сильно толкнула Андрея в бок.

— Ты чего? — изумленно спрашивает сонный Андрей.

— Кто такая Марина?

— У тебя совсем всё не в порядке с головой! Психичка! — сверкает глазами Андрей.

— О какой Марине ты гредишь по ночам? — продолжаю уже более громко.

— Я тебе ещё раз говорю: если тебе что-то чудиться, то я тут ни при чем.

— Что происходит, Андрей? Тайные подарки из бриллиантовых подвесок неведомо для кого. Твои ночные бредни о неких сладких Маринах?

На какой-то миг мне показалось, что на лице Андрея пробежалось удивление, но эта реакция тут же испарилась и заменена маской пренебрежения.

Андрей сгребает одеяло и злой миной на лице проплывает мимо меня. Так, будто чужие имена с красочной приставкой сладкая во сне называю я. Закипаю ещё больше. И наступаю на край одеяла, который волочится по полу, как мантия короля. Одеяло выпадает из рук, и Андрей поворачивается, метая глазами молнии.

— Ты что-то не поняла, — Андрей вплотную подходит ко мне.

— Да. Не поняла. Кто такая Марина?

В какое-то мгновение отлетаю на пол и ударяюсь об край кровати.

— Сволочь ты, Андрей! — громко кричу ему в след, лежа на полу, но получаю в ответ лишь громкий хлопок двери.

Я ревела пол ночи от обиды. И не знаю, что сильнее зацепило — сладкая Марина или то, что меня отфутболили как мяч. Но ледяная корка на сердце стала ещё больше.

Я провела в состоянии прострации весь день. Я никогда не думала, что моя семейная жизнь может так вдруг кардинально поменять полюса. Даже разговор между нами в последнее время не складывается. На все свои вопросы о происходящих одна за другой ситуаций я получаю вместо внятного ответа очередной скандал.

Получается, что моему мужу так удобно. Жить по тем правилам, которые удобны ему.

А я?

Я — очередное удобство в его жизни.

Быт, ребёнок и общая внешняя картинка счастливой семьи...

Хотелось позвонить и пожаловаться маме, только есть целый ряд но... у Надежды Александровны большое сердце и свою боль разделить с родителями опасно для их здоровья. Я не самый любимый ребенок в семье и мои проблемы не берутся близко к сердцу. И помочь мне в принципе не чем.

Я набрала номер неизменного верного друга.

— Привет, дорогая. Как самочувствие? Как дела? — Лана, как всегда, на позитиве.

— Хуже не придумаешь, — еле сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться в трубку.

— Что случилось опять?

— У меня сразу две плохие новости.

— О Боже! Олеся. Ты меня пугаешь!

— Лана, мне самой страшно. Он вчера во сне о какой-то Марине бормотал.

— Ииии? Мало ли что приснилось человеку?

— Лана, он меня ударил!

— Вот это другой разговор. И не извинился?

— Не в его манере извиняться. Ты же это прекрасно знаешь. Выплыл утром из квартиры с таким же величественным выражением лица. Естественно, мы опять не разговариваем, а у меня на руке и спине огромный синяк.

— Да уж. Сноб ещё тот. Это очень плохо. Такое поведение в семье не допустимо. И об этом нужно спокойно и серьёзно поговорить. Попробуй. Без упреков и повышенных тонов. И начни разговор с давлением на его совесть. Ударить женщину — это унижительно для мужчины.

— Мне кажется, что я ровным счетом ничего не значу для него. И так, наверное, было с самого начала. Я просто этого не замечала своими влюбленными глазами, в которых только розовый туман.

Я вытираю глаза, полные слез.

— Я не знаю, что делать, и я в полной растерянности, Лан.

— Ничего, переживем. Самое главное — не раскисай. Это моя тебе установка.

Я усмехнулась. Я, сколько ни старалась, не могла собрать себя в кучу. Тут просто установками не обойтись.

— Лана, ты настоящий друг.

— Угу. Пока, подружка.

Я долго слушала короткие гудки, смотря в окно невидящим взглядом. И даже слегка позавидовала лёгкой жизни своей подруги без особых проблем. Руки ледяные и всё тело слегка морозило. Открыв холодильник, я достала любимую бутылку своего мужа. Янтарный тягучий напиток в стакане, и я сделала большой глоток. Так стало чуть лучше. И я тут же допила лекарство для больной души.

Я слышу до боли знакомый хлопок входной двери, но мне абсолютно всё равно на его присутствие в доме. Удивляюсь, когда-то всё было абсолютно по-другому. Приготовив на столе всё для ужина, удаляюсь с Машей в детскую. Пересекаться со своим мужем нет никакого желания. Мы присели с Маней за стол, и мой маленький художник рисует, а я стараюсь ей помочь и старательно не думаю о нём и его поведении в последнее время.

Дошкольное учреждение самое заурядное, но от моей работы будет буквально в двух шагах, и я приложила максимум усилия, чтобы попасть в него. Ездить в детский сад придется на общественном транспорте, потому как автомобиль в нашей семье — личная прерогатива Андрея. Хорошо хоть остановка общественного транспорта рядом с нашей квартирой, и добираться мы с Машей будем одним маршрутом. Идея с детским садом страшно не нравится моему мужу, и он вряд ли облегчит мне жизнь. Группа Машкиных сверстников уже набрана, а нам остались последние штрихи, чтобы попасть туда. Медицинская комиссия и мой котенок в саду со смешным названием «Грибочек». Я сидела перед заведующим детским садом, внимательно слушала о всех правилах и распорядке заведения и параллельно заполняла документы.

— Что ж, Олеся Петровна, проходите медицинскую комиссию и начинаете приучать ребенка к детскому саду. Сначала это будет несколько часов. Когда ребенок привыкнет, будет оставлять с дневным сном.

Усилено машу головой и оглядываюсь в поисках Манечки, которая весело играет со

своим плюшевым медвежонком.

— Не бойтесь, — замечает мой встревоженный взгляд возрастная дама, — у нас замечательный коллектив, и, думаю, вашему ребенку здесь очень понравится.

Я улыбнулась в ответ.

— Спасибо, Зинаида Станиславовна, — благодарю женщину и, подхватив Машу на руки, выхожу из кабинета.

Через длинный коридор вместе с нами шагают малыши, мило держась за ручки.

— Тебе здесь понравилось? — спрашиваю дочку.

— Да, — Маша утвердительно машет головой и вертит ею, разглядывая многочисленную «публику» заведения.

— Ты скоро будешь ходить в детский сад, как другие детки, а твоя мама — работать. Главное, чтобы всё получилось, — шепотом говорю уже сама себе.

— Мама, к тете Лане? — лепечет Маша.

— Нет. Машуль, тетя Лана работает.

— А тетя Оля?

— Путешественница моя тетя Оля тоже работает, — улыбаясь, отвечаю Маше и закутываюсь по сильнее в свой тёплый шарф. На улице всё холоднее с каждым днём.

— Мы через неделю идём на юбилей, — Андрей за ужином демонстративно бросил ложку на стол, — ты сделала то, что я тебе говорил? — добавил всё тем же командно-вызывающим тоном.

Я стараюсь унять нервную дрожь в руках и молча завариваю чай в стеклянном чайнике, спиной чувствуя надвигающуюся бурю.

— Я с тобой разговариваю, — ещё громче продолжает Андрей.

— Я с тобой на юбилей не пойду, — отвечаю, чеканя каждое слово, так и не поворачиваясь к нему лицом.

— Почему? — тон Андрея стал мягче.

— Не хочу разыгрывать комедию: а-ля, счастливая семейная жизнь. Ты знаешь, актриса из меня плохая. Сорвусь ещё, выкину номер. Будет шок для твоей семьи и презентабельного шоу под названием юбилей любимой мамочки, — я резко развернулась лицом к Андрею.

Удивление на лице супруга. Значит, я внесла клин в стойкий нордический настрой Андрея. Пусть в одиночку кланяется своей мамаше и её поданным. Такая перспектива не очень по нраву Андрею.

— В противном случае я выволоку тебя на этот праздник, — глаза мужа метают молнии.

— Я буду кричать и сопротивляться. Посмотрим, как будет смотреться на людях наше эффектное появление, — я знаю, чем уколоть, и лицо Андрея краснеет от злости.

В тот миг, когда стол отлетел вместе с посудой и едой, я сразу не поняла, что случилось. Но по дорогим бежевым кухонным обоям стекает только что заваренный мною чай, и я понимаю, что Андрей запустил стол об стену. Громко хлопнув дверью, Андрей вышел из кухни. На глаза навернулись слезы, и обида колючим комом растеклась по телу, громко пульсируя в голове. На языке вертелось бросить вслед то, что на праздник Андрей вполне может взять с собой новую избранницу — сладкую Марину, но, окинув взглядом поломанный стол и разбитую посуду, решаю промолчать.

Я тут же, смахнув слёзы, вышла следом, высоко подняв головы и сделав вид, что мне абсолютно всё равно.

Посмотрим, где завтра утром будет чинно восседать мой вспыльчивый супруг.

Комфорт и удобство мы любим больше всего на свете.

И я даже не собираюсь убирать последствия реакции Андрея на мой решительный отказ.

Весь вечер хотелось выговориться, и я металась по телефонной книге. Позвонить Ланке или Ольке? Но о последствиях перепалки за ужином не сказала ни подруге, ни своей сестре.

Утром следующего дня Андрей остался без кофе, обои в кухне испорчены, а стол так и лежал, как большая белая медуза, которую выбросило на берег моря при сильном шторме. Мог хотя бы стол собрать и выкинуть на мусорку. Но... не барское дело работать руками!

Я вздохнула. Мне картина нравилась меньше всего, но трогать я не буду ничего. И в следующий раз, громя что-то в доме, пусть Андрей думает, как долго он будет лицезреть последствия.

Я вчитываюсь в список намеченных мною дел и, перечитав несколько раз номер один — медицинская комиссия в детский сад и расписание врачей, не спеша иду собирать мою малышку.

На улице льет дождь, и сильный ветер сбивает с ног. Мой красивый зонт сильный ветер вывернул в другую сторону, и пока я безрезультатно воевала с ним, Маша весело смеялась над моей беспомощностью. Даже настроение чуть поднялось, но перед глазами всплывающая картина прошлого вечера возвращает меня в ставшую уже привычной ситуацию нашей жизни — скандал. Так, наверное, разрушается семья. Кто-то разбегается в один миг, а моя семья уходит от меня по капельке.

Я сдаю в раздевалку наши куртки и, держа за руку Машу, уверенным шагом направляюсь в кабинет нашего участкового педиатра. Пять кругов ада, но сейчас лучше занять мысли другими вопросами.

Мы приехали домой гораздо позже, чем я рассчитывала. Маша уснула на моих руках ещё в такси, и, поднимаясь на лифте, я мысленно радовалась, что наш дом оснащен большим пассажирским лифтом. На третий этаж лифт поднял меня вместе с Верой Владимировной за несколько секунд.

— Здравствуй, Олеся. Нагулялись? — Вера Владимировна кивнула в сторону спящей Марии.

— Здравствуйте. В больнице практически весь день провели. Готовимся в детский сад.

— Понятно. Твой Андрей приезжал домой утром. Шумел, что-то выносил, — моя любопытная соседка тут же поделилась своими сегодняшними наблюдениями.

Я только подняла брови.

Чем мог заниматься Андрей в моё отсутствие? Вдруг оставить свою любимую работу?

— Точно что-то пугает, — подумала я, но ничего не сказала.

Я открыла входную дверь и, быстро скинув куртку, отнесу Машку в детскую. Мой ангелочек в красивой белой кровати и сладко спит. Я поплелась в кухню. Кружка горячего и крепкого кофе — то, что мне нужно сейчас. Бессонные ночи не проходят без следа. Картина на кухне удивила, и я стояла несколько секунд, разинув рот. Разбитого стола нет, как и посуды. И то, что случилось накануне, угадывается только по испорченным обоям.

Удивил.

Неужели мы переступили свою надменность и спустились к бытовым вопросам?

Более того, замечаю большую картонную коробку в углу с надписью: кухонный стол. Замечательно.

Надеюсь, в течение недели стол будет стоять на том же месте, откуда предыдущий улетел в несколько секунд. И что бы поменьше встречаться с мужем, быстро готовлю его любимое блюдо — говяжьё отбивную с картофелем и оставляю его на кухонном гарнитуре. Времени на это как раз хватит. Я оставила ужин на красивой тарелке и ещё, взглянув на большую картонную коробку, стоящую в углу, ушла в детскую к Маше. Я посадила Марию за детский стол.

— Мы прекрасно можем поужинать и здесь. Да, доча? — спрашиваю Машу. Мария счастливо машет мне головой в ответ.

Я слышала, как хлопнула входная дверь и размеренные шаги своего мужа по квартире, и удивляюсь отсутствию желания видеть его. Неожиданный визит Андрея в наш укромный уголок с Машей заставляет моё сердце бешено стучать.

— Хватит прятаться от меня, Леля. Прости. — Мягкий тон Андрея смущает и удивляет меня. Но больше его: «Прости».

Я поднимаю глаза и с укором смотрю на него. Андрей присаживается рядом и обхватывает мои колени руками.

— Клади Марию спать и давай поговорим, — продолжает всё тем спокойным и ласковым тоном.

Его руки поднимаются выше, и волна горячего желания медленно растекается по телу, начиная с тех мест, где прошлись его ладони. Мысленно борюсь с желанием впитаться в его губы.

— Хорошо, — стараюсь говорить ровно, не показывая свою бурную реакцию на его первый шаг навстречу.

Андрей молча вышел из детской.

— Я слушаю тебя, — я опёрлась об дверной косяк гостиной, спрятав за спиной мокрые ладони.

Андрей оторвался от своих документов и молча сложил их в аккуратную стопку. Из своей красивой папки мой муж достаёт красную коробочку.

— Это тебе, — мой супруг протягивает маленькую красную коробочку, — не совсем вовремя, но я рад, что ты стала моей женой три года назад.

Я обескуражена. На белом атласе кольцо из белого золота с россыпью небольших изумрудов.

— Красиво. Спасибо, — мысленно вспоминаю подробности моей находки — содержимого внутреннего кармана пальто моего мужа. В голове всплывает название приобретения Андрея в ювелирном магазине, и там точно было написано: «Подвеска».

— Я погорячился. Леля, прости меня, — шепчет мне на ухо Андрей и целует в шею.

Знает мои слабые места. От его губ по телу прошла дрожь и, подхватив на руки, Андрей относит меня в нашу спальню.

Горечь обиды тихонько тает. Наверное, любящему сердцу нужно немного. Иногда просто первый шаг в его сторону.

— Почему именно кольцо? — допытываю мужа, лежа в кровати с ним в обнимку и любуюсь блеском, переливающимся от камней. В окно барабанит мелкий осенний дождь, и капли дождя, собираясь дорожками, стекают со стекла подсвеченного огнями ночника.

— Почему-то долго выбирал, чем тебя порадовать, — отвечает Андрей после долгой паузы.

— Да, — радуюсь ответу, — я вроде бы не привередливая мадам.

— Завтра с утра приедет сборщик из мебельного магазина и соберёт стол, — меняет тему Андрей и целует меня плечо, — хочу, чтобы уже завтра мы ужинали, как прежде. Все вместе.

Рука мужа сползает ниже и, раздвинув мои ноги, проскальзывает внутрь. Я выгибаюсь от неожиданной ласки. Повернув меня на живот, Андрей резво врывается в меня.

Я проснулась поздно. Андрей уже уехал на работу, и я, накинув халат, порхаю, как бабочка из ванной в кухню. Настроение мой супруг мне поднял, и я даже рада, что не нашла жилетку, в которую так хотелось вчера расплакаться. Сегодняшний поход с Машей по врачам я отложила на завтра и жду сборщика мебели. В квартиру позвонили, и я, открыв дверь, с удивлением узнаю в высоком мужчине на пороге в спортивной бейсболке своего однокурсника.

— Ваня? Привет.

— Олеська, — оторопел мой однокурсник на пороге. — Всё такая же красивая. Я, наверное, к тебе. Советская, дом пять, квартира восемь? — проверяет Иван в бланке заказов. По большому чемодану инструментов, стоящему у дверей, понимаю, что точно к нам.

— Да, проходи.

Иван прошел в прихожую и продолжал нерешительно топтаться на месте.

— Ты решил переквалифицироваться?

— Да надоело работать на кого-то. Решил открыть своё дело. Небольшой цех по изготовлению мебели. Эксклюзивная и из дорогих материалов. Сборщики мои подкачали. Один на больничном, у другого ребенок родился. Поэтому пришлось самому сегодня по заказам проехаться.

— Стол в коробке на кухне. Кухня прямо по коридору, — машу рукой в сторону кухни, и, Ваня широко мне улыбаясь, проходит по указанному направлению.

Я смотрю вслед за фигурой Ивана. Удивил. Вчерашний достаточно успешный юрист сегодня предприниматель. Но Ваня всегда был индивидуалист. И подход к делу у Мелихова был таким же.

— Ваня, что-то нужно от меня? — я заглянула на кухню.

— У меня всё, что нужно, с собой.

— Хорошо. Я в детской с ребенком. Если, что позовешь.

Ваня остался в памяти тихим, скрупулёзным студентом. Высоким и слегка худощавым. Часто смущающимся. Для профессии юриста Ивану не хватало стальной выдержки и хватки. Сегодняшняя картинка значительно отличалась от студенческой. Но... прошло шесть лет, и мы, наверное, поменялись все.

Я тихонько зашла на кухню. Иван, скинув свитер и в обтягивающей майке, прикручивал ножки стола. Рельефные мышцы под синей обтягивающей майкой навели на мысль, что Ваня поменял многие свои привычки и занятия в спортзале теперь норма у моего однокурсника.

Я рассматриваю с интересом мужчину на своей кухне?

— Леля, ты замужняя дама, — уколола я себя и тряхнула головой.

— Ваня, чай будешь? — стараюсь отвлечься от ненужных навязчивых мыслей.

— С удовольствием, — не поднимая головы отвечает Иван, — у твоего мужа хороший вкус.

— Да. Это есть, — рассматриваю белоснежное новшество нашей кухни, идеально вписывающиеся в наш интерьер.

Теперь бы с обоями что-то придумать. Темно-коричневое пятно на обоях хорошее напоминание о горячих ссорах на этой кухне.

— Олеся, как жизнь сложилась? — продолжает спрашивать Иван, не поднимая на меня головы.

— Всё хорошо. Семья, работа. Пока в декрете, но планирую скорое возвращение.

— Ты всё там же, в «Urvisa»?

— Да. Ты запомнил?

— Как же не запомнить. Все судачили о твоём удачном сотрудничестве с Инной Александровной, которая протезировала тебя перед директором «Urvisa».

— У тебя как дела? — перевожу тему на моего визитёра.

— Всё хорошо, можно даже сказать отлично. Заказов большое количество. Если так пойдет и дальше, думаю, буду расширяться. И юридическое образование очень даже пригодилось, — Ваня поднял на меня свои карие глаза.

— Семья, дети?

— Пока в планах и семья, и дети. Хочу прочно стать на ноги, прежде чем заводить семью. Есть девушка, с которой я встречаюсь, но до решительного шага ещё далеко, — смеясь, ответил Иван.

— Принимай, хозяйка, — комментирует итоги своей работы Иван.

Я разворачиваюсь. Иван внимательно наблюдает за мной. В глазах весёлые искорки и довольная улыбка на красивом лице. Красивая аккуратная борода добавляет шарм общему виду моему нечаянному сборщику мебели. Чуть смущаюсь его пристальному взгляду.

— Уфф, какая красота! — Восхищённо обсматриваю стол, — знаешь, Вань, хорошо, что ты не стал юристом. Давай теперь обновим, — киваю на белоснежную деталь интерьера.

Я поддвигаю белые стулья и жестом приглашаю присесть.

— Ванная комната прямо и направо. Чай или кофе?

— Чай! — Удаляясь в ванную комнату, прокричал Иван.

Я завоzilась на кухне и в белоснежную кружечку наливаю заказанный гостем чай. Ваня осторожно присаживается за стол и поддвигает ближе красивую чашку.

— Вкусно, — Ваня потягивает маленькими глотками горячий напиток, — и необычно.

— Мой фирменный рецепт. Добавляю травы: мелисса, барбарис и сок лимона.

— Ты как всегда. Подходишь к делу с изюминкой.

Удивил ещё раз.

— Интересная характеристика. Я всегда думала, что я иду строго по намеченному плану. Без сантиментов.

— Сантименты добавляют оттенки к общей картине и не всегда бывают лишними. Спасибо за вкусный чай и если вдруг понадобится, вот мой номер, — Иван протянул мне свою визитку.

— Хорошо, — я верчу визитку в руках, — я запишу твой номер. Вдруг мы ещё что-то захотим поменять.

Ваня, покосившись на стену с подтеками чая, усмехнулся.

— Перемены к лучшему, Савина. На себе испробовал.

Я привыкла к другой фамилии, и девичья даже резанула слух. От его слов голова закружилась, и череда картинок из жизни пронеслись, как на весёлой детской карусели. Я даже подперла спиной стену, чтобы вернуться в свою размеренную жизнь. В последнее время не такую размеренную, как мне хотелось...

Ваня быстро оделся и, подхватив чемоданчик инструментов, помахав мне на прощание, растворился за дверью.

Перемены к лучшему. Интересно подметил. Чего уж я не хочу в своей жизни, так это перемен. Андрей, Маша, наш дом — всё в моей жизни. И я хочу, чтоб они и дальше

оставались неизменным в моей жизни.

— Ланочка, у тебя есть для меня время на выходных? — отправляю сообщение любимой подружке.

— Для тебя всегда есть. Что случилось? — прилетает ответное сообщение вместе с тревожным смайлом.

Набираю любимый номер и слышу в трубке знакомое: «Алло».

— Платье нужно выбрать для сборища снобов, чтобы выглядеть также напыщенно, как они.

— Аааа. Я подумала, опять поругалась с Андреем.

— Нет. Тут на удивление всё хорошо. Вчера презентовал подарок к нашему трёхлетнему юбилею.

— И как подарок?

Я сбрасываю звонок на минуту.

— Зацени. — Я подписала фото кольца на своей руке и отправила на ватсапп Лане.

— Скромновато. Но, тем не менее, лучше, чем ничего.

— Я и этому рада. Столько себе накрутила в голове. Оказался поход в ювелирный магазин приурочен к нашему семейному празднику. А я умудрилась и Андрюху подогреть.

— Ну, твой Андрюха тоже не подарок. Такой же, как его припадочные родители. Я представляю, веселье будет ещё то, на вашем семейном празднике.

— Мне прошлого юбилея хватило и едких замечаний от Марго. Надеюсь, хозяйка бала будет занята. Но выглядеть нужно на двести процентов. Ты знаешь, как трепетно относится к внешнему лоску Андрей.

— Не волнуйся. Съездим и нарядим тебя как надо.

Я вздыхаю.

— Сегодня приходил к нам сборщик мебели. И, не поверишь, оказался моим однокурсником. От прежнего Мелихова Ивана, наверное, только имя и осталось. Высокий, красивый, спортивный.

— Уфф. Муж в курсе, что ты красивых и спортивных однокурсников принимаешь?

— Он сам его и вызвал, — отвечаю, смеясь Лане. — Мы кое-что из мебели поменяли.

Я не стала вдаваться в подробности мебельного переполоха.

— И?

— Бросил юриспруденцию и полностью поменял свою жизнь. Теперь изготавливает и продает мебель.

— Молодец. Не боятся люди всё поменять в своей жизни.

— Я тоже завидую таким категориям людей. Я люблю стабильность. А он мне перемен пожелал на прощание. Да так, Лана, что мне показалось, что я вдохнула в себя этот ветер перемен.

— Это отсутствие регулярного семейного секса.

— Тут тоже всё хорошо. Андрюха вчера отработал, — отвечаю Лане, смеясь.

— Люблю, когда ты такая.

— Какая?

— Счастливая.

Я ещё долго крутила кольцо с россыпью изумрудов на пальце. Счастливая. Но где-то далеко «ёкало» сердце от нехорошего предчувствия. Я гнала от себя его, но оно навязчиво всплывает в моей голове и вихрем кружится вокруг меня.

Я перемеряла целый ряд вечерних платьев: длинных в пол, вычурных и простеньких. И ничего подходящего. Лана уже устала от бесконечной смены картинки перед глазами. Я ещё больше. Продавщица магазина, молоденькая девочка, стоящая всё это время на вытяжку в модном бутике, куда мы нагрянули с Ланой, принесла мне ещё несколько вариантов.

— Попробуйте это, — продавец протягивает мне красивое бежевое платье. — С прошлой коллекции, но очень красивое. Вам будет очень хорошо в нём.

Я повертела в руках тяжёлое шёлковое платье.

— Примерь. Мне тоже кажется, что оно тебе подойдет, — подбодрила меня уставшая Лана.

Холодный шёлк вечернего платья легонько касается тела. Я прошлась взглядом по отражению в зеркале.

— Зацени, — бросаю Ланке и кручусь перед ней.

Светлана переводит усталый взгляд с экрана телефона на меня.

— Вау! То, что надо.

Бежевое платье в пол сидит на мне как литое, подчеркивая талию и высокую грудь. На лифе тонкая сетка с вкраплением стразов. Элегантно и очень эффектно.

— Ты в нем потрясная!

— Мне тоже нравится, — улыбаюсь и продолжаю кружиться перед зеркалом, — Андрюха будет в восторге! Берем, однозначно.

Выхожу из примерочной и протягиваю бежевое платье молоденькой продавщице: «Заверните мне, пожалуйста, это».

Девушка, улыбаясь, участливо забирает результат моего многочасового выбора. На лице радость, что, наконец, распрощается с придирчивой клиенткой.

Вспоминаю, что не договорилась о няне на вечер, и хлопаю себя ладошкой по лбу.

— Лана! Я совсем забыла за нянюку на вечер для Маши.

Срочно набираю номер абонента «Няня- вечер», но в телефоне лишь длинные гудки.

— Ну, ты даешь, подруга. Притархтишь на праздник вместе с Машей. Пусть с бабушкой пообщается.

— Ага. Марго пообщается с внучкой? Нам лишние проблемы ни к чему. Я могу по пальцам посчитать, сколько раз она взяла её на руки. Но советов надавала по воспитанию, книгу можно писать, — рассчитываясь на кассе, — комментирую я.

Лана рассмеялась.

— Я прекрасно знаю таких любителей учить, как нужно жить. Моя бывшая свекровь из этой же публики.

— Максим не объявлялся? — осторожно спросила я.

— К счастью, нет, — коротко ответила Лана.

— Пусть с ним и дальше мамаша нянчится.

— Он нашел себе другую мадам. Богатую и очень красивую, — ответила Лана и тут же изменилась в лице.

Я внутренне себя уколола. Не нужно было трогать болезную тему. Я думала, время лечит, но... кажется, не всегда.

— Заедешь ко мне?

Мы возвращаемся домой на такси, но я не хочу расставаться с подружкой так быстро.

— Не хочется особо видеть твоего супруга.

— Его сегодня нет дома. Он на работе.

— В субботу? — удивленно спрашивает Ланка.

Мне и самой частые вылазки Андрея в выходные дни нравятся всё меньше.

— Да. Он часто работает на выходных, — со вздохом отвечаю, — и будет, как обычно, к вечеру.

— Ну, тогда покупку надо обмыть.

— Мы сделаем остановку на улице Советской, дом шесть, — меняю маршрут такси, — а потом по первоначальному адресу.

— Что пьем? — Воодушевленно спрашиваю Ланку.

— Как обычно. Мартини. А к нему фрукты и сок.

Первым делом я ещё раз примерила платье. С шубой, без шубы. С бижутерией. Лана смеялась и весело комментировала мои вариации.

— Вот так. И волосы наверх подними, чтобы твой Герман слюной изошёлся, — рассмеялась Лана, раскинувшись на нашей кровати в спальне.

— Думаешь? — Я продолжаю крутиться вокруг зеркала.

— Уверена. Пошли закрепим результат бокальчиком холодного и вкусного.

— Расстёгивай! — Я поворачиваюсь спиной к Лане.

Я разливаю мартини и сок в бокалы. Ланка колдует с фруктами, укладывая их на блюдо красивым рисунком.

— Красиво, — киваю на витиеватый рисунок из бананов, апельсинов и киви и протягиваю полный бокал с тягучей жидкостью терракотового цвета.

— Главное, чтобы было вкусно. Давай за тебя. За самую красивую и вкусную мадам. Твоему снобу несказанно повезло.

— Главное, чтобы Андрей так считал. И ценил, что у него есть такая жена. А такое бывает не всегда, — мне сразу стало грустно от сказанного.

— Так. Что ты скисла вдруг. Это такая политика у твоего мужа: поменьше внимания на вторую половину. Я таких часто вижу товарищей у себя на приеме. Чтобы женщина на цыпочках вокруг ходила в ожидании знака внимания. Любовь начинается с себя, — Лана стукнула свой бокал об мой и сделала большой глоток мартини.

— Да. Мне любви к себе не хватает в последнее время. Я так сильно изменилась. Стала похожей на маленькую плаксивую девочку. Раньше, если что-то не получается, стиснув зубы, двигалась к намеченной цели. А сейчас... ручки опустила и хватаюсь за платочек.

— Любовь к мужчине сделала тебя слабее. И это факт, — нараспев отвечает мне подвыпившая Лана.

Я только хмыкнула в ответ, но она, как всегда права. Со злостью наливаю в опустевшие бокалы мартини.

— Этот столик приобрели у твоего однокурсника? — Лана проводит рукой по гладкой поверхности стола.

— Да. И собираемся прикупить ещё комод с ящиками и зеркалом в прихожую.

— Скинь мне номер. Я тоже хочу такую красоту себе в квартиру.

— Андрей сказал, что у него большой каталог. И там очень много моделей.

— Я не только мебель имею в виду. Говоришь, твой однокурсник симпатичный и спортивный. Надо присмотреться.

— Лана не просто симпатичный. Красавчик! — Бросила я, между прочим, и удивилась своей реакции. Мне страшно не понравился интерес Ланы к Мелихову.

— У него есть девушка, с которой он встречается, — зачем-то добавила я.

— Да не бойся, не буду я трогать твоего мебельщика. Он что, тебе нравится?

Я фыркнула в ответ.

— Друзька на свадьбе должна была видеть, как её подруга смотрит на своего будущего мужа. В моей жизни один мужчина.

Ланка в ответ хитро улыбнулась и отпила большой глоток мартини.

— Где моя крестница?

— У соседки. И, наверное, на юбилей будем тоже проситься к Вере Владимировне. Я забыла договориться за няню и никак не дозвонюсь до мадам, которая сидела с Машей в прошлый раз. А перед Андреем надо отчитаться, что всё в ажуре и мы, красивые и нарядные, пожалуем на день рождение Маргариты Андреевны.

— Сбросишь фотографии. Полюбуюсь. Только твоей персоной. Фотографии остальных членов семьи Герман я лицезреть не хочу, — Лана скорчила гримасу.

— Вместо лиц поставим смайлики.

Мы весело рассмеялись.

— Как с тобой хорошо. Как бальзам на душу, — я обняла Ланку за шею.

— А студенческие годы помнишь? Было весело и легко.

— А сейчас сплошь заботы и проблемы, — вздыхаю я.

— Ладно, подруга, — Ланка тянется к бокалу. — Давай на посошок, и я поехала к любимым съёмным пенатам.

Мартини, разбавленный грейпфрутовым соком, гонит хмель по венам, но я большими глотками опустошаю свой красивый бокал.

Света нетвердой походкой проходит в прихожую и накидывает своё черное пальто.

— Подожди. Давай такси сначала вызовем, — останавливаю её.

— Я хочу прогуляться, — уставшим голосом успокаивает меня Ланка.

— Под дождем? — Настойчиво спрашиваю я.

— Люблю дождь. Слез не видно.

Лана в подъезде вызывает лифт и машет мне рукой на прощание.

Давняя рана, до конца не угасшая любовь к Максиму, старательно кем-то тронутая подробностями жизни бывшего супруга Лани всё также болит. И как бы Лана не маскировала свою боль, она пробивается сквозь внешнее спокойствие и выдержку.

Я не стала откладывать заказ нового комода в прихожую в долгий ящик и долго прохаживалась по магазину Мелихова. Удивляюсь красоте, которую Иван воплощает в жизнь. Правильно, что он бросил когда-то юриспруденцию и занялся любимым делом. Глазами пробежалась по кремовом спальном гарнитуре. У нас в квартире стоит тоже ничего. Но этот... Я бы с удовольствием заменила не только наш старый комод. Я дотронулась до спинки кровати и провела рукой. Представила этот кремовый дуэт — кровать и шкаф с красивыми прикроватными тумбочками у себя.

— Мне тоже нравится этот гарнитур. Здравствуй, Олеся.

Я вздрогнула и повернулась. В элегантно пальто чёрного цвета Ваня стоит недалеко и, похоже, наблюдал, как я любуюсь мебелью в магазине.

— Привет. Ваня, ты талант. Такая красота. Ты учился?

— Художественная школа не считается, но благодаря ей имею развитый

художественный вкус. Ну, плюс различные курсы переквалификации.

Я чуть смутилась: по сравнению с хозяином магазина я смотрелась очень просто в своей спортивной куртке и джинсах. Я мысленно одернула себя.

У меня было времени в обрез, и какая разница, насколько хорошо выглядит мой бывший однокурсник!

— Тогда зачем юридический? — спросила я, вглядываясь в лицо Ивана. Интересный персонаж. Не такой простой, как кажется на первый взгляд, со спокойной, уверенной хваткой.

— Настояли родители. Как всегда, хотели, чтобы была профессия, которая кормила. Я попробовал себя в юридической сфере и положил свой диплом на полку. Подальше.

— Я себя в другой сфере и не вижу.

— Я, если честно, я тоже не представляю тебя в другой профессии. Ты что-то присматриваешь?

— Да. Мне нужен комод. Красивый. В светлых оттенках и с выдвигаемыми ящиками. И зеркало.

— В прихожую?

— Да.

— Тогда прошу за мной, — Ваня провёл меня по выставочному залу в дальний угол. Я перебираю глазами ряд красивых комодов и не знаю, что выбрать.

— Посоветую этот, — Ваня махнул в сторону одного из них, — подойдет к цвету твоей прихожей.

— И впрямь. Я с тобой согласна.

Мягкая улыбка на лице обнажает ряд белоснежных зубов.

Я одернула себя ещё раз.

Зачем мне любование улыбками бывших однокурсников?

Мы думаем не о том, о чём надо было бы!

— Хорошо. Но придется подождать. Это выставочный экспонат. А на складе таких нет. Эксклюзив. Не смущает задержка?

— Ни сколько. Я никуда не спешу. Спасибо за подсказку. Ты знаешь, я хочу именно эксклюзив.

— Я постараюсь для тебя поторопиться.

— Спасибо, — в горле дико запершило, и спасибо вышло с заминкой.

Меня дико смущало это моё беспричинное волнение. Я сразу оплатила заказанный комод, хотя Ваня настаивал на оплате при получении.

— Тебя довезти до дома? У меня есть свободная минутка, — своим мягким тоном предлагает Иван.

Заманчиво, но...

Я замужем.

— Нет, Вань. Спасибо. Я доберусь сама.

Я разглядывала большие витражные окна магазина с красивой вывеской «Адель» пока такси не увезло меня подальше от места, ввергшее меня в непонятное смятение.

Всю оставшуюся неделю я посвятила медицинской комиссии, которую полностью прошла в нашей поликлинике. И пока не говорю ни слова Андрею о том, что мы в двух шагах от детского сада. У нас идиллия, и я не хочу её разрушать.

Субботний вечер приближался неумолимо. В гостиной упакованная картина и корзина

белых роз. Моё бежевое одеяние несказанно понравилось моему мужу. Я примеряла своё платье перед Андреем, но с причёской и вечерним макияжем я похожа на модель с обложки журнала.

Андрей задерживает взгляд и восхищённо смотрит на меня. Я ловлю его взгляд и каждую интонацию любимого лица. Такими же глазами Андрей смотрел на меня в день свадьбы. И трата всей зарплаты за месяц, которую я пулынула на свадебное платье, того стоила. Я накидываю короткий полушубок, и красивое чёрное такси привозит нас к роскошному ресторану. Гостей ещё немного и мой супруг бежит вперед меня откланяться перед любимой родительницей. Я, сбросив свой полушубок в гардеробной, не спеша двигаюсь, приподняв подол длинного платья, к виновнице торжества.

Маргарита Андреевна, как истинная королева бала, вся в шикарном чёрном вечернем платье, с высокой причёской и тяжелой артиллерией из ювелирных украшений. Свита из старшего сына и мужа при королеве.

— Здравствуй, мама! — Андрей целует мать в щёку. Чуть смущается. — Поздравляю самую красивую женщину с юбилеем.

Я внутренне ухмыльнулась.

Слово юбилей страшно не понравилось Марго. Наверное, напомнило о возрасте. И она криво улыбаясь, сухо поблагодарила в ответ.

— Здравствуйте, Маргарита Андреевна, — громко обращаю своё внимание на себя, — поздравляем вас с днем рождения.

Маргарита Андреевна с дежурной улыбкой принимает поцелуй и поздравление, мимолетно окинув меня быстрым взглядом.

— Спасибо, Олеся, — поет своим любимым тоном свекровь, — ты стилиста наняла, что ли? Наконец научилась соответствовать мероприятию.

Сглатываю укол со стороны любимой матушки. На языке вертится ответная язвительная реплика, но старательно удерживаю её за зубами.

— Андрюша, выглядишь осунувшимся, — не глядя на нас, выдает вдруг свекровь.

— Много работаю..., - пробормотал Андрей. Рядом с любимой мамой Андрей всегда выглядит слегка потеряннным.

— Может, кому-то нужно поубавить аппетиты, — взгляд Маргариты Андреевны опять пробежался мельком по мне.

Ясно, чьи аппетиты имелись в виду.

Я мысленно застонала. До конца вечера ещё далеко.

Бокал холодного дорогого шампанского чуть остудил мою горячую голову. Публика прибывала и, повертевшись у Марго и, отдав положенные почести, расходилась по залу, кучкуясь по интересам. Гостей пригласили много. Но я не сомневалась в этом. Я взяла Андрея под руку и тихонько отвела своего мужа в сторонку, подальше от язвительных замечаний его матери.

— О...! Олеся, прекрасно выглядишь! — из толпы вырулила Оксана, жена старшего брата Андрея.

— Спасибо, тебе тоже хорошо в красном цвете, — бросила я ответный комплимент жгучей брюнетке.

— Маргарита Андреевна не оценила.

Представляю едкий и броский комплимент по поводу внешнего вида Оксаны.

— Ты же знаешь, что оценки раздаются только ближайшему окружению. И мы туда не

входим, — чуть нагнувшись, бросаю на ухо Ксении.

Ксения только хмыкнула в ответ.

— Пошли за стол, — нервно дёргает меня за локоть Андрей и тянет в банкетный зал вслед за остальными гостями.

Наши места аккуратно возле Марго, и я буду сидеть как на иголках целый вечер. Пляда из блюд высокой кухни: рыба, мясо, закуски. Всё просто восхитительно, как и общий антураж. Я налегаю на шампанское, чтобы снять внутреннее напряжение, и замечаю недовольный взгляд моего мужа. Чувствую, что вечер закончится язвительными колкостями другого представителя семейства Герман. Не так стояла, не так говорила, много пила. Общий набор замечаний, который выльется на меня сегодня после всего действия, уже знаю.

Сидеть в напряжении тяжело, и я при первой возможности выхожу на террасу. На улице холодно, но я не чувствую его. И самое главное на террасе — никого.

— Привет, поближе, — мой свёкор вышел вслед за мной.

— Здравствуйте, Борис Григорьевич, — поворачиваюсь к отцу Андрея.

Мне хотелось побыть одной в одиночестве, но, похоже, Борису Григорьевичу тоже захотелось сбежать от суеты сегодняшнего вечера.

— Как Мария? — интересуется свёкор.

Хоть кому-то интересна маленькая внучка.

— Всё хорошо. Растёт.

— Вы так редко бываете у нас.

После последнего раза, когда мы были в гостях, и Маша испачкала диван, и у некоторых особо чувствительных особ случилась чуть ли не истерика, желание видаться с бабушкой и дедушкой Марии отпало вовсе.

Я тряхнула головой в стремлении избавиться от надоедливой и противной картинки и после долгой паузы добавила: «Приезжайте вы к нам в гости».

Знаю, вряд ли, но включаю дежурную вежливость. Живя первые полгода после замужества в доме свекров, только Борис Григорьевич относился ко мне нейтрально. Я запомнила.

Борис Григорьевич пока ещё работал судьей в городском суде и тоже страшно любил рабочие субботы, но там причина была своя. Как можно меньше лицезреть любимую жену.

Мысль о такой же природе рабочих суббот и постоянных задержек на работе Андрея пронзила меня. Я тут же успокоила себя.

У нас всё хорошо.

Я люблю своего мужа, а он любит меня.

На террасе появляется брат Андрея со своим умением появиться в ненужный момент. Виктор Герман, высокий брюнет уже с небольшой проседью на висках, подходит к нам своей размашистой походкой уверенного человека и, бросив на меня внимательный взгляд, роняет, между прочим: «Олеся. Как всегда, прекрасно выглядишь».

Ксения, конечно, интересная мадам, но внушительные размеры от сытой жизни основательно портят симпатичную жену Виктора. И я замечаю любопытные взгляды Виктора на интересных особах и даже на себе. Скользкий, быстрый и оценивающий.

— Спасибо, — выдавливаю из себя и понимаю, что начинаю подмерзать.

— Как у вас дела с Андреем? — разворачивается ко мне и спрашивает Виктор с хитрым выражением лица.

— Всё хорошо, — ограничиваюсь односложным ответом.

Стараюсь понять по выражению лица Виктора, насколько близки братья в последнее время, и делится Андрей подробностями нашей семейной жизни?

Бросаю взгляд на вход с террасы.

— Очень хотелось бы видеть вас в гостях. И никаких отказов не принимаю, — Виктор продолжает буровить меня своим взглядом. — Понимаю. Ребенок, молодая семья, но интересы не ограничиваются семейным кругом.

— Обязательно. Как Андрей найдет свободное время. Но это лучше всего обсудить с ним.

Свободное время? Его нет абсолютно у моего мужа.

— Чем так занят глава семейства? В эти выходные с удовольствием ждём вас в гости.

— Я предам Андрею. Простите. Я, кажется, подмерзла, — я быстро откланялась перед дуэтом Герман, с которым мне не о чем разговаривать.

Выходя на террасу, единственным желанием было немного отдохнуть от напряжения, которое всё больше и больше я чувствую к членам семьи мужа. Я вспомнила семейные обеды, которые раньше постоянно практиковались. Скучные и официальные, на которых обычно перетирались общие знакомые и новости.

Я вошла в зал, поежилась и глазами нашла фигуру мужа. Андрей, встретившись со мной взглядом, нахмурился.

Мы ехали молча домой в такси. Андрей разглядывал пролетающий пейзаж за окном автомобиля. Настроение отнюдь не радужное. Причины мне, как всегда, не ведомы. Тем более, что наш подарок очень даже приглянулся.

Я мысленно перебираю подробности вечера. Что так могло омрачить Андрея?

Я старалась держаться от Марго подальше и, в принципе, получила небольшую дозу язвительных замечаний от любимой маменьки, и ни слова не проронила в ответ.

А я могу!

Понимаю, что раньше могла...

А сейчас я уже давно приняла правила игры семейства Герман.

Кадры за окном для моего мужчины интереснее, чем моя персона. Я взяла руку Андрея, лежащую на сидении, стараясь привлечь его внимание. Андрей взглянул на меня и, вытащив свою руку из моей, схватился за телефон.

Я усмехнулась. Андрей опять закрылся в своей любимой капсуле. За окном такси вижу знакомый силуэт нашего многоквартирного дома. Снег большими хлопьями падает на землю и на душе такая же ледяная и снежная картина. Всё, что мне хочется в эту минуту: снять это невероятно красивое платье, расплести свои длинные локоны и облачиться в шёлковую пижаму. Просто закрыть глаза и, наконец, перевернуть страницу этого дня.

Я забираю уже спящую Машу у нашей соседки, любезно согласившейся посидеть этим вечером с нашим ребенком, и вхожу в дверь нашей квартиры, оставленную открытой Андреем.

С облегчением вдыхаю любимый запах любимого дома.

— Олеся! — Я слышу громкий голос над своей головой и, открыв глаза, вижу встревоженного Андрея, — Машка вся горит.

Я прилетаю в детскую. Маша, раскинув руки в детской кроватке, вся мокрая от выступившего крупными каплями пота. Андрей в дверях укоризненно смотрит на меня, и его красноречивый гневный взгляд говорит сам за себя.

— Собирайся. Я вас завезу в приемное отделение, — командует Андрей и, хлопая дверью, выходит из детской.

Я кидаю нужные вещи и документы в небольшую дорожную сумку и, завернув Машу в большое тёплое одеяло, лечу по ступенькам вниз до машины, которую Андрей уже прогревает.

Детский доктор приемного отделения, тщательно осмотрев, выносит вердикт: «Острый бронхит. Ложимся в больницу, мамочка?»

Я пожимаю плечами и, оборачиваясь, вопросительно смотрю на Андрея.

— Да, — без возражений отвечает за меня Андрей.

— Ну, тогда оформляем.

— Я поехал. Что будет нужно, напишешь, — гремит своим басом Андрей и, развернувшись, быстрым шагом удаляется из приёмного отделения.

Я растеряна, напугана и без сил опускаюсь на скамью с больным ребенком на руках.

Нас определили в палату с кучей таких же мамочек, как и я, и в палате стоит гул от десяти человек. Температура у Машки не падает и начинаю паниковать. Автор фразы: «Что будет нужно, напишешь», на мои сообщения не отвечает и на мои звонки трубку не берет. И я, как всегда, оставлена один на один с проблемой.

Я набираю номер своей сестры и, услышав бойкий голос Ольги, начинаю сразу с главного: «Мы в больнице».

— Боже, что случилось? — пугается младшая сестрѐнка.

— У Маши острый бронхит и высокая температура. Нас сегодня положили в больницу.

— Жесть. Как она?

— Плохо. Дышит тяжело. Не могу дозвониться до Андрея, сказать, что температура ещё выше.

Ольга фыркает в трубку.

— Это в его духе. Он всегда думает только за своё сиятельство.

— Мне так страшно, Оль.

— Ты уже себя накрутила, да? Всё будет хорошо. Запомнила?

В глазах стоят слезы, но паника чуть сбавляет свои обороты.

— Спасибо, Оль, — шепчу, смахивая слезу.

— Я заеду вечером после работы. Набросай в ватсапп, что нужно.

— Хорошо.

Я смотрю на тяжелое дыхание Маши и перебираю в голове, где я могла так простудить ребенка. В детский сад ещё шага не ступили, уже в больнице. Я вздохнула. Хорошо, что не сказала Андрею о пройденной медицинской комиссии. Скандал бы получился грандиознейший.

Я с трудом дождалась вечера. Машке чуть легче, и от сердца отлегло. Ольга привезла

огромный пакет, половину из которого я не просила и, как всегда, в привычной манере подбадривала меня.

— Я тебя вообще не узнаю в последнее время, — Оля с укором смотрит на мои красные и опухшие глаза.

— Я думала уже, что потеряю её, — делюсь главным страхом с сестрой.

— До муженька дозвонилась?

Я помахала в ответ и уставилась в окно отстранённым взглядом.

— Написал короткое сообщение: «Как Мария?»

— И всё?

— И всё. Мы так сильно нужны ему, что он ограничился только сообщением.

Ольга покачала головой.

— Там твои любимые пирожки с творогом. Вчера делала.

— Повезло твоему мужу.

— Он, слава богу, пока тоже так считает.

— Почему пока?

— Олесья, мужчины — самый непостоянный народ. Надеяться на них — последнее дело. Завтра вечером прибегу.

— Не стоит. У нас всё есть. И даже больше, — я покосилась на внушительный пакет, который притащила Ольга, — спасибо, сестрёнка.

Ольга улыбается и целует в щёку.

— Всё будет хорошо. Твоя любимая фраза, — Ольга делает акцент на слове «твоя».

Я киваю в ответ и молча смотрю в окно на холодный пейзаж.

— У меня новости, — радостно, вполголоса выдает Ольга.

По счастливому выражению лица моей сестры понимаю, что не у всех дела плохи, как у меня.

— Я беременна.

— Вау! Какая красота. Дождалась, наконец, племянника. Или племянницу. Я смотрю на тебя и не могу понять, в чем дело. Вроде в чём-то поменялось. Такое неувлимое изменение...

— Срок маленький. Дима в восторге.

— Я очень рада за вас, — я крепко обнимаю Ольгу. — Так быстро отсюда, из рассадника болезней. И больше тебя не жду. Ещё и пакет притащила.

— Я не больна, я просто беременна, — Ольга ответила мне, смеясь, помахав рукой на прощанье.

Я провожаю взглядом удаляющуюся фигуру и возвращаюсь в палату, которая к вечеру мне больше напоминает курятник.

От короткого разговора с Ольгой, как и приятных новостей о пополнении в семье Барсуковых, стало чуть легче. Но они не развеяли мою растущую внутреннюю растерянность.

Маша открыла глазки и, отыскав меня глазами, тихо прошептала: «Мамочка». Я потрогала лоб, и на сердце чуть отлегло.

— Слава богу, Мария. Ну и напугала же ты меня.

Маша хлопает своими большими карими глазками.

Я не спала всю ночь и, уставившись на полную грузную луну, зависшую над окном, в голове перебирала свою жизнь.

Я вспомнила наш первый танец, когда Андрей взял меня аккуратно за руку, и мы танцевали под звуки саксофона. Такое сладкое и нежное воспоминание. Весь вечер был пропитан романтикой. И первое свидание с Андреем в ресторане "Эдем" закончилось поцелуем. Я помню осторожное прикосновение его губ и нарастающую страсть, от которой кружилась голова, и хозяин чёрного BMW опять умудрился меня окатить. Только теперь волной страсти и зарождающейся любви. Уже через неделю мои глаза сияли от искры, зажжённой Андреем.

Из больницы нас выписали через неделю. На улице уже лежат сугробы, и я смотрю из окна, как с неба на землю ложится большими хлопьями снег. Мы возвращаемся домой из больницы и оба молчим. Андрей пришел в больницу лишь однажды и только после моих настойчивых просьб. В моей голове одни вопросы и ни одного ответа. И поведение Андрея ещё хуже, чем до юбилея.

В квартире беспорядок и абсолютно пустой холодильник. По-другому и не будет. Главная нянька нашего семейства в больнице с ребёнком. Я злюсь на свою вторую половину, но больше всего на себя. Как я позволила относиться к себе, как к пустому месту? Зло швыряю грязное бельё в корзину и также зло включаю переполненную стиральную машину.

Я прохожусь по квартире пылесосом, и моё любимое чудо техники цепляет бежевую кофту, чудным образом валяющуюся под кроватью в нашей спальне. Я выключаю пылесос, который пыхтит изо всех сил, пытаюсь справиться с тем, что случайно подхватил, и с интересом рассматриваю находку, пытаюсь припомнить, в чем была Ланка, когда мы вместе с ней покупали платье и потом примеряли его здесь уже хорошо подвыпившими.

Я повертела несколько раз находку в руках и бросаю её в стирку. При случае отдам потеряшку хозяйке.

На телефон прилетает сообщение от Ольги.

— В субботу ждем вас на день рождения. Ориентировочно к четырем часам.

— Будем, — радуюсь предстоящей встрече с сестрой и мысленно перебираю гардероб, в чем ехать на праздник. — Помощь нужна будет?

— Нет. Жду вас красивыми и нарядными к четырем часам. У меня есть отличный помощник.

Жду с нетерпением вечера, чтобы обрадовать супруга о предстоящем празднике в эти выходные. На моё воодушевленное высказывание Андрей молчит и продолжает резать отбивную столовым ножом. Я недоуменно смотрю на него, ожидая хоть какую-то реакцию.

— Я не уверен, что в эту субботу буду свободен, — наконец нервно бросает Андрей, и его ответ полностью обескураживает меня.

— Андрей. Суббота? В смысле, ты не будешь свободен?

— Я постараюсь освободиться пораньше, чтобы мы попали на праздник к твоей чудаконатой сестре.

Меня злит его пренебрежительный тон и холодный взгляд, и я глубоко выдыхаю.

— Моя чудаконатая сестра, как ты её назвал, была в больнице через день, в отличие от тебя, — с каждым словом говорю всё громче.

— И? Я был занят. У меня тяжелая работа, и ты знаешь об этом. Как ты думаешь, легко содержать семью, платить ипотечный кредит? Ты так и продолжаешь портить мне нервы практически каждый вечер.

Андрей смотрит на меня, не моргая, и, бросив столовые предметы, выходит из кухни.

Уже в дверях, не поворачиваясь ко мне лицом, бросает: «Спасибо за отличный ужин».

Милое приглашение в гости закончилось как всегда.

Спасибо, стол на месте.

Я без сил присела на кухонный стул. Перепалки с Андреем забирают у меня всё больше сил. И я, обхватив голову руками, ещё долго прихожу в себя. Хочется плеснуть мартини или коньяк в бокал и залпом выпить, но останавливаю себя, понимая, что это не выход.

Я пробежалась по магазинам в поисках интересного подарка для любимого мною человека. Зная любовь к парфюму, остановилась на новомодном итальянском бренде. Дорого, но... Ольге понравится. Я запаковала коробочку с флаконом в красивую обёрточную бумагу. Остались цветы. И это будут непременно розы. Возле нашего дома отличный цветочный магазин, и белые розы я купила утром в субботу. Маша в нарядном платье и я, кидая взгляд бесчисленное количество раз на часы, заметно нервничаю. Стрелки часов приближаются к трем часам. Я набрасываю на лицо неяркий макияж и в очередной раз набираю Андрея, который пообещал мне приехать ещё час назад.

В ответ только гулкие длинные гудки.

Подхватив красивый букет цветов, мы спускаемся с Машей по ступенькам. Праздничное настроение совершенно отсутствует и, сглатывая ком, стоящий в горле, подхожу к такси, припаркованное к нашему подъезду.

На телефон прилетает сообщение от мужа: «Леля поезжайте без меня. Я подъеду сразу на праздник».

На сердце чуть отлегает, и я весёлым тоном диктую адрес водителю такси.

Глава 10. Семью годами ранее. Часть 2

Автомобиль у Барсукова что надо. Чёрный седан, припаркованный недалеко от выхода, словно породистый чёрный скакун ждет своего хозяина. Кожаный салон и куча технических наворотов внутри. Я, обомлев, осторожно присаживаюсь на переднее сидение и стараюсь не показать, что ранее никогда не была пассажиром такого респектабельного авто. Барсуков поворачивает ключ зажигания, и породистый скакун стартует с парковки, медленно и уверенно.

Барсуков чуть улыбается, видя моё замешательство, которое я старательно маскирую напускной расслабленностью.

— Давно работаете у Ирины Владимировны? — спрашивает Барсуков с самодовольной миной на лице.

— Полгода. Но работала пока помощником. Месяц назад только получила диплом.

— Да? Удивительно. Слуцкая взяла со студенческой скамьи? — удивляется Дмитрий.

— А что тут удивительного. Трудовой договор с испытательным сроком. Я справилась, и меня взяли в штат, — спокойно возражаю Дмитрию.

— Значит, вы талант, Олеся Петровна. Я немного знаком с репутацией Слуцкой. Щепетильна. Рациональна. Профессионал в своём деле. И команда у неё практически вся такая же.

По начальному этапу совместной работы такого мнения на пренебрежительном лице Барсукова я не заметила. Неужели по результатам четырехчасовой работы юрист с опытом работы в большой компании поменял профессиональное мнение обо мне?

Автомобиль остановился у небольшого ресторанчика с красивыми витражными окнами. Не успела я открыть дверь автомобиля, как Барсуков грациозно подал руку с видом галантного джентльмена.

— Спасибо, — отвечаю в ответ на любезность и подаю руку с видом, что делаю это чуть ли не через каждый день.

Актерское мастерство — моё второе я.

— Я здесь частенько бываю. Кухня отличная, интерьер милый. Думаю, вам понравится.

— Полагаюсь на ваш вкус, Дмитрий Валерьевич.

Ресторанчик и впрямь уютный, и так, как я люблю: мило и без большой помпезности. Мы прошли и присели за один из свободных столиков, которые накрыты белоснежной скатертью с необычными выбитыми краями. Официант тут же принесла нам черный буклетик с пестрыми аппетитными картинками

— Что желаете, Олеся Петровна? — пробегаясь по меню быстрым взглядом, спрашивает Барсуков.

— Что посоветуете? — не отрываясь взгляд от меню, спрашиваю я.

— Здесь много чего интересного, но на первый раз посоветую утиную грудку с пряностями, — отвечает Дмитрий и захлопывает меню.

— Хорошо. Согласна.

— Вы всегда так быстро даёте согласие?

Сарказм? Или непристойная шутка?

— Если это не касается принципиальных вопросов.

— Вот как.

Барсуков жестом подзывает официанта и, вручая назад буклеты, нараспев заказывает: «Утиная грудка с пряностями и салат с угрём».

Интересный выбор. Я голодна, и от аппетитного «утиная грудка с пряностями» во рту потекли слюнки.

— Не желаете вина или ещё что-нибудь?

— Спасибо, но мне на своей работе нужен ясный ум, — тактично отказываюсь от предложенного бокала.

— Вы отсюда родом? — проводит разведку боем Барсуков.

— Нет. Из маленького провинциального городка.

— И решили зацепиться здесь?

— В моем родном городе делать нечего. Нет работы и перспектив тоже. А вы, Дмитрий Валерьевич, из Ростова?

— Представьте, тоже из небольшого провинциального городка. Куда ни под какими соусами не хотел возвращаться. Поэтому в чём-то наши жизненные истории похожи. Вы, наверное, единственный ребенок в семье?

— Нет. У меня есть замечательная сестра, с которой мы вместе снимаем квартиру.

— Старшая?

— Не угадали. Младше меня на два года.

— Тоже будущий юрист?

— Будущий филолог и преподаватель.

— Тоже интересно.

— Ваш заказ, — официант поставил на стол красивые тарелки с интересным содержимым.

— Я завтра, возможно, заеду во второй половине дня. Нужно проработать нашу тактику.

— Где больше всего надавим? — удивляюсь быстрой смене темы разговора.

— Нужно посмотреть, кто будет представлять интересы ответчика. У нас много плюсов.

И затронуты интересы потребителя. Обычно суд хорошо относится к потерпевшей стороне.

Я молча махнула головой, и, нарезав кусочек с аппетитной запеченной корочкой, пребываю в гастрономическом восторге.

Осторожно накальваю салат с угрём и осторожно кладу в рот. Честно, я никогда не пробовала угря. Отчего-то название плотно ассоциировалось с чем-то слизким и не очень вкусным. Но сочетание пряных овощей и кусочков угря — превосходно.

— Боже, как вкусно! У вас замечательный вкус! — Делаю нечаянный комплимент.

Барсуков расплывается в довольной улыбке.

— Спасибо. Я рад, что вам угодил.

Долгий тяжелый рабочий день закончился, и я, хлопнув входной дверью, плетусь в свою комнату. Брюки и блузка сброшены, и я в домашнем коротком халатике проверяю содержимое холодильника. Полный порядок и куча плошек с готовой едой. Надо было думать, что Ольга не будет ждать меня. Корю себя за отсутствие инициативы, но больше за отсутствие свободного времени.

Я мысленно перебираю подробности совместной работы с Барсуковой и обеденной встречи тет-а-тет. Интересный молодой человек, но «рентген» своих ощущений, детально проведенный в отношении Барсукова, показал отсутствие симпатии и лишь небольшой интерес.

Я расставляю тарелки на кухонном столе. И жду знакомый звук входной двери, когда

моя любимая сестрёнка с хмурым лицом придет с детского оздоровительного лагеря, где она отрабатывает практику воспитателем.

Я задумчиво стою у окна и ловлю дуновение тёплого летнего ветерка на моём лице.

— Привет, — Ольга вырвала меня из моего застывшего мира.

Я вздрагиваю от неожиданности.

— Ты что, задумалась? — смеясь, спрашивает Ольга.

— Ага, — киваю в ответ.

— Странно. Ты и просто стоишь у окна? А где ноут? Куча документов? Обычно ты у себя в комнате в обнимку компьютером.

— Сегодня не хочу. Устала за целый день. И мой мозг вряд ли что-то выдаст.

— Опа. Ужин? Удивляешь. Точно ничего не случилось?

— Мою руки и за стол, — прерываю тираду сестры.

— Слушаюсь!

Судебное разбирательство оказалось долгим и сложным. А наш ответчик — изворотливый. И противостояние целому штату нанятых акул было сложно. Судебная тяжба занимает мои мысли и всё моё рабочее и свободное время, и я чувствую себя к концу дня как выжатый лимон. В обязательном условии от нашего клиента — внушительный список галочек: возмещение проведённой экспертизы, расходы по восстановленным работам, неустойка, штрафные санкции. И, учитывая размеры иска, судебное дело затянулось.

Ответчик настаивает на мировом соглашении, но на своих условиях, где наши предложения уменьшены в пополам.

Финальный разговор не клеится, и вся команда из двух противоборствующих сторон сидят в напряжении. Мировое соглашение на наших условиях, вверх наших ожиданий, и я ерзаю на стуле, как на раскалённой печке. Напряжение растёт с каждой минутой.

— Мы разошлём абсолютно всем организациям, с которыми вы сотрудничали последние три года, результаты экспертизы. И посмотрим, какое количество ваших клиентов поставят под сомнение качество вашей работы и обратятся так же, как и мы, в суд.

Я высказала свои мысли и тут же прикусила язык. Все сидящие, как по команде повернули на меня свои головы. Я вжалась в свой стул, но держу взгляд и боевое настроение на своём лице. По сути, я здесь последнее звено.

— Хорошо. Мы принимаем решение и согласны на мировое соглашение на ваших условиях, — посоветовавшись со своими коллегами, выдает щегол в дорогом костюме.

Торжествующий взгляд от Инны Александровны, брошенный в мою сторону, означает нашу победу и мою роль в финале нашего спора.

Барсуков откидывается на спинку стула и, тоже улыбаясь, смотрит на меня взглядом с хитрым прищуром.

А я... ликую.

— Молодец. Я обязательно скажу нашему начальнику, кто поставил финальную точку в деле, — обрадовала меня Инна Александровна.

Мы все вместе выходим из зала суда, и я вдыхаю полной грудью свежий воздух этого летнего дня.

— Это дело надо отметить! Предлагаю ужин в ресторане сегодня вечером, — Барсуков останавливает нашу компанию, пристально смотрит на меня.

— Это предложение надо обдумать. Мы сегодня собираемся с девочками, — отвечаю на

пристальный взгляд Барсукова, — у меня сегодня день рождения, — добавляю уже тихим голосом.

— И ты молчишь? — удивляется Барсуков.

— Не до этого. Там всем занимается сестра. Я только жду готового. Напиться от радости или с горя, — смеясь, отвечаю Дмитрию.

— Тогда мы сегодня к вам, — напрашивается Дмитрий. — Какие цветы любит именинница?

— Орхидеи. Желательно синие. Приглашаю абсолютно всех, — я ответила с улыбкой, соображая на ходу, хватит ли на всех угощения. День рождения должен был пройти в небольшой компании.

Моя спальня в цветах, и я чувствую себя в ней как продавец в цветочной лавке. Молча глотая холодное шампанское из бокала, поглядываю на парочку на балконе. Кто мог подумать, что юрист и филолог так быстро найдут общий язык.

Вижу любопытный взгляд на парочку моей подруги Светланы и завистливый взгляд Юльки. И даже я слегка сожалею. Барсуков показался мне интересным. Правда, уже на второй взгляд. Но судьбоносное «Вау!» случилось между моей сестрой и моим нечаянным кавалером.

Я звоню в дверной звонок, и входная дверь с грохотом открывается. Барсуков в красивой голубой рубашке, обнимая меня, обдает своим неизменным мускусным запахом мужского одеколona и громко кричит своей супруге: «Оля! Олеська пришла! Встречай гостей!»

В прихожую влетает моя бесшабашная сестренка.

— Вау! Какая красота! — восхищенно оцениваю сестру в сногшибательном светло-фиолетовом платье.

— Спасибо. Раздевайтесь и проходите, — торопливо командует Ольга.

Я целую Ольгу в щеку и протягиваю подарок с цветами.

— С днем рождения, сестрёнка, — заключаю в объятия именинницу.

Как иногда хорошо просто оказаться в кругу родных людей. Я иногда поглядывала на часы, злилась в эти секунды на Андрея и вновь переключалась на виновницу торжества. Барсуков, любитель новомодных штучек, торжественно, в своей манере вручил телефон. Последней модели. Всё как полагается. Ольга сделала круглые глаза от удивления. Хотя моя сестрёнка — лиса... уже давно знает, что её любимый супруг приобрел на день рождения айфон. Я вдруг вспомнила чек на подвеску и всю затейливую историю с преподнесенным Андреем подарком к юбилею совместной жизни и, взглянув на ручные часы, злюсь ещё больше на своего мужа. Обещал и даже поклялся, что непременно будет дома в три часа дня, и мы вместе поедим на праздник. На звонки Андрей продолжает не отвечать. Но я знаю его привычку ставить телефон на беззвучный режим, погружаясь в свою, похоже, единственную любовь в жизни — работу. Я прохожу в кухню вслед за Ольгой.

— Ты что, без настроения? За Андрея переживаешь? Знаешь, по мне даже к лучшему, что его нет. Ты хоть на себя похожа, а не на затравленного зверька, — выдает Ольга и быстро подхватывает очередную тарелку из ряда заранее приготовленных шедевров в холодильнике.

— Какой такой затравленный зверек? — резко спрашиваю её.

Ольга вздыхает и, поставив чёрное блюдо с бутербродами на стол, поворачивается ко мне.

— Посмотри на себя и свое отражение. Где ты? Олесья я тебя не вижу уже давно. Ты полностью растворилась в нем. Нет его. Да и пофиг! Ты тысячу раз взглянула на часы. Это паранойя!

Я присела на стул, и слезы, которые я так усердно держу в себе, брызнули из глаз.

— Прости. Не хотела зацепить тебя, — тон уже мягче, и Ольга обняла меня за плечи.

— Ты права. Тысячу раз права. Он опять, как всегда, наплевал на меня и на то, что важно для меня. Мы так поссорились перед юбилеем его матери. И самое страшное, что он всю неделю вел себя как паинька, что бы праздник матери прошел гладко. И в это же вечер по дороге домой поставил меня в игнор. И сейчас тоже игнор.

— Что тут происходит, — в кухню залетел, как фурия, Барсуков. — Почему глаза на мокром месте? — изумленно спрашивает Димка.

— Депрессия. На работу мне нужно выходить уже давно.

— Я думал, ты сразу выйдешь, как Машка родилась.

— А кто бы ухаживал за ней, по-твоему, — я злюсь на очевидную глупость, брошенную Барсуковым.

— Давай-ка съездим и заберём твоего суженого из лап Фемиды, — Барсуков усмехнулся своей шутке.

— В смысле съездим? Дима, в тебе уже столько промилле, что тебя определяют без освидетельствования, — возражает Ольга.

— Я съезжу сама на такси. А вы пока присмотрите за Машей. Назад уже не Андрюхиной приедем.

— Я бы не парилась на твоём месте, а просто отдыхала, и даже мыслью не проходила по любимому эгоисту.

Я взглянула на встревоженное лицо сестры, но мыслями я была у входа в здание работы моего мужа.

— Тебя не пустят! — продолжила возражать Ольга.

— Я в хороших отношениях со всеми охранниками. Знакома ещё с времен далеких рабочих будней.

Я, набирая номер такси, уже в прихожей надеваю свою куртку и зимние сапоги. Ольга покачала головой, провожая меня тревожным взглядом.

— Оль, я быстро. Туда и обратно. Выволоку этого бумажного червя и приедем назад, — успокаиваю сестру.

Я улыбнулась, но на душе тревожно. Я не знаю, как отреагирует Андрей на моё неожиданное появление, но решение принято, и сообщение о припаркованном у подъезда такси прилетело мне на телефон. Барсуков весело машет мне рукой, Ольга сдвинула брови. Я окидываю их взглядом и выскакиваю за дверь. С тяжелым вздохом пробегаю лестничные пролеты и, присев на задние сидение такси, тороплю водителя. Сердце стучит, и я слышу каждый его громкий удар.

Я спешно отдаю водителю купюру и со словами: "Сдачи не надо", выскакиваю на улицу. Мелкий пушистый снег падает мне на лицо, и снежинки таят на моих горячих щеках. Я тихонько подхожу ко входу и дергаю входную ручку. Закрыто. Чего я еще хотела? Что будет открыто и простелена красная дорожка? Как глупо! Я оборачиваюсь, чтобы уйти, но в двери поворачивается ключ, и из-за приоткрытой створки выглядывает лицо охранника.

— Роман? Привет, — с надеждой воодушевленно здороваюсь с охранником.

— Привет, — чуть удивляется Роман.

— Ромка, я за мужем. Пропустишь?

— Тебя, конечно, пропущу, — пряча глаза, отвечает Роман.

— Андрей в кабинете? — робко спрашиваю уже в холле, и уже не рада своей затее.

— Да, кажется, я его не выпускал, — Роман возвращается за свой стол с мониторами.

— Хорошо, — я разворачиваюсь и тихонько прохожу по знакомому коридору. Каблуки сапог тихонько цокают по полу и эхом отзываются в пустом здании. Двери закрыты, и я чуть надавливаю на дверную ручку двери со знакомой строгой табличкой и захожу внутрь. В приемной горит свет, светятся всеми огнями включенный монитор компьютера, но никого нет... За плотно закрытой дверью кабинета моего мужа слышу тихий женский стон. Я чуть толкаю дверь, понимая, что всё, что мне предстанет перед глазами, разобьёт всю мою жизнь и всё, что я так старательно строила в последнее время.

Распластав на большом столе свою немолодую помощницу, мой муж методично раскачивается над раскинутыми в разные стороны ногами Марины. Мариночка скулит в ответ. И от всей квартиры краха моей жизни стало дурно. Тошнота резко подкатила к горлу. На всё представленное моему взору, я нервно засмеялась в голос. И все детали разрозненной

на мелкие части картины сейчас легли в большой, не укладывающийся в моей голове образ. Андрей резко поворачивает голову и в изумлении отскакивает, застегивая ширинку.

Я вышла в коридор и прислонилась к стене. Всё кружилось, казалась в своеобразном адском хороводе. Я молча, сглатывая слезы, которые стараюсь из всех сил удерживать, быстрым шагом направляюсь к выходу из душного и злополучного здания.

— Ты знал! — бросаю на Ромку обвинительный взгляд.

— Все уже давно знают, — чуть сипловатым голосом отвечает Роман, всё также пряча виноватый взгляд от меня.

— Выпусти меня, пожалуйста, и побыстрее, — я от бессилия уже шепчу.

Роман, громыхая связкой ключей, проворачивает в замочной скважине дважды, и я вылетаю из злополучного места.

Не вижу перед собой ничего и просто брожу по улице наугад. Телефон непрерывно гудит на вибро режиме, поставленным мною ещё в такси, но я не хочу никого слышать в эти минуты.

Как долго продолжается действие за моей спиной?

Я же давно понимаю, что происходит, но гоню мысли о третьем лице в нашей семье!

Как можно было меня променять... на неё...

Чехарда несвязанных мыслей: в голове всплыл юбилей свадьбы Марины и её взгляд, который она бросала на Андрея. Взгляд влюбленной и чрезвычайно счастливой женщины. Розовая пелена слетела с моих глаз. Постоянные задержки на работе теперь стали понятны мне, как и поменявшееся поведение моего супруга. И злополучная подвеска. Думаю, что нашлась хозяйка для дорогого подарка.

Ветер подвывал и кружил снег вокруг меня, и моё сердце застывало вместе с этим красивым снежным вечером. Я забрела в парк и, смахнув с лавочки снег, присаживаюсь под большим деревом, ветви которого повисли тяжелыми плетями над моей головой.

Мне на минуту захотелось повернуть время вспять в тот день, когда Андрей с весёлой улыбкой пригласил меня на свидание и ответить решительным отказом. Смогла бы я сказать нет своему влюбленному сердцу, зная, чем закончится лав стори с Андреем?

Вряд ли.

Я вспомнила первую ночь с ним и его глаза, с которыми он раздевал меня, как дорогой подарок в дорогой оберточной бумаге. Телефон снова предательски задрожал. Я взглянула на экран телефона и увидела аватарку с изображением своей сестры. Хотелось услышать Андрея. Но... Как всегда, большое НО, когда дело касается нас.

А может быть, сейчас не стоит ничего говорить.

И дать время больной душе прийти в себя.

Я подняла трубку.

— Ты где? — взволнованный голос сестры.

— В парке на лавочке, — устало отвечаю.

— Что случилось?

— Участвую в спектакле: угадай, чем занят ваш супруг.

— Олесья, что за ребусы? Где вы есть? Какой парк? Какая лавочка!

— Любовница у него, Оль. Только что лицезрела все субботние упражнения моего мужа.

На другом конце чертыхнулись.

— Не может быть! — нараспев изумляется моя сестра.

— И я так думаю, прям юмористический журнал. Только мне совсем не смешно.

— Так. Давай возвращайся. В каком ты парке? Я вызову тебе такси.

Я молча оглядываюсь, куда привели меня мысли о последних событиях, и послушно диктую адрес.

Я сидела сама не своя. Маша уже уснула, и гости моей сестры разошлись. Мы втроём за кухонным столом молчим. Барсуковы обескуражены не меньше, чем я.

— Какая-то жесть, — нарушает молчание Димка, — ей же под сорок.

Я устало махнула в ответ. На разговор просто нет уже сил. Всё выпито разом и до дна.

— Мы домой. Чудный день рождения. Прости, что испортила праздник, — я поднимаюсь из-за стола.

— Никуда вы не поедите. Я тебя в таком состоянии не отпущу. Ночуете у нас.

— Да. Без возражений, — вставляет своё слово Дима.

— Дима, плесни мне коньяка. Хочу забыться, — поднимаю заплаканные глаза на Дмитрия.

— Угу, — и стопка передо мной. Барсукова долго упрашивать не надо.

Я выпила залпом, и тягучая жидкость растеклась по раненной душе как бальзам.

— Закусывай, — Барсуков пододвинул ко мне тонко нарезанный суджук на большом красивом блюде.

— Плесни ещё, — я поддвигаю стопку ближе к Диме.

— Это не самое лучшее лекарство, — возражает Ольга.

— По фиг. Я не смогу заснуть.

— Не лезь! — Барсуков отодвигает Ольгу и наливает в стопку до краев жидкость благородного янтарного цвета.

Комната поплыла, и резкая боль где-то вдалеке.

Как мне жить дальше...

Я подумаю об этом завтра.

— Отведи её в гостиную, — сквозь густой туман в голове слышу Олькины слова.

Голова раскалывалась от дикой боли. Словно её пили и били молоточками одновременно. Я приоткрыла глаза и зажмурилась от света, пробивающегося сквозь окно. Воспоминания и картины прошлого вечера поплыли одна за другой, и я застонала. Во сне было всё так хорошо и спокойно. Осторожно осмотрела себя: я в тёплой бежевой пижаме, заботливо укрыта одеялом. Сервис. Хорошо, когда рядом есть люди, которым ты небезразлична. Телефон лежит рядом, и я, зная результат, всё равно проверяю список звонивших. Среди них нет моего мужа.

Я постаралась встать с дивана. Получалось плохо. Ещё порядком штормило, и я, опираясь о стенку, иду мелкими шагами на голоса. Мне должно быть стыдно, но я совершенно не чувствую угрызения совести. Я не чувствую практически ничего.

В кухне Маша сидит на руках у Ольги за столом, и моя младшая сестрёнка пытается кормить её с ложки.

Я опускаюсь на стул напротив мирно завтракающей компании и обхватываю голову руками.

— Я предупреждала, что будет плохо, — осуждающий взгляд сестры так похож на мамин, — что теперь будешь делать?

Я пожимаю плечами в ответ.

— А где Дмитрий?

— За минералкой побежал для тебя.

— От него ни одного звонка. Как будто, так и надо.

— Знаешь, я не удивлена. Развод? — Ольга вопросительно смотрит на меня. — Это предательство. Гнусное и отвратительное, — отрезала Оля.

Я полностью с ней согласна, и где-то в самом дальнем пыльном уголке моего сознания теплится абсурдная мысль, что есть всему объяснение. Как будто мои глаза не видели лица Марины и её закатившихся от удовольствия глаза и открытого рта, из которого вырывались режущие мой слух стоны. Андрея, с губ которого капает на живот Марины слюна, как у дикого животного во время случки.

Гнусно и отвратительно.

Моя сестра подметила картину, чётко стоящую перед моими глазами, в точку.

— Я хочу прийти в себя. И потом буду решать, как мне жить дальше. Куда мне деваться? Я ещё в отпуске по уходу.

— И что? Ты же получила направление в детский сад, прошла с Машей медкомиссию. И алименты на содержание Машки никто не отменял.

— Я знаю. Я, Оленька, юрист.

— Я бы разнесла подлеца. Развод, алименты на ребенка, на своё содержание, раздел имущества.

Я хмыкнула. Достанется Барсукову в случае чего.

Дверь хлопнула, и Дмитрий, раздевшись, тащит в кухню пакет с продуктами. Увидев моё потрёпанное лицо, улыбается и ставит передо мной бутылку Боржоми.

— Лечитесь, коллега.

— Как раз то, что нужно, — я открываю бутылку с минеральной водой и залпом выпиваю полбутылки.

— Уфф... Как в сухую землю, — произнесла я. — Чуть легче.

— Может, хочешь похмелиться?

— Боже, избавь. Барсуков, ты хочешь, чтобы я поселилась у вас?

— Диван в гостиной никем не занят. Можешь лечиться и жить сколько хочешь.

— Ладно, диван у вас удобный, но нужно рвать когти до дома.

Отчаянье сразу вернулось, и больше от того ощущения, что с этим придётся жить и дальше.

— Мань, поехали домой? — я протягиваю руки своей маленькой дочке.

— Родителям будешь говорить? — бросила Оля, усердно разбиравшая пакет, который Дима оставил у холодильника.

— Пока нет.

Тяжело и медленно одевшись, стою у подъезда в ожидании такси. Ольга рядом в таком же «превосходном» настроении, как и я.

— Позвонишь мне, как приедешь.

— Слушаюсь, мамочка, — устало отвечаю сестре и закрываю дверь автомобиля.

Такси возвращает нас с Марией домой, и сердце гулко стучит по мере того, как жёлтая машина приближается к нашему дому. Я осторожно открыла дверь в квартиру и внимательно всматриваюсь в детали нашей прихожей.

Присутствие своего мужа не обнаруживаю и, выдыхая, прохожу внутрь. Встретаться сейчас с ним выше моих сил. Но, похоже, эту ночь вне этих стен провела не только я.

— Сволочь..., — прошипела я в ответ на своё открытие.

Но на что я рассчитывала?

Человек не удосужился набрать меня в телефоне ни разу.

Ни слова в своё оправдание...

Я в растерянности и смятении. Я швырнула тарелку об пол и она разлетелась на мелкие осколки. Как моё счастье.

Долго стою у холодильника, прислонив лоб к его холодной двери. И, плеснув в бокал любимый шотландский виски мужа, делаю большой глоток...

Я проснулась от детского плача. За окном уже темно, и я ужасаюсь, смотря на часы.

— Дура набитая! — Ругая себя, мчусь в спальню к ребенку.

— Маня, прости меня, — говорю Маше, увидев заплаканное лицо своей дочери, — у твоей мамы в голове бардак. И я никак не возьму себя в руки...

Воскресный вечер. Андрей даже не показался на пороге. Где его мотает в эти знаменательные выходные, мне не ведомо. И я стараюсь потихоньку занимать себя домашними делами, чтобы не дать мыслям возвращаться к нему. Ингода, дико хочется набрать Ланку, но смаковать подробности вчерашнего вчера — это как дальше продолжать резать открытую рану тонким хирургическим ножом.

Телефон задрожал от виброзвонка в гостиной, и я, перевернув его, вижу аватарку с сестрой и её тревожное: «Алло» режут слух.

— Всё хорошо. Мы с Машей вдвоём. Андрей в квартире не появлялся со вчерашнего дня.

— И где же он всё это время?

— Как-то всё равно.

— Что дальше, Олесь?

— Жить будем дальше.

— С ним что решила?

— Ничего не решила. Не хочу думать за него, и мне нужно прийти в себя. Пока слишком больно. На следующей неделе начнем ходить в детский сад. Мне и впрямь, похоже, скорее придется рассчитывать только на себя. У меня в кошельке денег практически не осталось. А его карточки я трогать не буду. Выложила их в прихожей на комод. Пусть забирает.

— Если деньги будут нужны, я сброшу тебе на карту. Ты не стесняйся, звони.

— Хорошо. К Ирине Владимировне тоже нужно навеститься. Спросить, как она посмотрит на мой срочный выход на работу.

— Мне это настроение больше нравится. Олесь, мы тебя любим. У тебя всё получится.

— Я знаю, — говорю чуть тише и кладу трубку.

Слеза медленно скатывается с глаз к подбородку и я тут же смахнула её.

Снежное утро понедельника за окном, и я бесцельно брожу по квартире. Маша ещё спит, и нет привычного недопитого кофе за столом. Нет запаха его одеколona.

И, наверное, все выходные он провёл с ней.

Сволочь!

Я долго обдумываю план своих действий, но не могу сосредоточиться даже на элементарных вещах. Звонок в дверь, и я вздрагиваю от неожиданности. Осторожно открываю дверь. На пороге, улыбаясь, топчется Иван и ряд небольших картонных коробок, аккуратно сложенных у двери нашей квартиры.

— Олесья, привет. Набирал тебя несколько раз, не берешь трубку. Ваш заказ, — кивает на коробки Иван.

Я и забыла, что на сегодняшнее утро я договорилась с Ваней о поставке и сборке комода. Хорошо, что оплатила сразу всё. Где бы я сейчас искала деньги?

— Я забыла. Вань, прости.

— Бывает, — Ваня деловито подхватил картонные коробки и проходит в прихожую, заноса за собой запах морозного утра и мужского одеколona.

— У тебя что-то случилось? — Ваня внимательно смотрит на меня.

— С чего ты взял?

— Глаза опухшие и красные.

Иван, конечно, хороший молодой человек, но не в той категории, чтобы доверять личные дела. Я ещё даже с Ланкой не переговорила о муже-предателе. Но у меня было такое чувство, что это у меня написано на лбу большими буквами. И Ваня это прочитал.

— Заболела, — коротко отрезала я, — что-то нужно?

— Нет. Я долго не задержу. Где устанавливаем комод? — уже официальным тоном продолжает Иван.

— Здесь, в прихожей, — я покрутилась вокруг.

Что делать с тем коричневым, что стоит у стены я не знаю, а по большей части мне абсолютно всё равно. И, небрежно махнув в противоположную сторону, тут же ретируюсь с любопытных глаз моего однокурсника.

Видити ли, у меня опухшие глаза.

Если вы два дня будет реветь... Я посмотрю, какие глаза будут у вас.

Я устала в окно. На улице сыплет, не переставая, снег и небольшой грузовичок Ивана, припаркованный во дворе у подъезда уже засыпало белым покрывалом. Совесть чуть укола меня.

За что я так резко разговаривала с ним?

Ваня уж точно тут ни при чём.

Симпатичный, милый и такой же спокойный, как и раньше. Без высказываний, с тонким тайным смыслом, как у моего супруга. С ним всегда было просто разговаривать и иметь дело. И да, чёрная короткая борода очень идет моему однокурснику. Хотя зачем мне это?

— Вань, ты будешь чай? — я постаралась произнести мягко, и смотрю на его внушительную спину.

Ваня оборачивается и, мельком взглянув на меня, соглашается: «Если нетрудно».

— У меня к тебе вопрос? — Ваня мешает десертной ложечкой горячий чай.

— Задавай, — я внутренне напряглась, ожидая услышать опять ненужные вопросы.

— Ты в частном порядке не оказываешь юридические услуги?

— А ты что, сам не можешь? — удивляюсь его просьбе.

— Некогда. С удовольствием нанял бы в частном порядке хорошего юриста для разовых работ.

В другое время я бы с дежурной улыбкой вежливо отказалась, но у меня пусто в кошельке, а тратить деньги Андрея с его карты мне не позволяет гордость.

— Я Машку начинаю водить в детский сад и послезавтра могу подойти. Куда подъехать?

— Там, где ты заказывала комод, — Ваня улыбнулся.

— Красивая улыбка, — отметила я про себя. — Повезло мадам, оказавшейся рядом. От чего-то злость на Андрея стала ещё жестче и ярче, с едким горьким вкусом.

Я смотрела из своего любимого окна на кухне, как Ваня грузит в грузовичок свои инструменты и, мельком взглянув на мои окна, не спеша выезжает со двора. Как белый снег всё падает и перекрашивает уже серые картины осени белоснежным цветом.

Мы долго прощались с Машкой у порога группы в детском саду, и мой боевой с утра цыпленок совсем сник, когда понял, что жизнь в детском саду протекает без любимого родителя. Я улыбнулась, потрепала за щёчку и вручаю плачущую Маню нашему воспитателю. У меня всего три часа на то, чтобы добраться до конторы Мелихова и вникнуть в документы.

Я отряхнула снег с ворота своей куртки и, сняв перчатки, вхожу в мебельный магазин Мелихова.

— Добрый день, — вежливо здоровается уже знакомый мне по прежнему опыту консультант, — что интересует?

— Я могу пройти к Мелихову? — спрашиваю я и добавляю: «Меня пригласили».

— Конечно. Иван Владимирович сказал, что вы подойдете и проводить вас. Герман Олеся Петровна?

— Она самая.

Я вышагиваю за консультантом по длинному коридору и с осторожным стуком вхожу в кабинет Мелехова.

— Привет, — здоровается Мелихов. Улыбка на лице открывает белоснежный ряд зубов.

— Проходи. Присаживайся, — Мелихов махнул на стул.

Черт возьми, в красивом строгом костюме вид у моего «няшного» на мой взгляд однокурсника шикарен.

Мелихов небрежно смотрит на наручные часы, хмурится и достав из аккуратного ряда большую папку, поднимает свой взгляд на меня.

— Уже опаздываю. У меня через пол часа встреча. Олесь, пересмотри договора и реестр на них, — большая папка на столе Ивана, — начнем с этой.

Мелихов накинув куртку, махом растворяется из своего кабинета. Я сбрасываю зимнюю куртку на диван у стены и осмотревшись присаживаюсь за стол Ивана.

Достаточно уютненько. При этом без излишеств и со вкусом.

— Хмм...

Если бы мне неделю назад сказали о том, что я буду сидеть в кабинете моего однокурсника, выдержанного в бело-серых тонах и приводить в порядок его документы, потому как завтра мне не что покупать Машке молоко, я ни за что бы не поверила.

Я неделю как вожу мою принцессу в детский сад, пока только на три-четыре часа, и работаю юристом по срочному разовому договору у Мелихова.

Его нет.

Это, конечно, вверх гнусного отношения моего мужа ко мне. Но я, честно, другого не ожидала.

— Нужно взять себя в руки, — я твержу себе в зеркале каждое утро. И я каждое утро усердно накладываю декоративную косметику, чтобы скрыть следы бессонницы. Установки, которые я вкладываю в свою голову, помогают мне прийти в себя.

Каждый вечер звонит моя сестра и спрашивается о моих делах. Мало что справляется. Мне стыдно, но деньги на карту регулярно бросают мне Барсуковы. Через неделю Мелихов выплатил мне гонорар, и разовые работы затянулись. Каждый раз Иван придумывает, какие документы нужно проверить и привести в порядок. Я этому рада. На полный рабочий день я вряд ли смогу сейчас выйти в «Urvisa» и деньги мне катастрофически нужны. Срок выплаты коммунальных платежей, как и ипотечного кредита, неумолимо приближается. И этот вопрос, похоже, волнует только меня.

Мой маршрут последних дней неизменен. Я завожу Марию в детский сад. Мы с ней долго и трогательно прощаемся, и я спешу на работу к Ване, в его контору. Смесь большого магазина и небольшого цеха на заднем дворе, огороженного по периметру. Встречаемся мы с Ваней обычно утром. Накинув мне список дел, Ваня растворяется по своим делам, а я, налиев кружку кофе, вчитываюсь в огромное количество договоров за столом моего босса. Чудно. Никогда бы не подумала, что Ваня, мой бывший однокурсник с милой застенчивой улыбкой, в один прекрасный день волею судьбы окажется моим начальником. Это явление временное, но... факт на лицо.

Ваня, конечно, поменялся радикально и внешне, и внутренне. Меня удивляет, как время может изменить людей. И не всегда в хорошую сторону. Я тут же вспомнила своего супруга. Мысль о моём муже прожигает мой мозг. И я снова успокаиваю себя. Не хватало ныть здесь, на рабочем месте.

Хороший же ты профессионал, Олеся Петровна, если домашние неурядицы могут влиять на твой рабочий настрой, — бурчу на себя в очередной раз.

Только вот измену мужа банальной неурядицей не назовешь.

Катастрофа.

Если учесть, что после этого Андрей за всё время не сделал ни одного звонка и ни разу не появился дома.

Телефон задребезжал в моей дамской сумочке, и я, прихлебывая кофе, здороваюсь со Светланой.

— Привет.

— Ты куда пропала? — В трубке телефона любимый звонкий голос Ланки.

— На работе.

— Ты что, уже вышла на работу? Как Андрей к этому отнесся?

— Не знаю.

В телефоне небольшая пауза.

— Что случилось? — взволнованно спрашивает Лана, чувствуя развернувшуюся

катастрофу, о которой она не в курсе.

— У моего мужа любовница, с которой он встречается прямо на своей работе, — констатирую факт, стараясь чётко и ровно выдать новость без эмоциональной окраски.

— Кто тебе это сказал?

— Мои глаза.

В телефоне опять пауза. Даже дипломированный психолог не знает, что мне сказать.

— Это не телефонный разговор. Если у тебя будет время, я приеду к тебе в обед, — я стараюсь закончить разговор, который дается мне с трудом.

— Хорошо. Я жду тебя. И всегда рядом, запомни.

Я улыбнулась. Из моего болота я выбираюсь не одна.

Я складываю документы в папку и закрываю кабинет на ключ, который Иван любезно предоставил мне в личное пользование.

Такое доверие меня удивило. По сути мы чужие люди. В голове сразу же всплывает Андрей и его рабочий ноутбук на пароле.

Машка вприпрыжку поднимается в гости к своей любимой крёстной, и я осторожно стучу в кабинет и прохожу внутрь.

Лана поднимает вопросительно брови, внимательно всматриваясь в моё лицо.

— Решила забрать мужа с работы, а он так сильно был занят, что за рабочим процессом не сразу заметил меня, — я нервно смеюсь своей злой шутке и плюхаюсь в любимое бархатное кресло напротив подруги.

— Я своим ушам не верю... Андрей и на работе? Как-то не по статусу.

— Статусность мой муж выкручивал перед моим носом, а там всё своё, похоже, родное. Кто знает, сколько это уже тянется? Чувствую, что рога у меня большие, пребольшие.

— И боюсь спросить кто в роли любовницы?

— Марина. Помощница судьи. Она свою должность по полной программе отработала, — я горько вздыхаю.

— И что он сказал на все это представление?

— Пока ровным счетом ничего.

— То есть?

— Вот как есть. Больше недели назад произошло, и я его больше в глаза не видела.

— То есть? — Ланка в недоумении повторяет всё тот же вопрос.

— У меня тоже было столько же вопросов, но за неимением ответов перестала их задавать себе. Я не знаю, где он. И он ни разу не набрал мой телефон. Может быть у неё, но она замужем. Может быть у родителей, но оттуда тоже звонков не поступало. Поэтому всё отлично! — Я взялась за голову, которая уже начала пульсировать.

— Странное поведение... Удивил. Обычно люди в такой ситуации оправдываются и пробуют примириться со второй половиной.

— Ланочка. Я в такой растерянности. Как жить дальше не знаю.

— А работаешь где?

— Мелихов пригласил на разовые работы.

— Мебельщик?

— Да. Работаю у однокурсника-мебельщика. На еду хватает, но на носу коммунальные и ипотечный кредит. Как только Машка будет оставаться в детском саду на полный день, схожу в любимую «Urvisy».

— А родителям не звонила? Может, деньгам помогут?

— Нет, и не собираюсь. Не хватало родителям портить нервы и здоровье.

— Я сброшу тебе что-нибудь. Гляну, что есть на карте.

— Не надо. Ситуация тяжелая, но не критичная.

— А я не тебе. Я своей крестной дочке сброшу. И без возражений.

Прямой немигающий взгляд карих глаз. Я вздохнула и сдалась.

— Как хочешь, — устало соглашаюсь.

— В твоей ситуации тактика пока одна — прочно становиться на свои ноги и выходить из-под зависимости своего мужа, который наплевал в душу и смылся. И Мелихов подвернулся как нельзя вовремя. Хорош собой?

— Вежливый, галантный, спокойный, высокий, симпатичный, спортивный.

— Олеська, а ты не хочешь присмотреться?

— Лана, — смотрю с укором на свою подругу, — я ещё пока замужем.

— Твоего мужа это не остановило.

— И вообще, у него, кажется, кто-то есть. Слишком хорошо бы было, если к всем прилагательным, которые я перечислила, добавилось холостой.

— Ладно. Спустимся с небес на землю. Что с Андреем решила? Так же тоже не будет продолжаться? Развод?

— Да. Но пока заявление не составила.

— А другие обязательства? В отношении Машки и ипотеки? Нужно будет решать, как бы долго не прятался твой муженёк.

— Я не знаю, как мне жить дальше, и не знаю, что я буду делать. Я не знаю ничего!

— Ты готова его простить? — тихо спрашивает Лана.

— Нет, — ответила я сразу. — Как можно простить предательство?

Лана опустила глаза.

— Как твоё новоселье?

— Полным ходом. Может быть, Новый год буду встречать в новой квартире. Скинь мне, кстати, адрес своей новой работы. Мне однозначно нужны на первое время спальня и кухонный гарнитур. А ваш новый стол в кухне мне очень приглянулся.

— Я скину тебе в ватсапп.

— Если всё пойдет по плану, Новый год встретим вместе. Как раньше. Ты и я. Только Машку ещё добавим. Честно, я даже не думала, что за какой-то год всё так может поменяться.

Я готова была разрыдаться, вспомнив прошлый Новый год. Нашу красивую ёлку в гостиной, кучу подарков под ней и семейный ужин вдвоём.

Присутствовал ли тогда её призрак в нашей семье?

Я старалась припомнить детали нашей жизни год назад. Моей жизни сквозь розовые очки в красивой оправе.

Я обнимаю Ланку на прощание, задержавшись в её объятиях чуть дольше.

— И ты молодец! Почему сразу не позвонила? — бросает на прощание Лана.

— Я в первое время то пила, то плакала. Времени не было, — я постаралась отшутиться.

— Что нас не ломает, делает сильнее. Правда? Твои слова.

Я помню. Я поддерживала Лану, когда Максим, разбив в очередной раз душу своей хамской выходкой, исчез в неизвестном направлении. В чем-то история практически повторилась, только с другой героиней...

— Мы можем завтра оставить Машу на весь день. Она хорошо ладит со сверстниками и практически не плачет, — наша молодая воспитательница радуется новостями.

— Хорошо, — я тут же решаюсь заглянуть завтра же на свою основную работу.

На удивление, Ваня целый день на своем рабочем месте. И мне неудобно сидеть в его рабочем кресле, пока мой нечаянный начальник находится тут же в своём кабинете.

— Вань, я скоро буду выходить на работу в «Urvisy». Поэтому у тебя последнюю неделю.

— Жаль. Я уже привык, что ты здесь, — Иван ставит на стол чашку кофе.

— Спасибо, — я поднимаю глаза на его высокую фигуру, выросшую возле меня.

— У тебя вкусный чай, у меня такой же отменный кофе. Не хочешь пообедать сегодня вдвоём?

В глазах Ивана пляшут весёлые чёртики, а мой начальник хороший собеседник. Почему бы и нет?

— С удовольствием.

— Здесь рядом хороший ресторанчик с хорошей кухней.

Мы выходим из магазина вдвоём под пристально-любопытными взглядами консультантов в зале магазина. Ваня щёлкает сигналкой на ключах автомобиля, и красивая Kia Sorrento мигает фарами в ответ. Ваня галантно открыл мне дверь, и через несколько минут Kia доплыла до хорошего ресторанчика с хорошей кухней.

Место и впрямь милое. Ваня улыбается мне напротив меня, откинувшись на мягкий удобный стул. И моё настроение разительно отличается от того, что я чувствую в последнее время.

Меню на столе, тут же принесенное официантом. И я, пролистав буклет, заказываю рыбу, запеченную с овощами.

— Спиртное? Что-нибудь желаете? — Официант, молодой высокий юноша спрашивает нас и застывает в ожидании.

Иван смотрит на меня вопросительно.

— Я не откажусь от бокала красного вина, — ответила я, немного подумав. Мне не хочется быть зажатой, и небольшой градус мне не повредит.

— В таком случае посоветую бургундское.

Я утвердительно махнула в ответ.

Бургундское играет красивым ярко-красным цветом, и я, зажмурившись, делаю глоток.

— Симпатичное местечко, — обводя интерьер ресторана своим взглядом, комментирую своё впечатление от хорошего ресторанчика.

— Да, и рядом. Если я не успеваю добраться до дома, я обедаю здесь.

— Ты сама на себя не похожа. Что-то случилось? Я чем-то могу помочь?

— Вряд ли. Мы поругались с мужем, — устало отвечаю своему собеседнику.

— Ну, это решается очень просто. Время, и вы найдете общие точки соприкосновения.

— Мой муж, похоже, нашёл мне замену, — ответила я с весёлой улыбкой.

И смотрю, как чёрные брови Ивана ползут вверх.

Я и сама от себя не ожидала откровенностей, это скорее бургундское на голодный желудок.

— Ты так просто об этом говоришь?

— Уже устала реагировать на эту новость.

— Что собираешься делать? — Иван отложил столовые приборы и внимательно смотрит на меня.

— Пока не знаю. Устраиваю свою жизнь. И плыву по течению, раз уж судьба подкинула мне такой сюрприз.

— Твой муж подлец и дурак. Прости, но это моё мнение. Не мог не высказать.

— Наверное. Но он так не считает, если решил найти замену, — я сделала ещё один большой глоток красного терпкого вина.

— Олеся, ты шикарная женщина. Красивая, умная. И твой муж в подметки тебе не годится.

Я улыбнулась в ответ.

Слышал бы сейчас мой муж. Его мнение разительно отличается от мнения Ивана. Особенно в последнее время. Когда по моей внешности, как и по моим умственным способностям, Андрей не раз язвительно прошёлся.

Хотя... это, наверное, просто от недостатка любви.

Лицо Марины всплыло перед глазами. Черт возьми. Да, она неплохо выглядит. Но на моей стороне молодость и какие бы уколами не баловалась помощница Андрея, она на десять лет старше меня.

— Расскажи лучше о себе, Вань. Мне эта тема дается тяжело. Я, конечно, сильная мадам. Но рана ещё свежа. Как твоя девушка? Где планируете встречать Новый год?

Я задала вопрос, чтобы плавно перевести тему с меня на моего красавца однокурсника.

— Мы решили расстаться.

— Ох, прости, — я внутренне чертыхнулась. Вино совсем развязало мне язык.

— Ничего. Нет особо общих интересов, и я решил не продолжать отношения без дальнейших перспектив. Просто трачу время. Я его лучше использую на развитие своего дела.

— Ты не против, если отвезу тебя домой.

Я, опустив глаза, задумалась.

Что скажут соседи за моей спиной, заметив моё появление у порога моего дома в красивой машине молодого симпатичного мужчины. Будут судачить на каждой лавочке.

Да и чёрт с ними. Со всеми разом.

— Не против. Только заедим за моей дочкой в детский сад. Я не отвлеку тебя от дел?

— Абсолютно. Я ради тебя могу отвлечься от своих дел.

Я подняла глаза на него свои глаза, стараясь по-другому посмотреть на мужчину, сидевшего напротив меня. Бросить дела ради меня?

Андрей первым в списке ставил работу и дела. Я была вторичным в его жизни. И даже не на втором месте...

А, как оказалось, где-то в конце списка.

Я вникаю в документы, которые готовлю по делам, переданным мне, постоянно сопоставляя свои познания с электронными базами нормативных документов. За время, которое я уделила своему ребенку, я многое упустила и теперь стараюсь наверстать упущенное.

Ирина Владимировна выслушала мою тираду у себя в кабинете и в своей лаконичной манере сказала лишь короткое: «Пиши заявление на вход из отпуска».

Я стараюсь её не подвести.

О своей семейной драме я ещё не поведала коллективу, и пока о подробностях моей семейной жизни в курсе четыре человека: Ольга, Ланка, Иван и теперь моя начальница. Моего мужа нет. Я оплатила коммунальные платежи. Как решился вопрос с ипотечным платежом, я не знаю. Надеюсь, Андрей выполнил обязательства. В любом случае банк будет звонить ему как заемщику в первую очередь, мне — как созаёмщику — во вторую.

Коллектив встретил хорошо. Юлька с осторожностью. Такая же холёная дура, только старше на три года. Я на все расспросы о своей семье и личной жизни отвечаю скупой и неохотно. И о том, что я живу самостоятельно и Андрея я видела месяц назад, знают немногие. Я просто удивляюсь семейству Герман, члены которой могут не объявляться месяцами. Причем все без исключения. Может быть, радуются. Я не пришлась ко двору с самого начала нашей совместной жизни с Андреем. А может, мой муж так ничего и не сказал. Я же не позвоню им со словами: "Ваш сын подлец!"

Маша посещает детский сад и уже не спрашивает: «Где папа?» Мы молча, без слёз прощаемся каждое утро в детском саду. Хотя здесь всё наладилось. Первую неделю было тяжело, но я быстро вошла в ритм новых рабочих будней. Ранний подъем, строгий вид и автобус, полный людей с такими же усталыми лицами, как и у меня. Ваня почти каждый вечер подбрасывает меня с Машкой домой. И каждый раз, когда я поворачиваю ключ входной двери, моё предательское сердце начинает гулко биться. А вдруг он вернулся домой?

Но нет.

Молчаливое приветствие нашей трёшки, и вечер, похожий на предыдущий. Близится мой любимый праздник, но я не чувствую новогоднего настроения.

Я, уткнувшись в документы, уже второй час не поднимаю головы. Кофе на моем столе уже остыл. Впору сделать новый, но я очень занята и, глотнув остывший напиток, продолжаю работать.

— Чересчур мало, — вдруг произносит Юлька, сидящая за своим рабочим столом напротив. Я удивленно поднимаю глаза на её дурацкую реплику.

— Чего мало? — Переспрашиваю её.

— Мало звонков от твоего Андрюши. Помню, когда вы только познакомились, Андрей звонил по несколько раз за день.

Чёртова любопытная варвара, сующая нос везде, где ей захотелось. Полоснула по большому месту.

— Андрей очень занятой человек.

— Конечно, настолько занятой, что ты частенько беседуешь с неким Иваном, к которому ты частенько прыгаешь в автомобиль.

Стерва. Всё заметила. Но и я понимаю, что со стороны смотреться как интрижка. Хотя мне в силу последних событий абсолютно всё равно.

— Это друг семьи, — я быстро отрезала и оставила Юльку с кучей вопросов, которые были написаны у неё на лбу.

Меня раздражает её шаблонная внешность, и от резкого запаха духов иногда подташнивает. За три года Юля внешне изменилась, но не в самую лучшую сторону. Тронутые филлерами лицо а-ля "Джоли" и, кажется, части тела, броский макияж и полное отсутствие профессионализма. Так и не выросла за три года. Но и тогда основной целью Юленьки был поиск мужа, который обеспечивал её безбедное будущее. Я прекрасно помню её боевое настроение, с которым она кинулась обхаживать Андрея.

Ирина Владимировна, похоже, дорожила отношениями с Юлькиными родителями, если до сих пор держала в штате Осипову. Я мельком взглянула на комичную картину. Юля, делая осторожный красивый глоток из красивой кружки, наманекюренными пальчиками пытается набрать текст, постоянно отрываясь на переписку с кем-то по телефону. Я усмехнулась. Специалист. Дорогой костюм сидит как влитой, под которым такая же невероятно дорогая брендовая блузка. Я вздохнула. Я перебрала почти весь свой гардероб, и влазить пришлось в те вещи, которые я носила до моего чудесного замужества. Я больше обзавелась спортивной и удобной одеждой, оставив покупку строгих вещей, пригодных для работы, на потом. А потом начался хаос, и хаос продолжается дальше. Я невольно поправила свой серый старый костюмчик классического покроя, и, слава богу, актуальный и сегодня. Резкое изменение моего веса за последний месяц, и я, так давно хотевшая чуть похудеть, вернулась в свой прежний размер. И вещи, которые я так хотела сменить, все впору. Вряд ли пока получится прикупить что-то интересное, если учесть, что расходы на Машу и квартиру лежат на мне.

Как долго это будет продолжаться? Сколько Андрей будет играть в молчанку и прятки?

— Олеся Петровна, вас Ирина Владимировна вызывает! — Громко позвал секретарь, и вырывает меня из мира моих грустных размышлений.

Я сгребая бумаги в одну кучу и иду к своей начальнице в кабинет. Хорошо, что усердствовала всё это время и практически готова по делу, которое Ирина Владимировна поручила мне. Сложное, но интересное.

— Олеся, заходи! — Командует Ирина Владимировна. Я ужасно радуюсь этим ноткам её голоса. Соскучилась за любимым рабочим местом и любимым начальником.

— Круги под глазами, но выглядишь лучше, — начал мой начальник.

— Стараюсь мысли занимать как можно больше нужными и важным вопросами.

— Андрей так и не объявился?

Я покачала головой. И спускаю взгляд на рабочие документы.

— Что-ж. Что у нас с Станкевич? — Быстро переводит тему разговора мой босс.

— Я нашла, за что мы зацепимся в этом деле, и наш клиент обойдется малой кровью.

— Интересно. Слушаю, — Ирина Владимировна поправляет свои очки в дорогой оправе, откидываясь на своё бежевое кресло.

Привычное сообщение от Ивана в конце моего рабочего дня.

— Я заеду.

Я стараюсь не садиться в машину Вани у порога своей работы. Мне, конечно, сегодня абсолютно ровен весь мир, но лишних вопросов, которые тронут мой шаткий эмоциональный настрой, не нужно. Я боюсь, что разревусь и нарушу общее строгое

впечатление о себе. И не хочу разрушать красивую сказку о красивой любви, случившейся у моих коллег на глазах. Так всё банально закончилось. Меня заменили на другого игрока прямо во время матча.

— Хорошо, — отправляю в ответ.

По супермаркету я больше бесцельно побродила и, прикупив Маше сладости, вышла на улицу. Зимние сумерки и огни города сияют вокруг. Новогодние вывески и фонари на витражах. Я вспомнила прошлый Новый год и желание, которое я загадала под бой курантов: «Пусть всё измениться!»

Я уже чувствовала холодок отчуждения между нами и обрывающуюся нить. И всё изменилось, правда, с большими поправками. Я загадывала нежный мажор, а получила громкий жирный минор. Я стараюсь искусственно окунуть себя в атмосферу приближающегося праздника и заставить себя радоваться, но радуюсь только при моем маленьком ангелочке. Маша всё чаще спрашивает за ёлку, но она пылится в гараже, а ключи от него у Андрея в машине. С которой они на пару растворились из нашей жизни с дочерью.

Я прыгнула на переднее сидение. Ваня, улыбаясь мне, протягивает букет цветов в красивой круглой коробке.

Изумительные. Очень дорогие.

— Ваня... Мы же договорились. Отношения дружеские.

— Я просто по-дружески хочу поднять тебе настроение.

Понятно, что назад не отдам.

— Хорошо, но это разовая акция.

— Договорились, — невозмутимо отвечает Ваня, трогаясь с парковки по направлению к детскому саду.

— Как прошёл день?

— Всё стандартно. Документы, клиенты. Как у тебя?

— У меня тоже стандартно: встречи с поставщиками и заказчики нескончаемым потоком.

— Это же хорошо.

— Да. Дела идут в гору.

— Моей подруге очень понравилась твоя мебель, и она взяла контакты.

— Пусть скажет, что от тебя. Сделаем ей скидку.

— Хорошо, я передам. Она Новый год хочет у себя в квартире отмечать. Вместе с нами.

— Тогда, чтобы в новой квартире в Новый год было за чем есть и на чём сидеть, пусть она подходит уже сейчас. Потому как сделать мебель по индивидуальному заказу нужно время. Может быть, понравится, что уже готово.

Ваня, как всегда, сделал вид, что пропустил мою ностальгию по прошлой жизни. В голове мелькнула мысль, что с этой ностальгией нужно закругляться.

Мы с Машей ужинали в кухне, когда зазвонивший домофон разлил свою трель по квартире. Я вздрогнула от неожиданности, и Машка встрепенулась, как маленькая курочка.

— Папа? — чеканя каждый слог, спрашивает моя дочь.

Я с трудом верю, что это он, и снимаю трубку домофона.

— Кто? — напряжено спрашиваю в трубку.

— Олеся, это Борис Григорьевич. Открой, пожалуйста.

Ему то что здесь делать? И я нажимаю кнопку на домофоне, чтобы открыть входную дверь моему свекру.

Двери лифта распахнулись и твердой, уверенной походкой Борис Григорьевич Герман подходит к нашей двери.

— Здравствуйте, Борис Григорьевич. Что-то случилось? — Спрашиваю о причинах его неожиданного появления.

— Наверное, — сухой ответ. — Я пройду?

Я махнула головой в ответ. Свёкор скидывает свое дорогое зимнее пальто в прихожей и без приглашения проходит в гостиную. Я подхватываю Машу на руки из кухни и прохожу вслед за свёкром, за которым тянется тонкий морозный аромат.

— Олеся, может быть, ты мне что-то объяснишь. Что случилось у вас с Андреем?

Чёрные глаза блестят, и сдвинутые брови застыли в хмурой мимике лица.

— Он вам ничего не рассказывал?

— Нет. То живет в своей комнате, то опять исчезает на несколько дней.

— У Андрея другая женщина. И я его не видела и даже не разговаривала с ним уже месяц, — я уже устала от этой бракованной пластинки.

Брови Бориса Григорьевича недоуменно поднимаются всё выше.

— Не может быть!

— Вы думаете, я придумываю?

— Нет, но... С чего ты так решила?

Мне не очень хочется в очередной раз смаковать подробности. Я вздохнула и, уставившись взглядом в окно, спокойно выдаю: «В один прекрасный вечер я посетила его на работе и там увидела всё своими глазами. Прямо в кабинете, на рабочем столе».

Борис Григорьевич открыл рот, но так и не нашёл, что сказать. И это комичное выражение лица вызвала у меня нервный смех, плавно перешедший во всхлипывания. Я уже давно замечаю крайне неустойчивое эмоциональное поведение, но сделать ничего с собой не могу.

— Олеся, ну что ты... Перестань, — Борис Григорьевич закрыл свой рот и даже поднялся с дивана, где он прежде вальяжно восседал нога за ногу.

Чуть по-отцовски приобнял нас с Машкой.

— Что у вас с деньгами?

Что всем так хочется помочь мне деньгами?

С одной стороны, хорошо.

— С деньгами всё нормально. Я вышла на работу.

— А Маша?

— Маша в детском саду.

— Маша ходит в детский сад? — Изумленно спрашивает мой свёкор, как будто это не заведение для таких, как она, малышей, а тюрьма, куда Маша угодила волею злого рока...

Я даже злорадствовала его удивлению. Нужно хотя бы звонить, чтобы быть в курсе дел семьи своего сына. И жизнь под лозунгом в семье Герман: «Каждый сам за себя!» ни к чему хорошему не приводит.

— Угробить семью в одночасье, — Герман качает головой.

— Я так думаю, это продолжается уже давненько. Всплыло только сейчас, — я констатирую уже спокойным тоном.

— Что-то невероятное...

— Борис Григорьевич, будите чай или кофе? — я стараюсь вывести своего свёкра из прострации, куда ввергла его новостями о его сыночке. Я уже прошла этот эмоциональный

этап.

— Нет, спасибо. Я домой. И хочу определенно что-нибудь покрепче.

— Нам нужно многое обсудить. Ты свободна вечером?

Я перечитываю сообщение несколько раз. Не верю. И, открыв сообщение, ещё раз перечитываю. Да, это послание от него. Сухо и лаконично, но от этих несколько строк я не могу унять бешено колотящееся сердце.

— Свободна, — отправляю короткий ответ.

Телефон зазвенел. Я унимаю сердечный ход и осторожно открываю сообщение.

— Я жду тебя в семь вечера в ресторане «Аристотель».

«Аристотель» то самое место, где мой, тогда на тот момент, любимый мужчина сделал мне предложение, движимый, по моему мнению, чувствами. На самом деле Бог знает, чем. Кровь бьет в голову и адреналин кружит мою голову, а на душе беспокойно, и буря чувств.

— Хорошо. Я буду в семь, — набиваю на клавиатуре такой же лаконичный ответ.

Мне трудно сосредоточиться на работе, я перебираю подробности короткой переписки с мужем и, выйдя в коридор, подальше от лишних ушей, звоню Ланке.

— Привет, мой хороший! Как дела? — бодрый голос подруги на другом конце.

— Волнительные чересчур дела. Ты сможешь посидеть с Машей?

— Что случилось?

— Андрей объявился.

Воцарилась долгая пауза.

— И что он хочет?

— Написал: «Нам многое нужно обсудить». И тональность обсуждения не могу знать.

— Ну, послушай, что скажет, — не очень радостно ответила Лана, и на душе стало ещё хуже.

— Я заеду вечером, около шести часов. Завезу Машу, а потом вечером заберу.

— Договорились. До вечера.

— Лана, спасибо.

— Не за что.

По сухому тону слышу, что наметившаяся встреча с мужем не по душе Ланке. Возвращаясь к работе, возвращаю свои мысли к работе, но они упорно крутятся вокруг него.

— Симпатичная машинка тебя забирает, — Юлька беспардонно присела на край моего стола в красивой тёмно-синей юбочке.

Вопросы на тему моей личной жизни продолжаются. Юлия Валерьевна уже пронюхала, что мужа и на горизонте нет. Зато иногда меня забирает чёрная Kia Sorrento. Может быть, даже водителя разглядела.

— Ты примяла мне документы, — я улыбаюсь в ответ, делая вид, что не слышала вопроса.

— Ох, прости, — скользкая улыбка в ответ, и Юля ускользает назад к себе. Делать вид, что работает. Все давно знают, что Юльке перепадает только простецкие, несложные дела. А у меня сегодня первое судебное заседание по делу Станкевич. Слава Богу, дело слушается в городском суде, и я не встречаюсь случайным образом с мировой судьей десятого участка Германом Андреем Борисовичем.

Я складываю в папку документы и достаю куртку из шкафчика. Времени добраться до суда у меня практически в обрез.

Заседание назначено в десять часов. Моё счастье, что иск вышел на приличную сумму, и дело Станкевич Сергея Ивановича будет слушаться в городском суде, и я миную пока богадельню, где работает мой муж и вероятность случайной встречи с ним. Я взглянула на табличку и золотые буквы на ней.

Мацук Амалия Владимировна.

Что ж, я с ней заочно знакома. В голове перебираю ключевые моменты и жду вопросы по существу. Амалия бьет по основным моментам, и я готовлюсь к вопросам по существу дела. Станкевич, видя моё напряжённое лицо, заметно разнервничался.

— Это первое слушание. Не стоит так волноваться, — успокаиваю взбудораженного Станкевич.

Одергиваю полы своего серого костюма и захожу в зал суда по приглашению с клиентом, который мнетя и плетется за мной. Амалия в черной мантии отбивает молоточком начало слушание и громким голосом провозглашает моё любимое, щекочущее мою нервную систему: "Встать, суд идет".

Станкевич встает вслед за мной и вытягивается в тонкую ниточку. Окидываю взглядом оппонентов: компанию из армянина с хитрым прищуром и его адвоката, молодую девчонку. Уверенность читается на его лице. Абдулян решил, что будет легко и просто. И поэтому поспешил на профессионального адвоката. Я со стороны тоже, наверное, так выгляжу, как молодая неоципанная уточка. Это хорошо. Разнесём честную компанию из хитрого армянина и его молоденькой адвокатши...

Станкевич вышел из зала суда воодушевленный. Процесс, где я надавила на нужные моменты, сразу же поменял настроение моего клиента.

— Олеся Петровна, вы меня удивили.

— Почему? — удивленно спрашиваю Сергея Ивановича.

— Я подумал, что ваш начальник отдал моё дело неопытному юристу, но вы в деле просто асс.

Я чуть зарделась. Приятно.

— Спасибо, — сухо благодарю клиента, — главное окончательное решение, а до этого пока далеко. Но я не раскрыла все карты, — уже чуть мягче, в пол голоса раскрываю некоторые подробности Сергею Ивановичу.

— Вам с вашей внешностью можно идти в модели.

— Если это комплимент, принимаю, — серьезно отвечаю на неожиданный словесный пируэт, четко и равномерно отстукивая по полу каблуками своих ботинок.

— Вас подвезти? — неуверенно семеня за мной, спрашивает Станкевич.

Я представила, как я добираюсь до «Urvisa» в душном полном автобусе и тут же согласилась. Белый «Hyundai» доставил меня до работы за пол часа. Я попрощалась с Станкевич, который поблагодарил меня в десятый раз.

— Я вам позвоню перед следующим слушаньем, — улыбаясь бесконечным благодарностям Сергея Ивановича, предупреждаю своего клиента.

Сергей Иванович благодарно машет в ответ и растворяется в потоке несущихся по автотрассе машин. Я, быстро пролетев ряд ступенек у входа, захожу в теплый и уютный кабинет. Шесть пар внимательных глаз, мимолетно взглянув на меня, опустили к своим бумагам или мониторам. Юлия Валерьевна задержалась.

— Вас, Олеся Петровна, опять новая машина привезла?

— Вам так интересны подробности моей жизни? Моему клиенту просто по пути со

мной. Подвез.

Я методично раздеваюсь и вешаю свою куртку в шкаф, чуть нервничая. И почему я так резко реагирую на неё. Уже можно забыть пируэты, которые выдавала Юлия перед носом Андрея, когда мы познакомились. И я поняла, что такое: «В любви все средства хороши». Юлия включилась в гонку с низкого старта. Я даже оторопела поначалу и отошла в сторону. Но Андрей оставил без внимания Юлькины пируэты. Что ж, дорога теперь полностью свободна. Правда, у моего мужа, бывшего мужа, новая пассия...

Я иногда не могу поверить, что за пару месяцев моя жизнь полностью изменилась...

Сердце предательски «ёкает» от мысли о сегодняшней встрече с мужем. Я покрутилась вокруг зеркала. Строгое платье с небольшим вырезом на груди. Андрею оно очень нравилось. Макияж чуть поярче и нездоровый блеск в глазах. Подхватываю на руки Марию и лечу по лестничному пролёту. Такси уже ждёт меня у подъезда. На ходу набираю Ланку.

— Ты уже дома? — взволнованно спрашиваю Лану.

— Да. Ты уже едешь?

— Мы уже в такси.

— Хорошо. Я спускаюсь. Буду ждать возле подъезда.

Лана хмурит брови, забирает Машку, и я смотрю, как родные мне люди машут мне рукой на прощание.

— Ресторан «Аристотель», — нервно диктую следующий адрес и молча, бесцельно разглядываю пейзаж за окном.

Я сняла пальто в гардеробной и, увидев знакомый силуэт, прохожу за столик, где меня уже ждет Андрей. Почувствовала себя русалочкой в тот момент, когда вместо хвоста у неё появились ноги, и каждый шаг дается с трудом и отзывается болью.

— Здравствуй, — коротко здороваюсь и присаживаюсь напротив.

Андрей отрывается от телефона и поднимает свои безумно красивые глаза на меня. Понимаю, что соскучилась и от этого ещё больше злюсь на себя.

Как справится с этим наваждением?

— Здравствуй. Хорошо выглядишь. Вина или шампанского?

Я смотрю в упор на него. Его любимое облачение «холодная колючка» включено, и я в полной растерянности. Что мне говорить и как себя вести. Выждать дальше?

Я собираюсь с духом и выдаю: «Что ты хотел со мной обсудить?» Холодным, чужим голосом.

Андрей подзывает официанта: «Бутылочку шампанского. Дон Периньон». И небрежно переводит на меня свой взгляд.

— Нужно поставить все точки над и.

Я стараюсь смотреть отчужденно, расстановка точек начинает меня бесить. Как и его поведение. Будто бы тайком с помощником встречалась я, а не он.

Периньон в бокале передо мной. Пузырьки медленно поднимаются вверх, растворяясь в накаляющейся обстановке. У меня дикое чувство, что сегодняшний разговор закончится совсем не так, как я изначально думала.

— Я хочу, чтобы мы с тобой расстались, — Андрей делает большой глоток шампанского, — Официально.

— Представь, я тебя не держу. Ты можешь преспокойно отправиться к своей возрастной мадам, — наигранно спокойный тон дается тяжело.

— Представь, я так и сделаю.

— Можно было хотя бы извиниться за своё поведение. Как долго это продолжается, Андрей?

— До того, как я встретил тебя.

Еще лучше! Я задыхаюсь от злости и понимания, что всё это время была запасным и ненужным аэродромом.

— Тогда зачем был весь спектакль — я, свидания, свадьба, рождение Маши. Мы же живые люди.

— Думал, что я забуду Марину. И она на тот момент решила разорвать наши отношения.

— А я так... Попалась между небольшими заминками между вами? — Я всё также наигрываю спокойствие и небрежность.

— Можно так сказать. Я заказал ужин для нас двоих. Так сказать, прощальный.

— Нельзя так с людьми, Андрей. Не все такие бесчувственные куклы, как ты. Без души и веры в людей. Ты разбил мою жизнь и так спокойно об этом говоришь. Лучше бы я тогда переболела ненужными чувствами, и всё вернулось на круги своя.

— Так получилось. Я только через время понял, что ты и жизнь с тобой — ошибка.

Я не знала, что сказать в ответ. Растоптанные чувства, смешанные с грязью и чувством обиды, перечёркнутые одним росчерком пера. Счастливые годы, оказалось, счастливые только для меня. Маша, в одночасье ставшая тоже ненужной игрушкой. За этот вечер отец ни разу не спросил за ребенка, которого он не видел больше месяца. Закипая как вулкан, огненная лава которого, наконец, прорвалась, я резко поставила бокал на стол и, вскинув подбородок, выплюнула в красивое лицо каждое слово: «Будьте счастливы, Андрей Борисович. Только сколько бы я искренне не желала вам счастья. Вам его вряд ли увидеть. Как вами игрались как с влюбленным мальчиком, так и дальше ваша роль будет такая же. На побегушках у юбки дамы, давно перепрыгнувшей порог бальзаковский возраст».

— Ты никто и ничто. И скажи спасибо, что я тебя подобрал, — всё та же ухмылка на лице Андрея.

Я выплеснула содержимое своего бокала на надменное ухмыляющееся лицо. Даже чуть полегчало...

— Пожалеешь, — прошипел Андрей. Шампанское струйками стекает с его лица и посетители соседних столиков, оглядываясь, внимательно смотрят на нас.

Резко встала и двинулась по направлению к гардеробной. Видеть полный презрения его взгляд — выше моих сил. И я хочу сейчас только одного — как можно быстрее покинуть заведение, в котором поставлена точка в трёхлетнем браке.

Только теперь я его ненавижу! Я вышла на ватных ногах, завернула за угол красивого сверкающего здания и опёрлась обеими руками об стену. Столько надежд разбилось в сегодняшний вечер и моя семья. Окончательно. Весь мир, казалось, кружился вокруг меня в диком танце под названием хаос. И этот хаос кружит вокруг меня давно. Я просто старательно его не замечала. А заметив, находила тысячу причин и оправданий. Я не могу поверить брошенных Андреем словам с пренебрежением и чувством невероятного превосходства. Не могу проверить, что я настолько безразлична человеку, который полностью занимал мою душу. Я вдыхаю воздух, но не могу дышать. И даже находясь на улице, я задыхаюсь. Моё сердце разрезали сейчас на живую и изрядно покромсав, так и бросили меня с большой открытой раной.

Что хуже? Знать, что твой муж изменяет тебе с любовницей или знать, что ты никто в жизни любимого человека, и он просто презирает тебя.

— Ты никто и ничто. И скажи спасибо, что я тебя подобрал, — звенит эхом каждое слово Андрея.

Я спустилась на колени. Снег кружился и падал мне на плечи и волосы. Я понимаю, что на улице мороз и жутко холодно, но совершенно ничего не чувствую. Злость кружит в душе, и я радуюсь этому чувству. Значит, ещё живы эмоции, пусть и такие чёрные и тягучие...

— Вам плохо? — Выдергивает меня из моего сумрачного мира пожилая женщина. Я смотрю на неё, ничего не видя перед собой.

— Уже хорошо, — отвечаю чужим осипшим голосом и поднимаюсь с колен.

Женщина, оглядываясь на меня, растворяется в снежном вечере.

Абонент Лана... Длинные гудки.

Абонент сестрёнка... Короткие гудки.

Абонент Ваня... Звонкое «Алло» в трубке телефона.

— Вань, мне плохо, — выдавливаю, наконец, из себя.

— Ты где? — Слышу в трубке тревожный голос.

— Недалеко от ресторана «Аристотель».

— Я буду через двадцать минут.

Я проснулась и, обведя глазами комнату, мысленно застонала. Вчерашний душевный разговор с Иваном закончился в его постели. Он практически и начался с этой части.

Что на меня нашло?

Мне хотелось мести?

Мне хотелось почувствовать себя желанной в тот вечер, когда меня окончательно отвергли?

Столько вопросов теперь в голове.

Взрывная и нечаянная ночь в его объятьях.

Леля, ты дура. Дров наломала... Но то, что было сказочно, не отнять.

Я тихонечко выскальзываю из кровати и оборачиваюсь. Ваня открывает свои глаза и с любопытством наблюдает за мной.

— Ваня, — я обернулась одеялом, пряча глаза, — это ошибка. Я не должна была оказаться тут, — я кивнула на кровать Ивана, где вчера стонала от удовольствия под ним. Кровь ударила в голову от воспоминаний.

— Убиваться за мужем, который вытер об тебя ноги. Вот это ошибка.

Иван проходит абсолютно нагим передо мной, и я невольно сглотнула от увиденной картины. Вчера всё было сумбурно, и времени рассматривать раздетым мужчину, к которому я угодила в постель, было некогда.

Я галопом понеслась в ванную, на ходу подхватывая свои вещи.

Какая же ты неразумная, девочка моя. Да, вчера было сногшибательно. Да, горячо и страстно. Но... Не слишком быстро? Скорее заглушить дикую боль.

Я выглянула из ванной. Ваня, уже накинув халат, бродит по кухне и стучит посудой.

— Кофе? — Ваня протягивает дымящуюся чашку горячего напитка. На душе резануло тонким лезвием. Как мне отчаянно хотелось вот так, с заботой и глазами, ищущими моё настроение. Но у нас с Андреем было всё абсолютно наоборот.

Я отрицательно махнула головой.

— Не надо, спасибо... Я за Машей поехала... Она у подруги..., - говорю бессвязно, и такая же суматоха в голове.

— Я тебя отвезу, — чуть резче настаивает Иван.

— Не надо. Сама.

— Тогда заеду вечером, — тон не терпит возражений.

Не сейчас. Сейчас так не вовремя начинать в любовь.

— Вань, не сейчас. Дай мне прийти в себя. У меня в голове хаос. И здесь тоже хаос, — я кладу руку на грудь. — И я не знаю, как мне жить дальше. Сейчас не время для новых отношений.

Я одеваю свою куртку и сапоги и выхожу прочь, стараясь не смотреть на него, опёршегося о стену, провожающего меня взглядом карих глаз. На глазах слёзы и тонкие струйки моих обид и разочарований текут по щекам к подбородку. Мысли, как маятник возвращаются от вчерашних слов Андрея: "Скажи спасибо, что тебя выбрали" до горячих губ Вани, покрывающих мелкими поцелуями всё моё тело. Стало жарко, и щёки стали пунцовыми. А может к лучшему, что вечер не закончился пьяным сожалением по самой себе.

Я вызываю такси. У меня совсем немного времени забрать Машу у Ланки и по известному утреннему маршруту: детский сад-работа. Лана ответила сразу на мой звонок.

— Пропажа, привет! — Радостно приветствует Ланка.

— Лана, я переспала с Ваней, — я тут же начинаю с главного приветствия.

— Какая прелесть! — Получаю от подружки смесь удивления с нескрываемыми нотками радости. — Я думала, ты с Андреем миришься, и мы с Машей не беспокоим тебя. Ну, этот вариант мне нравится больше.

— Лана, Андрей такая сволочь.

Слезы опять стоят в глазах.

— Я тебя предупреждала, что такие люди как твой зайчик, жонглируют людскими судьбами играючи. И играючи их разбивают.

— Я знаю. Точнее, знала. Я подъеду через пятнадцать минут.

— Ок. Я поняла. Собираемся.

Машка раскрывает свои детские, безумно любимые мною объятия, и я стребаю её, чтобы на секунду уткнувшись в шею, вдохнуть запах молочной нежной кожи, запах детства и родного существа.

— Мамочка! — взвизгнула Маша.

— Я тоже скучала по тебе, мой малыш.

— Ты присмотришься к своему ночному приключению. — Ланка смотрит на моё лицо с интересом.

— Это ошибка, — отрезаю сразу же.

— Твой трёхлетний брак — это ошибка, а человек, прилетевший к тебе по первому зову, достоин большего определения, чем ошибка.

— Лана, мне так хорошо было. Но это просто физика.

— Дура. Без химии нет физики, — ткнув меня кончиком пальцев поверх груди, говорит Лана.

— Созвонимся, — бросаю напоследок и сажусь с Марией в жёлтое такси.

Суматошный вечер и неожиданная ночь, и я полностью не собрана на работе и совсем не в рабочем настроении. Без макияжа и с пучком на затылке, который скрутила наспех в такси. Со стороны смотрюсь, наверное, как после долгой и шумной вечеринки. Практически так и было.

От Вани прилетело милое сообщение с нежным: «Целую» в конце.

— Присмотришься, — в голове звучит Ланкино утреннее приветствие, и я опять выкидываю образы мужчин своего вчера. Маятник почему застрял на стороне с коротким именем Иван.

— Ты что, приболела? — Юлька, как всегда, одетая с иголки, окинула своим любопытным взглядом.

Я громко кашлянула.

— Да, Юль. Опять эпидемия гриппа в детском саду, — и улыбаюсь тому, как Юлька ретируется от меня подальше.

— Не у всех так ладно в жизни. — Смотрю на её новый брендовый костюм и бурчу про себя.

Не знаю как, но разговор по душам с Иваном закончился дуэтом в его красивой большой кровати. А может, я хотела почувствовать себя женщиной? Желанной женщиной. Чего я так давно не чувствовала с мужем?

— Позволь мне вас сегодня забрать, — на телефон опять пришло сообщение от Мелихова.

Я кручу в руках телефон.

— Давай на какое-то время пусть между нами будет пауза, — мне честно хочется увидеть его сегодня и мой ответ — очередная ошибка.

Но... Если и начинать отношения, нужно разобраться с предыдущими и со своей любовью к другому человеку. Только я чувствую к нему только злость. Страсть, перерождающаяся в отчаяние, сменилась пустотой. Я нажимаю клавиши, и они играют тишину. Так умирает моя любовь. Я вздыхаю и выкидывая напрочь Андрея и Ивана из своей головы, и останавливаю маятник посередине — на себе.

Бывший муж. Я заставляю себя думать об Андрее теперь только так. Хотя иск о разводе ещё лежит у меня на рабочем столе. Это как последняя точка, для которой я набираюсь моральных сил. Я взглянула ещё раз на исковое заявление. Мои родители не в курсе моих семейных баталий. Я всё это время отодвигала серьезный разговор с ними на потом, но тянуть дальше уже нет смысла.

Я, вздохнув, включаю видео звонок с абонентом мамочка и готовлюсь к «радостным» новостям, которыми я сейчас собралась поразить родителей.

— Мама, привет! — Я весело поздоровалась с мамой.

— Олесенька, здравствуй, доченька. Как дела?

— Все хорошо. Мам, ты только не волнуйся, — я стараюсь подготовить свою нервную родительницу, но уже вижу её беспокойное лицо после моей фразы: «Ты только не волнуйся», сказанной с другой целью.

— Что-то случилось? Маша здорова? — Мама беспокойно вглядывается в моё лицо.

— С Машей всё нормально. Я развожусь с Андреем.

Мой ответ не сильно удивил мою мать.

— Мы с отцом давно догадываемся, что у вас не все ладно.

— Так заметно? — Я горько улыбаюсь.

— Да. По твоему нервному состоянию в последнее время, — мама отводит взгляд в сторону. — И что теперь дальше?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Завтра подаю иск на развод. Главное, что нам с Машей придется снимать квартиру.

— Я так и думала, что ты для него не больше, чем развлечение. Просто Андрей заигрался чуть дольше.

— Мама, не начинай! — Я нервно осаживаю ненужные высказывания мамы по поводу моего замужества. Мои родители не очень радовались моему выбору и оказались правы. Они не в восторге были от выбора Ольги, но там всё оказалось очень даже стабильно.

— Я позвонила услышать слова поддержки. Мне и так тошно.

— Возвращайся домой. У нас есть где жить.

— А работа? Где я буду работать, мам? Полы мыть в сельской школе? — Я потихоньку начинаю закипать. — Уезжать я пока не планирую, — громко чеканю каждое своё слово.

— Твоя жизнь, и тебе решать, как в ней поступать. Но помочь нам с отцом особо нечем.

— Я не за этим позвонила.

— Почему разводитесь с Андреем?

— Он завел интрижку на стороне, — я не собиралась говорить основную причину нашего развода, хотя и понимаю, что дело не в интрижке, а в банальном — просто не было любви. С моей стороны были искренние чувства, забота и далеко идущие планы.

— Отцу сама расскажешь, — я уже чувствую, что на вторую серию моего самообладания не хватит и выключаю телефон.

После разговора я второй час зло брожу по гостиной.

Что я ожидала? Я прекрасно знаю настроение своих родителей.

Я открыла ноутбук и к разводу добавляю исковое на алиментное содержание Герман Марии Андреевны. Среди плотного рабочего графика постараюсь найти окошко для себя. Заработная плата у мирового судьи хорошая, поэтому отказываться от содержания ребенка своим отцом не стоит. Я вспомнила, сколько раз сама уговаривала плачущих мадам в том, что при отказе на содержании ребенка нарушаются права только ребенка. И стоит переступить свою гордость или жалость. Я сама оказалась той нерешительной мадам, которая не хочет лишней раз пересекаться с человеком, который отверг её. Решительно и без возможности повернуть всё вспять.

Только засыпая, я думала не об Андрее, а об человеке, с которым провела вчерашнюю ночь. И губах Ивана, скользивших вниз, оставляя горячие следы на моей коже.

Глава 17. Четырьмя годами ранее. Часть 1

Мы с Ланой в предсвадебных хлопотах. Её избранник сделал предложение, и моя подруга согласилась. Мне не сильно нравится Ланкина вторая половина. Максим показался мне чересчур холёным, чересчур скользким и ещё много «чересчуров», дающие, в общем, скверную картину. Особенно меня раздражают его слюнявые взгляды по красивым попкам в обтягивающих юбочках или брючках. Иногда до крайности. Но больше всего настораживает отсутствие работы у Максима и желания её найти. Жених Ланы прекрасно устроился. Есть мамочка, которая обслужит его по полной программе. Я «мамку» предупреждала не раз, но сейчас молчу. Зачем портить настроение счастливой невесте перед свадьбой. Я на этой свадьбе подруга невесты и шью вместе с такими же дамами из личного близкого окружения светло-лиловое платье. Банкет в красивом ресторане с пятьюдесятью гостями. Стол, спиртное, обстановка. Всё со вкусом и мы в предвкушении стильного праздника.

Я всё также сплю одна, в обнимку с ноутбуком и кучей документов. Барсуков прозвал меня бумажным червём.

Ну не всем же везет, как им!

Найти сразу свою вторую половину. Моя где-то ходит рядом. Просто ещё не время и вселенная не пересекла наши пути друг с другом.

Барсуков удивил своей настойчивостью и постоянством. Я боялась, что Оля окажется просто его очередной. Казалась, так думало всё окружение, кроме Ольги. Она хитро улыбалась на мои предостережения, но летела на свидания с Димой, распахнув свои крылья любви. Барсуков рядом с Олей робел, но по прошествии времени я их и не вижу друг без друга. И модные туфли Барсукова в нашей съемной квартире — это привычная картина.

Я открыла ключом входную дверь. Привычная картина из кожаных туфель Барсукова. Улыбаюсь и громко обозначаю о своем присутствии. Их нечаянные пробежки в ванную комнату полуголыми вводят меня в конфуз. Кажется, уже пора думать, как нам разъехаться.

Пятничный вечер. Дима и Оля ужинают на кухне. Слава богу, не надо прятать глаза от увиденного случайным образом голого зада Барсукова. Кто бы знал, на первом совместном обеде, где Дмитрий Валерьевич чинно пилил столовым ножом утиную грудку и накалывал угря из салата, будет по прошествии лет пробежать мимо меня, иногда светя своей голой пятой точкой. Куплю ему на день рождения дежурный халат.

Я усмехнулась. Теперь не нужно напряженно думать, что купить Барсукову к празднику по случаю рождения.

— Привет, честной команде.

Я заглядываю в кухню. Оля, как всегда, постаралась, и даже чересчур. На столе бутылка дорожущего шампанского.

— По какому случаю праздник? — Спрашиваю влюбленную парочку.

Оля машет перед моим лицом рукой, на безымянном пальце которой блестит кольцо.

— Да ну. Что, опять свадьба? Сплошное разорение.

— Да..., - протяжно отвечает Олька, — мы с Димой решили пожениться.

— Слава богу. Забирай её поскорее к себе.

Барсуков наливает полный бокал шампанского и с довольной улыбкой протягивает мне.

— Шампанское. Пятница. И моя сестричка скоро съедет от меня. Сегодня отличный день. Столько хороших новостей подряд!

— Кто будет тебе ужин готовить? И за ухо отрывать от бумаг, которые ты тащишь домой, — смеётся моя сестра.

— За вас, ребята! — Я стукаюсь об бокалы ребят и с удовольствием глотаю холодное шампанское. В этот знойный вечер холодный напиток чудесным образом растекается по телу.

На телефон прилетело сообщение от Ланки: «Моя любимая незаменимая подружка, нужна твоя помощь».

— Что случилось? — Вздыхаю, предполагая список нарезанных мне заданий, и отправляю в ответ.

— Нужно съездить в ресторан и проверить фотозону. Должна быть в лиловых тонах! Не доверяю я этим ресторанным курицам. Вчера приехала, так ничего и не поменяли.

— Хорошо.

— Максим за тобой заедет.

Общество Максима мне не очень нравится, но ехать на другой конец города в такси не хочется.

— Пусть наберёт меня, как подъедет, — отправляю командиру ответное сообщение.

— Так. С вами хорошо, но у меня важное дело, — я выпиваю шампанское до дна и ставлю пустой бокал на стол.

— Ты что, опять работать? — Удивлённо спрашивает моя сестра и надувает губки.

— Нет. Меня отправили на задание, — я отвечаю уже на выходе из кухни и посылаю любимой парочке воздушный поцелуй.

Выбрав легкий короткий сарафан из шкафа, я скидываю свой строгий летний костюм. Тонкий сарафанчик — как раз то, что нужно для знойной летней погоды.

Сбросив звонок Максима, набрасываю короткое: «Я уже спускаюсь» и бегу по лестничному пролету к припаркованному у подъезда Ланкиному белому седану, который уже как год в полном распоряжении её будущего супруга.

— Привет, красотка! — блуждающий взгляд Максима по моим голым ногам, и я уже пожалела о своем лёгком наряде.

— Привет, жених. Как настроение? — Я тут же сделала акцент на статусе Максима.

— Цвет настроения коньячный, — хитро улыбаясь, отвечает Максим, — сегодня мальчишник. Не хочешь присоединиться?

— Спасибо, не хочу. Тем более у вас мальчишник, — делают акцент на слове мальчишник, — как-нибудь без меня.

— Подумай хорошенько. Будет весело.

— Не сомневаюсь. Но нет.

Бессмысленный трёп Максима всю дорогу — это верх моих сил. Я уже жалею, что решила прокатиться с комфортом. И как только мы остановились у порога ресторана, я быстренько выпорхнула из автомобиля. Максим проводил меня взглядом, приправленным ухмылкой.

Я проверю только цветовую гамму и быстро ретируюсь из ресторана. Я шагнула в красивый зал, уже обставленный красивыми рядами белых столов и стульев. Фотозона в лиловых тонах с добавлением нежного чистого белого. Так что ресторанные курицы справились с поставленными Ланкой задачами.

— Ланочка, все отлично, — я начала с главного, как только моя подруга взяла трубку телефона. — Фотозона, как ты хотела в лиловых тонах. И ещё разбавили белыми цветами.

Мне нравится. Всё очень красиво.

Максим прошел мимо меня с ящиком шампанского и направился напрямиком в подсобку, как положено, окинув меня взглядом.

Я чертыхнулась про себя. Сволочь. Не нагледелся в машине.

— Тогда до завтра, — с тревожными нотками отвечает мне Ланка.

— Что ты так волнуешься? Всё будет хорошо! — Успокаиваю Лану, но мне самой не по себе от предстоящего мероприятия.

Я бросаю трубку телефона и, помахав администратору рукой на прощание, уже собираюсь выходить из ресторана.

— Ты можешь мне помочь? — я вздрогнула от голоса Максима буквально у моего уха.

Обернувшись, натываюсь на стоявшего вплотную ко мне Максимом.

— Что нужно?

— Там ленты в багажнике, в коробке. Для конкурсов, что ли, нужны. Их тоже нужно отнести в подсобку.

— Ок.

Я тут же разворачиваюсь по направлению к Ланкиной машине и сгребаю коробку с лентами и прочей ерундой, и так же быстро пробегаю с коробкой через весь зал в душную и темную подсобку. Ящики со спиртными рядами вдоль стен, и я, покрутившись, водружаю свою коробку поверх ящиков, чтобы, если что, наш ведущий быстро нашла её.

— Тебе не кажется, что много спиртного? — Максим продолжает меня цеплять не нужными вопросами.

— Тебе надоело носить? — Усмехаюсь в ответ.

— Ну..., приятного мало. Ты точно отказываешься от компании брутальных мужчин? — бархатным тоном поёт Максим, и он мне не очень нравится, как и то, что Максим подходит ко мне с грацией хищника. Я пчусь назад, поглядывая на спасительную дверь, до которой мне прилично.

— Точно, — стараюсь говорить громко, но голос срывается.

Я упираюсь в стену спиной, и Максим, вытягивая руки, упирается ими в стену, плотно прижимая меня своим телом. Я отчетливо слышу твердое набухшее нетерпение будущего мужа моей лучшей подруги у себя на бедре.

— Ты чего? — Упираюсь руками в грудь Максима, стараясь выбраться из неожиданного плена.

— А ты сама не слышишь? Чего?

Чертовски неприятная ситуация, и я не знаю, как выбраться из неё.

— Выпусти меня! — Взвизгнула я. — Я сейчас закричу!

— Меня это ещё больше заводит.

Руки Максима спустились к моим бедрам, и он по-хозяйски задирает подол моего короткого сарафана, тут же накрывая меня грязным слюнявым поцелуем.

Я собираю все свои девичьи скромные силы и как могу, бью коленом, стараясь попасть между ног. Максим вдруг заскулил, и я понимаю, что куда целилась, туда и попала. Объятия тут же разомкнулись.

— Сука. Чёртова сучка.

Я пробегаю мимо и на выходе бросаю: «Какая же ты сволочь, Макс!»

— Не вздумай Ланке рассказывать! — Шипит у стены Максим.

Я выбегаю из ресторана на улицу и, отдышавшись, топаю до дома пешком. От

произошедшего кругом голова, но я точно не буду разрушать жизнь своей подруги. Люди, которых завтра соединят, вряд ли проживут долго и счастливо. Мне жаль. Но мои предупреждения Лана проигнорировала. О чём можно говорить теперь. Она, может, даже не поверит случившемуся.

Я в красивом шёлковом платье до пят лилового цвета, улыбаюсь дежурной улыбкой на свадьбе лучшей подруги. Ланкины глаза светятся от счастья. Я понимаю, что это ненадолго, и мне хочется закричать во весь голос: «Лана что ты делаешь!»

Максим даже не смотрит в мою сторону. Как будто вчерашних зажиманий с поцелуями в подсобке не было.

Официальная часть пройдена, и я вместе с гостями усаживаюсь за стол рядом с красивой невестой. Холодное спасительное шампанское прокатывается по разгоряченному телу, и легкий хмель ударяет в голову. Так немного лучше. На небе собираются дождевые тучи, как будто небеса предчувствуют погоду в доме брачующихся. И я налегаю на шампанское, чтобы унять клокочущую злость на Макса и иногда искоса поглядывая на него. В присутствии гостей Максим ведет себя как истинный джентльмен и любящий супруг. Как долго Максим будет играть эту роль, посмотрим.

Я наблюдаю за свадебным вальсом новобрачных, который они репетировали два месяца. Скоро и Оля будет кружиться в белом платье в красивом модном ресторане. Барсуков любит, чтобы было дорого и красиво. За окном сверкнула молния, и дождь крупными каплями барабанит в окна.

Только хотела выйти на улицу и продышаться. Хорошо, что в ресторане предусмотрена летняя веранда. Я тихонько выхожу из шумного зала в дождливый летний вечер и делаю глоток шампанского. Задумчиво смотрю, как дождь смывает с деревьев пыль. Воздух сразу стал прохладнее и свежее.

— Грустишь?

Я вздрогнула от неожиданности.

Каким образом возле меня выросла высокая фигура Максима? Я не заметила его и не услышала шагов в своих раздумьях.

— Максим. Ваше место сегодня возле невесты, — ответила я, не смотря на наглую физиономию Максима.

— Устал от насыщенного праздника. Решил подышать свежим воздухом.

В свете последних событий, мне противен даже его голос.

— Лана, наверное, ищет тебя, — раздраженно бросаю Максиму.

— Пусть ищет. Главное, я нашёл, что искал, — наглым тоном пропел Максим.

И тон, и сама фраза мне не понравилась. Я повернулась к красивому лицу с расплывшейся ухмылкой.

Максим делает шаг ближе и проводит рукой по моей спине.

Да, у меня красивое платье с открытой спиной. Смотрится красиво и немного сексуально, но это не повод проводить своими руками по моей спине.

Я залепила пощечину по лицу Максима и улыбнулась, увидев его растерянное лицо.

— Тебе вчера было мало?

— Сучка... Но мне нравятся такие горячие, — потирая щёку, с довольной ухмылкой отвечает Максим.

— Максим! — Высоким голосом взвизгнула Лана.

Мы обернулись вдвоём на её голос. Как долго она стоит в дверях? И что попало её взору. Такая отвратительная сцена получилась, и прямо на счастливом празднике моей лучшей подруги.

— Придурок, — я тихо прошипела, чтобы моё определение коснулось только ушей адресата, тут же кинувшегося к своей жене.

Я не спеша, отстукивая каблуками новых босоножек, иду домой. Не хочется и дальше смотреть драму под названием свадьба лучшей подруги. Вряд ли Ланка кинется меня искать. От легкого прикосновения Максима к моей спине на душе тошно и противно.

Эта сволочь умудрилась дотронуться до меня прямо на своей свадьбе!

Мельком увидевшая это зрелище Лана на своём празднике сразу же потухла.

Поэтому я, как только мне позволила вежливость, откланялась. И теперь возвращаюсь домой, рассматривая тускнеющее небо, готовящееся к закату, и серые сгущающиеся тучи к следующему заходу дождя. От высоких шпилек уже болят ноги, и я снимаю свои красивые босоножки и беру их в руки.

Загляденье.

Подол длинного лилового платья в одной руке и босоножки в другой. И я босая, шлепаю домой. Прохожие бросают на меня внимательные взгляды, а я улыбаюсь самой себе.

Красивая чёрная ВМВ, пролетевшая на приличной скорости, окатила меня водой из лужи.

— Вот же сволочь!

Чуть притормозив, машина тут же рванула по назначенному маршруту, растворяясь в потоке машин.

Я, окинув себя взглядом, застонала вслух.

— Ну что за день!

Буквы я не запомнила, но вот зеркальный номер триста двадцать три тут же вьелся в память. Мокрые пряди прилипли к вискам, а грязная вода тонкой струйкой стекала по моему телу. Вид у меня что надо. Грязная, мокрая и босиком, а до дома ещё не меньше получаса топтать.

— С какой помойки ты вылезла, — со смехом спрашивает Ольга, увидев меня на пороге. — Ты точно на свадьбе была?

— Я сейчас за весь этот прекрасный в кавычках день отыграюсь на тебе.

— Молчу, — Ольга уже не улыбается, смеётся во всю.

Я только вздыхаю на её веселье.

— Расстегни молнию моего прекрасного платья, — я повернулась боком к Ольге, — думала, иду на бал, а пришлось на этом балу мыть полы. Причем своим платьем.

— Ну, а если серьезно? Тебя так на свадьбе размазали по полу?

— Попалась сволочь, которая на всем ходу летела, наверно, к своей силиконовой дуре, и окатил меня из лужи. И так настроения не было.

— И что, даже не извинился?

— Нет. Притормозил. Увидел, что я босиком, и решил, что пьяна. Так и надо. И умчался. Не пруха, сестрёнка.

— Вот уж точно.

— Беги в ванную, я замочу твоё платье. Может, ещё попробуем реабилитировать. Такую красоту испортил, — Ольга вертит моё грязное платье в руках.

— Весь вечер испорчен, — я ответила сестре, имея виду другую ситуацию.

В голове всплыло обиженное лицо Ланки. Этот «прекрасный» праздник я запомню надолго.

Глава 18. Четырьмя годами ранее. Часть 2

Мы не перекинулись ни словом с подругой о том, что случилось на свадьбе Светланы. Как будто ничего не было. Может быть, даже к лучшему. Лана и сама понимает и характер, и общее настроение своего супруга. Молодожены на курорте, и Ланка присылает мне фотографии. Старается поделиться моментами в основном, где она одна. Счастливая, но я уже вижу в её глазах понимание, что это ненадолго.

У меня тоже скоро отпуск, и я ещё не решила, где и с кем мне его провести. Всё ближайшее окружение по парам. И только я — вечная одиночка.

Я собрала бумаги по очередному делу, которое мне дали вести, и готовлюсь к процессу. Пустяковое дело. Молодая пара, не прожившая и трех месяцев, решила поставить точку в своих отношениях быстро и бесповоротно. И желательно, не видя друг друга. Надо же так переругаться. Делить особо нечего. Купленный дорогой телефон.

— Чай будешь? — Юлька поставила чашку передо мной. — Оторвись от своих бумажек.

— Буду, — выпитые пару глотков кофе с утра никак не назовешь завтраком. А тут и чай, и французский крекер.

— И помощь твоя нужна, — Юля сморщила носик.

— Давай, что там у тебя.

Юльку долго упрашивать не надо. Лисичка.

И откидывая прядь своих чёрных волос, улыбаясь, Юля кладёт мне проект договора, который, по моим наблюдениям, мусолит уже неделю. Я тянусь за ручкой с красной пастой и, как учительница, расчерчиваю её проект договора. Подглядела у Барсукова. Можно сказать, разношу в пух и прах. Ничего дельного и столько упущений. Я делаю глоток чая и продолжаю редактировать Юлькино бездарное творение. Наверное, в очень хороших отношениях наша Ирина с родителями Юльки, если продолжает держать Юлию Валерьевну у себя. И я поняла любимую тактику директора «Urvisa». В фирму набирались молодые и очень перспективные специалисты прямо со студенческих скамей. И цель у Инны Александровны в университете не лекции, а кадровый поиск.

— Держи, — я протягиваю Юльке отредактированный мною договор.

— Ого! — Юля складывается в удивленной мимике, пролистывая свой проект.

— Я бы сделала это так, — выношу свой вердикт.

— Спасибо. Ты чудо. — Милые объятия мельком от Юльки, чуть удивили меня.

— Если Инна Александровна спросит меня, я в суде. Сегодня назначено первое судебное заседание.

— Это по делу длинноногой глупой блондинки, которая страдала тут две недели назад.

Я поморщилась при таком ёмком определении от Юлии. Сама далеко не ушла.

— Она самая. Человек не хочет никаким образом пересекаться с бывшим мужем. Поэтому, на наше счастье, пересечемся мы.

Я побросала нужные документы в папку и, одев солнцезащитные очки, выхожу из здания офиса «Urvisa».

Жарко до невозможности. Под сплит системой в красивом кабинете намного лучше. И подбросить некому.

Автомобиль и права в планах. Надеюсь, в скорое их воплощение. А пока я в автобусе, и белая блузка местами прилипла к телу.

Я несколько раз оглядела стоянку перед зданием мирового суда. Мне не показалось. Чёрный BMW с номером триста двадцать три красуется на стоянке.

Интересно, где же работает эта сволочь? Или сволочь приехала по своим судебным делам?

Я даже обошла вокруг машины, хотелось даже прочертить гвоздиком по этой кричащей красоте. Но камера на здании суда и совесть не позволят мне это сделать. Вот замечание я сделаю обязательно.

Я поднялась по ступенькам и вошла внутрь здания.

— Ромка, привет! — Я поздоровалась с охранником, пост которого стоял сразу у дверей мирового суда.

— Привет, красота. Как дела? — Оглядывая меня своим любимым восторженным взглядом, спросил Роман.

— Отлично. Подскажи, чья чёрная красотка с номером триста двадцать три стоит на стоянке?

— Эта та, которую ты обхаживала вокруг?

— Увидел? — Я смущенно улыбнулась.

— Ну, конечно. Камеры. — Рома ткнул в монитор.

— Это машина мирового судьи. Участок десятый.

— Вот как. Я даже знаю фамилию.

Я сама лично составляла исковое заявление на развод моей клиентки две недели назад и отнесла в судебную канцелярию. И мировой судья десятого участка некий Герман Андрей Борисович.

— Сноб еще тот. Будь поаккуратнее, — чуть сбавив голос, добавил Роман.

— Этот сноб окатил меня из грязной лужи и поехал дальше.

— Всё может быть. Он на всех смотрит исключительно свысока.

— Спасибо, Роман, — быстро благодарю и, повернувшись с боевым настроением иду к десятому кабинету. С этой птичкой я ещё не сталкивалась.

Я взглянула на табличку: Участок номер десять Мирового суда. Мировой судья Герман Андрей Борисович. Припомнила разговоры коллег с работы о нём. Высокомерен, надменен, с набором едких замечаний.

Ну что ж, при случае я подмечу о поведении, непозволительное для мужчины и судьи.

Я переступаю порог участка и встречаюсь глазами с НИМ...

Высокий мужчина с чёрными глазами на красивом скуластом лице встретил меня внимательным взглядом. Небрежно пригладив тёмные волосы, поднял вопросительно брови на затянувшуюся паузу.

Я задохнулась от увиденной картины и застыла на несколько секунд.

— Вы к кому? — Смеясь, спрашивает говорящая обложка с журнала, и выводит меня из моего ступора.

— Мне назначено на одиннадцать.

Мужчина кидает взгляд на ручные часы.

— Андрей Борисович, это адвокат. Савина Олеся Петровна. Представляет интересы по бракоразводному процессу Катковой, — вставила деловым тоном рыжая помощница.

— Проходите, — мужчина кивает на дверь и проходит внутрь.

Рыжая помощница и секретарь провожают нас внимательным взглядом.

Представляю, как я выглядела по-дурачки в первые секунды и заливаюсь краской.

Что с тобой, Олеся Петровна? Поплыла при виде смазливового фэйса.

Андрей Борисович набрасывает чёрную мантию на белоснежную сорочку.

— Вы по делу Катьковой? — Звучит уверенный голос Герман.

— Да, Ваша честь, — выдавила я из себя...

Я сидела в небольшом кабинете, вся взмокшая и взбудораженная. Как будто здесь решалась не судьба толком незнакомой мне Катьковой, а моя собственная. Колких замечаний, которые я ждала в мой адрес, я не услышала. Заметила только неподдельный интерес. Наверное, в ответ на моё поведение.

Я чуть запиналась, как будто процесс, на котором ни ответчик, ни истец не присутствовали, был для меня первый, и за спиной не было уже несколько выигранных дел. Которые сразу прибавили мне очков в «Urvisa» и премиальные на моём банковском счёте. Стабильная работа, и я уже думаю о собственном жилье. Думаю, банк должен одобрить мне кредит на жильё.

Это пока планы...

— Следующее судебное заседание, — Андрей Борисович проходится по своему журналу, — через две недели.

— Хорошо. Спасибо.

— Можно личный вопрос, Олеся Петровна?

— Да, конечно, — я торопливо собираю документы в папку, чтобы побыстрее ретироваться.

— Вы замужем?

Я опять застыла на несколько секунд. Вопрос чересчур личный.

— Нет, — я с вызовом смотрю в карие глаза, бесстыдно блуждающие по моей фигуре в блузке и юбке-футляре в обтяжку.

— Завтра в восемь вечера. Ресторан Эдем. Восхитительная кухня и живой звук саксофона.

Мировой судья в своей чёрной мантии откинулся на спинку своего большого кресла, продолжая сверлить меня внимательным взглядом красивых глаз.

— У меня тоже личный вопрос. Вы женаты?

— Нет.

— Я согласна.

— Я могу заехать за вами.

— Встретимся в Эдеме. Я вас пока ещё не знаю, а в машину к малознакомым мужчинам я не сажусь.

Герман чуть усмехнулся.

— Договорились. Буду ждать вас.

Я погулила несколько раз ресторан Эдем. Красивое, дорогое место. С изысканной кухней и необычной живой музыкой. Свой саксофонист периодически расслабляет публику мелодиями джаза.

— Ты что, вот так пойдешь на свидание к малознакомому мужчине? — прошипела Ольга, в очередной раз зайдя в мою комнату.

Я кручусь вокруг зеркала в коктейльном платье цвета морской волны, чудесным образом, подходящим под мои светлые волосы. Серебристые босоножки, в которых я была на свадьбе Ланы, и такого же цвета клатч.

— Ты с Барсуковым ушла гулять уже на следующий день после знакомства, —

парировала замечания недовольной сестры. — Мне волосы распустить? Или наверх? Серьезный мужчина. Судья. Перестань злиться.

— Распусти. И делай, что хочешь, — огрызнулась Ольга и вылетела из комнаты.

Я вышла из такси и взглянула на часы. Я хорошо припоздала. Не в моей привычке опаздывать, но я так долго продумывала свой образ и каждую мелочь в нём. На меня не похоже такое пристальное внимание к своей внешности. Но, улыбнувшись в зеркале на прощанье, невозможно было не отметить, что результат превзошел ожидания.

Длинная тенистая аллея из декоративных ёлочек, подсвеченная огнями красивых фонарей. Я прошла быстрым шагом и попала на летнюю площадку ресторана. За одним из столиков вижу его... и сердце тут же замирает в ответ.

Все эти приветы от моего сердца, то замирающего, то шумящего, как после длинной пробежки, настораживали. Я понимаю, что мой интерес к этому человеку растет в геометрической прогрессии, и я не в силах его остановить. И если честно, не хочу. Хочется любви, тепла и просто мужской ласки...

На летней веранде на хорошем расстоянии друг от друга стоят красивые столики из тёмного дерева и в тон им такие же стулья. Вся площадка в зелени, обвивающей столбы, стоящие по всему периметру веранды. Ощущение, что ты сидишь на лоне природы под звёздами.

За одним из них — Андрей в белоснежной сорочке, выгодно оттеняющей внешность брутального брюнета. Я невольно засмотрелась на картинку. Андрей красив и обаятелен. И негатива, на который настроилась изначально, я не прочувствовала.

Андрей оторвался от телефона, где он с кем-то переписывался, и остановил взгляд на мне. На секунду уверенный мировой судья застыл в изумлении.

— Олеся, здравствуйте, — чуть сбившимся голосом произносит, наконец, Андрей. — Вы сегодня обворожительны.

— Спасибо, — я присаживаюсь на любезно отодвинутый стул.

Официант тут же открыл шампанское, стоящее в ведерке со льдом и плеснув в бокалы, и тут же растворился.

— Предлагаю тост. За самого обворожительного юриста, которого я когда-либо видел.

Я улыбнулась комплименту, преподнесённому Андреем. Так лестно. Что внутри всё пело от нахлынувших чувств.

— И за самого интересного судью, — звон бокалов повис за нашим столиком.

— Да. Из нас получится интересный тандем, — Андрей внимательно смотрит на мою реакцию.

Я чуть смутилась далеко идущим планам, это вроде бы только первое свидание.

— Вы думаете? — я уняла чувство смущения и стараюсь подыгрывать эту шикарному мужчине, сидящему напротив.

— Я уверен. Предлагаю перевести наше общение на ты.

— Согласна.

— Сегодняшний вечер полностью по моему сценарию, поэтому ужин уже заказал.

Прелесть. Мне не очень хотелось листать буклет дорого меню и теряться в названиях блюд.

На середину веранды вышел саксофонист, и публика зааплодировала в предвкушении. Музыкант поклонился, и по Эдему полились нежные ноты саксофона.

— Потанцуем? — Андрей взял мою руку, и в ответ на его нечаянное прикосновение по

телу пробежались мурашки.

Я махнула головой в ответ.

Его руки обвили мою талию, и Андрей слегка привлек меня к себе. Я втянула в себя его запах, и мне он показалась таким родным и знакомым. Понимаю, что окончательно и бесповоротно влюбилась... Щемящее чувство ожидания взаимности захлестнуло тут же. Что мне ждать дальше из этого, как сказал Андрей, интересного тандема?

Прикосновение теплых губ было настолько ошеломительно, что я обняла его, чтобы удержаться от кружившегося вокруг меня мира. Андрей продолжает исследовать меня, и его язык проникает внутрь, привнося с собой бурю эмоций. Мы сплетаемся с ним в танце, который я так ждала весь вечер, и моё желание обоюдно...

Я смотрю на разрывающийся телефон, но взять трубку не решаюсь. По всей видимости, Герман Андрей получил мой привет и желает высказать своё мнение на этот счет. Я делаю глубокий вдох и сухо приветствую: «Здравствуйте Андрей Борисович».

— Я звоню уже десятый раз.

— Я была занята. Что вы хотели?

— Хотел предупредить тебя о том, что я заезжаю в свою квартиру через неделю. И не один. И если ты и дальше будешь продолжать проживать в квартире, будь любезна брать на себя половину стоимости ипотечного кредита. Если собираешься съезжать, у тебя есть неделя для этого. Спасибо, что не стала утруждать меня бумажной волокитой по бракоразводному процессу. А вот по поводу Марии — отдельный вопрос. Я поставлю вопрос в суде о проживании ребенка со мной. Посмотрим, чьи условия проживания окажутся лучше и, соответственно, как решится вопрос с содержанием Маши. Я всё понятно пояснил?

— Заезжать, с кем ты там собрался, можешь через день. Я здесь больше не задержусь, можешь не переживать. А Машку я тебе не одам. Она слишком мала, чтобы жить с супер занятым отцом, который за месяц ни разу не удосужился с ней просто увидеться.

В трубке короткие гудки и в груди дикий страх и гул сердца. Я сглотнула застрявший в горле страх. Герман объявил мне войну, и, учитывая его возможности, у него это может получиться.

В голове сразу же тысячи вопросов и ни одного ответа. Я даже с мыслями не могу справиться.

Руки сами потянулись к телефону.

— Лана. Меня выживают из квартиры.

— О, боги. Что случилось?

— Андрей соизволил позвонить и поставить в известность, что он собирается проживать здесь. И мне дали неделю, чтобы съехать. Или же попробовать уживаться рядом с ним.

— Какая же сволочь.

— Я не знаю, смогу ли я за неделю найти съемное жильё, подходящее мне и ребенку.

— Зачем съемное? Поживи пока у меня. Вторая комната у меня пустует. Там склад ненужных вещей.

— Я не буду тебя стеснять.

— Мне будет с вами веселее. Ищи грузоперевозчика. А я даже знаю одного мужчину, у которого есть подходящий транспорт.

— Я ему звонить не буду.

— Зря. Клин клином — лучшее лекарство в таких ситуациях, как твоя.

Я оглядела вокруг комнату, уже накидывая в голове список вещей, которые я заберу, уходя из этой квартиры. Сердце сжалось от отчаянья, и слезы опять навернулись на глаза.

— Ланочка, спасибо тебе большое. Меня никто не поддержал так, как ты. И Барсуковы тоже, конечно, в этой же лодке.

— И что. На то подруги и нужны — поддержать в трудную минуту. Вспомни, как ты летела подтирать мне сопли после того, как Максим собрал вещи и ушёл. Давай, не медли. Как хорошо, что я начала ремонт в квартире заранее. Как чувствовала, что будет нужно.

Я вспомнила свои поездки к Ланке, когда я на восьмом месяце беременности каталась на такси к подруге. Тайком. Потому как моему новоиспечённому мужу не слишком нравились ни мои подруги, ни моя сестра, ни мои родители. Их присутствие в моей жизни медленно и верно сокращалось.

— Угу. Где коробки взять в таком количестве?

— Нагрять в продуктовый магазин. Они накидают тебе картонных коробок.

— Точно, Лана. Я помчала, — я сбрасываю звонок и одеваю на ходу свою зимнюю куртку.

В очередной раз упросив свою соседку посидеть с дочкой, вышагиваю по заснеженному городу в направлении продуктового магазинчика, где я в очень хороших отношениях с продавщицей. Представляю её лицо, когда я попрошу картонные коробки. Но... В моей жизни теперь много интересных, неожиданных событий стараниями моего любимого мужа. Не любимого. Я его ненавижу. И вся моя переломанная жизнь — его рук дело. Самое главное, что Андрей и не собирается останавливаться на достигнутом, и из нашего разговора я понимаю, что дальнейшие планы мирового судьи методично испытывать меня на прочность. Я, конечно, в большой растерянности, но без боя тоже не сдамся. Его высказывания по поводу Маши раззадорили меня. Я тоже приложу максимум своих усилий в судебных вопросах по проживанию несовершеннолетнего ребенка со мной. Только условия, как не крути, у Андрея лучше. И в финансовом плане, и в плане жилья. Что я покажу инспекторам? Где проживает моя дочь? В квартире у подруги? Хорошо, что работа есть и это будет хорошим жирным плюсом в этом вопросе. Я не заметила в своих мыслях, как дошла до любимого мною магазинчика. Потоптавшись у двери, переступаю порог магазина. Колокольчик зазвенел, и Тамара расплывается в улыбке.

— Олеся, здравствуй.

— Здравствуйте, Тамара Вячеславовна. Я к вам с просьбой.

— Слушаю.

— Мне нужны картонные коробки и как можно больше. У вас есть?

Продавщица с интересом уставляется на меня.

— Мы переезжаем, — комментирую свою просьбу.

— А... Мы их сдаем. Но для тебя найдется, — Тамара выскакивает в подсобку и выносит большую стопку. — Сложишь их назад. Квартиру продали?

— Нет. Развожусь с мужем.

— Да что вы? Такая пара красивая.

— Только этим и можно похвастаться, — я деловито подхватываю коробки, — мой муж нашёл мне замену.

Улыбаюсь расплывшемуся на лице Тамары Вячеславовны удивлению.

— Вот подлец! — Тамара качает головой. — Таковую женщину упустил.

Лестно слышать, конечно. Но моя самооценка болтается далеко внизу, если учесть, что соперница старше меня на десяток лет.

— Я тоже поначалу так думала. А теперь... Лучше сейчас, чем пройдет ещё пять-десять лет, и мы всё равно бы разбежались.

— Удачи, Олеся!

— Спасибо, она мне пригодится, — я горько улыбаюсь и машу на прощание этой милой женщине, которую уже, наверное, никогда не увижу.

Машкины вещи поместились в трёх коробках. Мои я никак не могу уместить в пяти. А

ещё коляска, детская кроватка, кухонный стол и комод. Красивый белый кухонный стол и кремовый комод я не оставлю Андрею ни при каких условиях. Это было что-то личное. С них пошли шаги моей души в сторону Ивана. Мы перекидывались сообщениями, так и ни разу не обмолвив и слова о проведенной ночи. Я иногда думаю, была ли она? Или это красивый сон?

Я тут же оборвала себя. Нужно думать о предстоящем переезде и судебном процессе, а не о новом мужчине в моей жизни.

— Олеся, что случилось? — Тихо спрашивает моя соседка. И я, обернувшись, вижу свою соседку с Машей на руках.

— Как видите. Я съезжаю. С Андреем разводимся, — я подхватываю спящую дочку.

— Жаль. Ребёночек у вас, — шепчет с сожалением Вера Владимировна.

— Моё мнение особо не спрашивали. Мой муж решил сделать рокировку.

Мои слова не удивили мою соседку. По крайней мере, я не вижу изумления, которое я прочитала на лице Тамары Вячеславовны.

— Когда вы с Машей в больнице осенью лежали, я в дверной глазок видела несколько раз Андрея, приводившего женщину к вам домой. Огненно-рыжая.

Я оторопела. Марина была здесь и не раз в моё отсутствие в нашей квартире.

— Почему вы мне не сказали? — Я положила Машу на диван в гостиной и присела рядом.

— Такие новости — это большой разлад в семье. А я не хочу брать этот грех на себя. Всё тайное рано или поздно становится явным.

Я вспомнила о белой кофте под моей кроватью. Я аккуратно сложила его к своим вещам, чтобы отдать Ланке. Но у него оказалась другая хозяйка...

— Каков подлец... на моей кровати. В нашей квартире! — Я обхватываю голову руками.

Такое чувство, что его просто взяли и заменили, заряженным по противоположным полюсам.

— Олеся. Прости, — Вера Владимировна присаживается рядом на диван и обнимает меня.

— Вы то тут причем.

Как я могла не видеть раньше! Бесконечные задержки на работе, неоправданная грубость, дорогие, ускользающие в неизвестном направлении подарки, ночной бред, женские кофты под кроватью. Мне судьба давно подкидывала факты и говорила: «Присмотришь Олеся!» Кричала об этом. А я так и жила розовыми иллюзиями.

— Это любовь, — слышу от Веры Владимировны.

— Это глупость.

— Помочь? — Вера Владимировна кивает в сторону моих собранных чемоданов и коробок.

— Вы уже помогли. Я всё собрала.

— Ты куда теперь?

— К подруге. Когда любимые мужья вышвыривают на улицу, обычно объятия раскрывают верные друзья.

К моему счастью, мой верный друг одинок. И спрашивать разрешения: «Можно ли пожить у нас моей лучшей подруге?» не у кого.

Вера Владимировна, молча покрутившись, выходит, оставив меня в горьких раздумьях.

Злость, клокочущая внутри, распирала меня. Я достала кофту из чемодана и, поставив

ногу на рукав, начала рвать её со всей злостью, что собралась за всё это время. Я вспомнила свою белую посуду. Забрать я её не смогу, и оставлять следующей хозяйке я не собираюсь. Я открыла посудный шкаф. И перевернула полку с посудой. Тарелки с кружками с грохотом разлетелись по всей кухне.

И на моем матрасе я кувыряться не позволю. Купят новый.

Я взяла в руки нож и принялась кромсать подушки и матрас в спальне. Маша громко разрыдалась и зашла в спальню. Я бросила свое дело, довольно улыбнулась и, подхватив Машу на руки, принимаюсь успокаивать дочку.

— Маша, не плачь. Все хорошо. Мама просто играетя. Мы сегодня с тобой вместе будем спать на диване. Согласна?

Маша поднимает зарёванные глаза и успокаивается.

— А завтра мы переезжаем жить к тёте Лане.

Рабочий день прошел в желании побыстрее оказаться дома и перевернуть страницу. Когда пришло понимание, что я уже здесь, чужой человек, покидать жильё, где я прожила последние три года, легче.

Грузовик уже уехал по направлению к Ланкиной квартиры, загруженный теми вещами, которые я решила забрать. Немного. Часть вещей загружено в машину к Лане. Теперь осталось всё это поднять на пятый этаж. Ездить мне на работу автобусами чуть дальше, но что теперь поделаешь. Я всё равно у Ланы ненадолго. Только встану на ноги.

Удивленно взметнувшиеся брови Ланы при виде спальни и кухни я оставила без комментария. А спрашивать в слух Лана побоялась. Я положила куски разорванной в клочья кофты кремового цвета в прихожей, на самом видном месте, сразу у порога, и с глубоким вздохом замкнула входную дверь.

Что ж, если судьбе угодно в новую жизнь. Значит, в новую жизнь.

Ключи решила оставить у соседки, и я позвонила в дверь к Вере Владимировне. — Олеся, здравствуй.

— Я попрощаться, — глаза чуть увлажнились, но я тут же беру себя в руки.

— Будь счастлива. Ты такая умница, — Вера Владимировна обнимает на прощание, — и у тебя всё будет хорошо.

— Я знаю.

Я точно это знаю. Но пока до «всё будет хорошо» очень далеко.

Я протянула ключи Вере Владимировне.

— Отдайте, пожалуйста, предателю. — Я не нашла Андрею другого определения. Даже имя его мне претит.

Вера машет головой в ответ, и я пробегаю лестничный пролёт быстро и уже, наверное, в последний раз.

— Поехали! — Командую взбудораженной Ланке.

Мне почему-то сейчас, в эту минуту, всё равно. Вчерашняя терапия в виде разгрома квартиры пошла мне на пользу.

— Встать, суд идет!

Моя любимая фраза в залах суда, приводящая меня в боевую готовность. Сегодня заключительная серия в деле Станкевич. Злой взгляд Эрика Абдуляна и встревоженный его молоденького адвоката. Понимают, что проигрывают по всем фронтам. Зато Станкевич поднялся и стоит «петухом». Я помню его первоначальный удрученный вид и затравленный взгляд. Вот что значит умный и толковый юрист. Это я о себе...

Судья оглашает приговор, и я на громкий возглас Абдулян: «Мы подадим апелляцию!», улыбаюсь. Что ж, продолжение возможно, но я готова и к этому.

— Олеся Петровна, спасибо, — благодарит Станкевич.

Я удовлетворенно киваю в ответ. Я так и планировала расквитаться с его делом до наступления Нового года. И новогодние праздники провести в подготовке к более серьезному судебному процессу. Андрей, как и обещал, подал иск о совместном проживании дочери с ним. Лана не поверила этому и только разинула рот на исковое заявление, которое я ей дала почитать для интереса.

— Каков подлец.

Я слышу это в который уже раз, и самое интересное — на разные ситуации, которые преподнес мне Андрей.

Я делаю большой глоток чая, только что мною заваренного для нас с Ланой.

— Мне он не понравился с самого начала, — продолжает Лана.

— Он при всех своих плюсах, не понравился практически всем. Особенно Ольке, — усмехаюсь в ответ.

— Мы, наверное, чувствовали подвох.

Чёрные стороны моего бывшего мужа показались во всей красе. Мне с Ланой спокойно и легко. И на душе в первую очередь. Может быть, я уже просто отстрадалась.

— Где будем ставить елку? — Перевожу разговор на другую тему.

— Давай в вашей комнате. Маша будет в восторге.

Да. Маша в восторге от своей крёстной, которая всеми силами старается занять ребенка различными играми и подарками. Только Машин отец никак не обозначился в её жизни. Я не запрещаю видеться с ребенком. И ситуация, когда исковое заявление об проживании Марии с отцом только для того, чтобы ударить меня побольнее, удручает ещё больше.

Маша повзрослела. Практически разом. Смена окружения сильно повлияла на неё.

Я уже присматривала на новогоднем базарчике зимнюю красавицу. К ней нужны будут и игрушки, и гирлянды. Всё осталось там. В прошлой жизни. Я заставляю себя не вспоминать о ней. И с каждым днем у меня получается всё лучше.

Утреннее чаепитие в компании Ланы. Я уже и забыла, что это такое — чья-то компания. Я и Маша, как одинокий дуэт. Привычная картина моей жизни в последнее время.

— У тебя такой вкусный чай получается, — Лана делает глоток из белоснежной кружки. — И если хочешь, чтобы я вас с Машей довезла, поторопись.

— Не надо. Тебе в другую сторону.

— И что. Я могу крестницу до детского сада довезти.

— Ок, — соглашаюсь я и несусь собирать дочку в детский сад. Любимый серый костюм и бежевая блузка, тушь на ресницах и мягкий тон губной помады.

— Ты такая красивая, чёрт возьми, — бросает Лана на выходе из квартиры.

Я только усмехаюсь.

Спасибо её комплиментам для поднятия моей самооценки.

Я зашла в кабинет с видом победителя. Судебный спор в деле Станкевич решился в его сторону, и все мои коллеги в курсе. Я тайно надеюсь на премию за проделанную работу, и она мне очень нужна. Я присмотрела подарки к Новому году для дорогих мне людей. Лана — любительница духов, Ольга — креативных книг, а Барсуков — элитного алкоголя. Раньше я, не задумываясь, могла позволить то, что считала нужным. Но не теперь. Горько вздохнула. Денег в обрез. А без подарков не обойтись.

— Олеся, зайди к Ирине Владимировне, — Инна Александровна заглянула к нам и громко позвала меня.

Я поднимаюсь и в приподнятом настроении готовлю в голове речь о проделанной работе. Хоть здесь дела у меня идут отлично. Тихонько стучу в белую дверь и осторожно захожу после громкого ответа моего начальника: «Проходите!»

Ирину, как ни странно, я застала стоящую у окна, задумчиво разглядывающую однотонный пейзаж за окном.

— Проходи, Олеся, — не поворачиваясь, сказала Ирина Владимировна.

На душе от предчувствия нехороший холодок.

— Мы с тобой расстанемся. Мне, конечно, это решение далось трудно..., - Слуцкая на время замолкает. — Я прошу тебя написать заявление по собственному желанию.

Я сглотнула стоявший в горле ком. Моя призрачная надежда на становление моего будущего таяла в прозрачной дымке.

— Что я сделала? — Спрашиваю осипшим голосом. — Вы же знаете мою ситуацию?

Слуцкая присела на свой бежевый трон и, пряча глаза, выдавила всего три слова: «У меня повязаны руки».

— Хорошо. Я вас услышала, — холодно отвечаю так и не нашедшей сил взглянуть мне в глаза Ирине, — До свидания.

Я закрываю дверь и на ватных ногах прохожу назад на рабочее место. Набрав заявление на увольнение в ноутбуке, распечатываю и, подписав, бросаю на рабочем столе. Покидав в пакет свои личные вещи, без единого слова покидаю «Urvisa» под пристальными взглядами девчонок.

— Что случилось? — Юлия догоняет меня у входа.

Мне хотелось бросить грубость ей в лицо, но её участливый взгляд меня остановил.

— Меня уволили.

— Почему? Слуцкая надыхаться на тебя не могла. Всем в пример ставила.

— Сказала, что у неё повязаны руки, — устало ответила Юльке.

— Вот блин. Как всё неправильно. И что ты будешь делать?

— Искать новую.

Странно, но утешать меня побежала мадам, с которой я больше всего конфликтовала. Я уже не удивляюсь событиям, которые преподносит мне судьба.

— Ты знаешь, я не буду обещать. Но я подумаю, чем тебе помочь. Так что бери от меня телефон.

— Хорошо. Удачи.

— Ты же развелась с Андреем?

Я утвердительно киваю головой. Скрывать не к чему.

— Он отказался большим эгоистом и подлецом. Так что считай, что три года назад тебе повезло больше, чем мне, — я бросила ей напоследок.

Пусть посмакуют детали моей жизни.

Я оставляю обескураженную Юльку там, где она решила меня поддержать. Такого конца моей карьеры в «Urvisa» я не ожидала. Я знаю, что сегодняшнее представление — это дел рук моего бывшего мужа. Он нашел, где надавить, чтобы принципиальная Слуцкая не нашла другого выхода, как избавиться от меня.

Хочется плакать, даже выть от отчаянья... Но я просто сижу на лавочке в зимнем парке, и снег, кружась, ложится мне на плечи.

Лана возмущается уже второй час новой порцией новостей, которыми я приправила наш совместный вечер. Я поделилась своим «радостным» событием, как только Лана переступила порог квартиры, которую мне она так любезно предоставила как временный кров. Я рассчитывала пересидеть у неё пару месяцев и удручена тому, что процесс затянется. Лана вряд ли меня выставит на улицу, но мне тоже не хочется пользоваться её любезностью. Я полностью обескуражена, и на какие-либо действия нет моральных сил. А уже надо во всю шерстить объявления об имеющихся вакансиях.

— Слуцкая тоже хороша. Не смогла твердость характера здесь показать.

Мы на кухне, но у обе так и не притронулись к ужину. Маша молча ковыряется в уже остывшей горке картофельного пюре.

— Значит, есть вопрос, в котором она оказалась зависима.

Я печально вздыхаю, не переводя взгляд с падающего снега за окном.

— Ты посмотри, каков! Обложил со всех сторон.

— Самое интересное в этом вопросе, что Маша, по сути, не нужна ему. Ну, кто будет её воспитывать и ухаживать за ней. Маленький ребенок. А Андрей любит только, чтобы ухаживали только за ним. И только так, как ему нравится.

— Бабушке, наверное, сплавит.

— Это не тот случай, — я усмехнулась, — Маргарита Андреевна при всей своей любви к младшему сыну любит себя больше.

— Тогда кому он её собирает сплавить в случае, если выиграет он суд? Своей новой крале? Такая абсурдная ситуация. Вопрос ведь не в деньгах? Вряд ли его напряжет сумма алиментов.

— Краля? О чём ты говоришь. Там такая же самовлюбленная сучка. Ты бы лицо её видела. Вся на уколах. Молодится. У неё взрослый сын. Зачем ей маленький чужой ребенок? А вот трехкомнатная квартира в хорошем районе и в хорошем доме нужна.

— Ты думаешь, она туда переедет?

— Он сам сказал, что переезжает в квартиру, и не один. Предполагаю, что имел в виду её.

— Но суд же, тем более маленького ребенка на стороне мамы?

— Суд на стороне прав ребенка и лучших условий для жизни. А у него и жилье, где будет жить ребенок, и хорошо оплачиваемая работа. Это самый главный аргумент. У меня теперь по факту нет жилья и нет работы. Он прекрасно знал об этом, поэтому выстроил всё так, чтобы к судебному процессу был в более выигрышной ситуации.

— Я просто не могу поверить происходящему. Изменил. Выставил из квартиры. И еще теперь ребенка решил отнять.

— К началу первого судебного разбирательства нужно найти работу. Рассматриваю даже вакансии продавца. Жесть какая-то. На хождение по собеседованиям нет времени.

— Позвони Ивану. Ты же работала у него. Думаю, он поможет.

У меня промелькнула эта мысль, но гордость не позволит мне это сделать. И лишь помахала в ответ головой.

— Я быстрее позвоню Барсукову и его попрошу помочь.

— Так в чём же дело? Уже должна была позвонить.

— Не хочу Ольгу расстраивать. Третий месяц беременности.

— Всё равно узнает. И она у тебя крепкий орешек.

Лана подвигает телефон ближе ко мне.

— Звони, — тихо и настойчиво произнесла Лана.

Через длинные гудки звонкое: «Алло» от Барсукова.

— Дима, привет. Нужна твоя помощь.

— Ты по Станкевичу хочешь проконсультироваться? — Нараспев, шаловливо спрашивает Дима. Буду брать процент.

— У меня всё плохо. По Станкевичу я выиграла суд. С другой стороны, будет скорее апелляция, но уже дальше с ним будут работать без меня. Слуцкая сегодня меня уволила.

— Это что, шутка? — После продолжительной паузы спрашивает Барсуков.

— Ты знаешь, что я сейчас не в том положении, чтобы шутить.

— Хорошая благодарность.

— Здесь приложил руку Герман. Может быть, даже всё семейство и их связи.

— Я подумаю, чем тебе помочь, — серьёзный тон Барсукова нравится мне больше. — Но это не так быстро.

— Я знаю. Но, Дима, работа нужна срочно. Первое судебное заседание на проживание ребёнка с отцом сразу после новогодних праздников.

— Постараюсь.

— Как, Ольга?

— Ест и спит. Всё как положено. За двоих.

— Я за вас рада. Не говори ей ничего, я не хочу, чтобы она волновалась.

— Не дрейфь, Олеська. Прорвемся.

— Хотелось бы. Обложил со всех сторон, — я не выдерживаю и всхлипываю прям в трубку.

— Савина, ты что, плачешь? Ты и плачешь?

— Я давно изменилась, и не в самую лучшую сторону, — и плачу, и смеюсь одновременно.

— Будь наготове. Может быть, придется прилететь сию минуту.

— Уж поверь. Теперь свободного времени у меня через край. Приеду, как ты и сказал, сию минуту.

Этот Новый год оказался совсем другим. Душевным, и по всем правилам жанра, в котором я оказалась главней героиней, должен был быть одиноким. Но ловлю на себя на мысли, что с ним я чувствовала себя более одинокой, чем сейчас с подругой под красивой небольшой елью, которую мы нарядили втроём.

Я загадала желание под бой курантов. Простое, но с тайным смыслом: «Пусть все изменения моей жизни продолжатся и приведут меня туда, где я должна оказаться».

Я успела сжечь записку с желанием и выпить до дна бокал волшебного шампанского с

Ланой.

— Вас порекомендовал хороший специалист, но в нашей области вы не работали?

Я сижу на вытяжку в кабинете, надеюсь всеми фибрами своей души у нового начальника. Тихонько рассматриваю картинку своего сегодняшнего утра. Седовласый мужчина в идеально отглаженном костюме, частенько поглядывающим на свои дорогие часы.

Я сплываю свой страх, чтобы звучать увереннее. Я крутилась в своем сером костюме у зеркала часа два перед назначенным собеседованием в Центр оформления недвижимостью. Хотелось выглядеть строго и солидно. Вся печаль была в том, что я в своей практике мало сталкивалась с вопросами сделок с имуществом и земельными участками. А здесь это основные моменты в работе организации. В принципе, этим и занимается желаемый мною Центр. Если я принята на работу, моя заработная плата будет выше, чем в «Urvisa»

— Я учусь моментально.

— Почему уволились с предыдущей работы. Где вы там работали? — Седовласый мужчина листает мою трудовую книжку и останавливается на единственной записи. — «Urvisa». Правильно?

— Ищу работу с более высокой оплатой, — нюансы моего увольнения не нужны на новом рабочем месте.

— Что ж, Олеся Петровна, я беру вас с испытательным сроком. Справитесь, будете нашим сотрудником. Нет, не обижайтесь. Я прощаюсь с сотрудниками быстро.

— Спасибо. Я очень старательный человек.

— Всё в ваших руках, — Юрий Владимирович откидывается на спинку своего кресла и с любопытством рассматривает меня. — Подойдите к секретарю. Она вас отведет куда нужно.

Я внутренне выдыхаю. К следующему заседанию я принесу справку с новой работы, и, может быть, настроение судьбы поменяется в мою сторону. Андрей представил меня беспечной, ищущей содержания мадам. Пока я собиралась с мыслями, как восстановить свою разрушенную жизнь, упустила важные моменты в идущем судебном процессе. И идея сделать с Ланой договор об аренде жилья тоже была запоздалой.

Я не чувствую к этому высокомерному идиоту абсолютно ничего, кроме жгучей ненависти.

А самое главное — бесконечные отказы увидеться с Ваней привели к ожидаемому результату. Мелихов перестал мне звонить и писать.

Не знаю. Может быть, к лучшему.

Как можно поверить мужчине? После того, как со мной обошлись?

В юридическом отделе нашей организации пять специалистов, и по их перебрасыванию между собой репликами я понимаю, что мне до них ещё расти. Благодаря любимому хорошему специалисту я вторую неделю работаю в Центре оформления недвижимости в юридическом отделе. Молчаливо разглядываю коллег и составляю первое впечатление о них.

Работы просто несметное количество, и начальник Центра, к моему счастью, решил расширить свой юридический отдел. Мне поставили рабочий стол, притулив меня вплотную к двери. Но моему счастью нет предела. Я в своей, пусть и чуть незнакомой стезе, и не

плакаю товарами, стоя у кассы в магазине.

— Олеся, что у тебя с пакетом документов по Воронцову? — Вырывает из моих раздумий мой начальник отдела, строгая мадам среднего возраста азиатской внешности, любительница придраться даже к мелочам и сделать из этого большой разгон. На все замечания и разгоны я старательно молчу и во всё вникаю. И так же, как на начальном этапе работы в «Urvisa» работаю вечерами до позднего времени.

Я молча поднимаюсь и приношу всё, что нужно на начальном этапе Воронцову Петру Михайловичу, чтобы начать строительные работы на участке, где Пётр Михайлович собрался строить гостиницу. Для начала договор о кадастровых работах, которые выполнит наша организация.

— Отлично. Завтра это нужно отвезти по адресу его офиса. Лучше лично передать.

— У меня вопрос личного характера к вам. Можно?

— Слушаю, — разглядывая меня, отвечает Мирра Аркадьевна.

— У меня завтра слушается дело по бракоразводному делу. Вы отпустите меня на два часа?

— Что не ужилась с мужем?

— Не ужилась.

— Вроде покладистая.

— Он любит женщин с другим характером.

— Хорошо. Сделай-ка мне кофею, Олеся. Только сначала у тебя Воронцов, а потом дела личного характера.

— Непременно, — отстукиваю каблуками до столика с чайником и красивыми белыми кружками.

Кофе и покрепче. Всё, как любит моя начальница. И горький шоколад на белой десертной тарелочке. Или мармеладные конфеты. От приторного сладкого уже слипается во рту.

Настроение у меня тревожное. В вопросе нового рабочего места потихоньку всё наладилось. Хотя первое время у меня была просто паника. Но вот завтра... От мысли о предстоящем завтрашнем процессе «ёкает» сердце. Справка с работы уже лежит в моей папке, как и договор аренды между Герман Олесей Петровной и Уваровой Светланой Викторовной. И долго поразмышляв, я набрала и положила в папку ходатайство об отзыве искового заявления на алиментное содержание своего ребенка. Пусть задавятся своими деньгами. Главное, чтобы Маша была со мной. Как-нибудь проживём без «великих» денег её отца.

Рабочий день окончен, и документы по гостинице Воронцова аккуратной стопочке у меня в папке. Завтра у меня по плану встреча с Воронцовым, назначенная с утра, и встреча в суде с Андреем и его непомерным эгоистическим эгом. В кабинете остались только я и моя начальница.

— Мирра Аркадьевна, не забудьте. Меня с утра не будет, — выключая компьютер, напоминаю своему строгому начальнику.

— Хорошо. Герман. Это твои родственники? Сплошь юристы и судьи, — задумчиво спросила Мирра.

— Бывшие.

— Отвратительная семейка. Честно думала, и ты из этого же теста.

— К счастью для меня всё закончилось, — я улыбнулась и, накинув свою куртку,

выхожу из нашего кабинета на шестом этаже.

Лифт спускает меня на первый этаж, и я, выйдя из шумного здания, где находится наш офис, вдыхаю морозный воздух.

— Добрый день, — я здороваюсь с молоденькой секретаршей, — мне назначено к вашему начальнику.

— Фамилия?

— Герман Олеся Петровна. Центр оформления недвижимости.

— Проходите, Пётр Михайлович ждет вас.

Я прохожу в стильный современный кабинет Воронцова. От блеска и большого количества глянцевого серого рябит в глазах.

— Вы из Центра?

— Да. Герман Олеся Петровна, — я тут же представилась. — Здравствуйте, Пётр Михайлович.

— Здравствуйте, — Воронцов окидывает меня взглядом, — Присаживайтесь. Ваш начальник вчера по телефону сказала, что вы привезете все документы.

Я кладу на стол договор и смету и присаживаюсь на стул.

— И когда приступаем? — Листая договор, уточняет Воронцов.

— Кадастровый инженер примется за работу первого апреля.

— А раньше?

— А раньше не позволят погодные условия. Здание будет большим, поэтому лучше подождать.

— Хорошо. Вам виднее. Вы специалисты и знаете лучше. Мне хочется начать со строительством пораньше. Не буду вас задерживать.

Первое задание выполнено. Я сажусь на автобус маршрутом до городского суда.

Я стараюсь не смотреть на него, уткнувшись в документы, которые я практически не вижу, потому как буквы просто плывут перед глазами. Вырядился, как красивый чёрт. Надменный. Холодный. В своём любимом длинном чёрном пальто.

Охранник проверяет нас при входе и пропускает в зал суда. Я стараюсь присесть подальше от человека, разбившего мою жизнь и монотонно продолжающего это делать. Фраза «Встать, суд идёт!» не будоражит меня, а ускоряет ход встревоженного сердца.

— Олеся, успокойся. У нас много чего приготовлено к этому процессу, — успокаиваю себя.

Но когда решается твоя судьба, сложно объяснить это взволнованной голове и разметавшимся чувствам. Вот здесь они точно лишние.

— Ваша честь, ходатайствую о включении справки о наличии работы и размере заработной платы, договор аренды жилья и заявление об отказе на алиментное содержание Герман Марии Андреевны. — Я начала с главного, как мне предоставили слово.

Внутренне улыбаюсь удивлённому взгляду Андрея. Неужели он думает, что я сложу лапки и буду смотреть, как меня и дальше будут пинать и размазывать? Привычная картинка — домохозяйка у плиты, покорная и участливо молчаливая, закончилась, и я начинаю проверять, как звучит мой голос. Я уже и забыла его интонацию и силу.

Судья, обведя взглядом мой строгий вид, принимает полученные мною документы и выносит вердикт: «В связи предоставленными документами заседание суда переносится».

Я потратила больше времени на свои разборки с мужем, чем выпросила его у Мирры

Аркадьевны. Как она отреагирует на это, ещё пока не знаю. Такси мчит меня до работы, и я в голове прокручиваю, где можно прикупить по дороге швейцарский шоколад, как любит моя начальница, горький, с миндалем и клюквой.

— Доброе утро! — Я весело здороваюсь со своими коллегами.

— Уже добрый день, — отвечает мне Мирра Аркадьевна, мельком бросив взгляд на меня.

Замечание от своей начальницы я ожидала. Спасибо, что вскользь.

— Я шоколад прикупила к чаю, — выкладываю любимый Миррой Аркадьевной швейцарский шоколад, за которым пришлось сделать небольшой круг.

— О, как раз вовремя! — Тон у Мирры Аркадьевны чуть повеселее. — Включай чайничек.

Стеклянный чайник загорелся красивой фиолетовой подсветкой. Яркий оттенок в нашем строгом сером кабинете.

— Ты отнесла документы Воронцову? — Валеева смотрит на меня своим пронзительным немигающим взглядом.

— Конечно.

— Что он сказал?

— Спросил, когда кадастровый инженер начнет свои работы.

— И?

— Сказала, как прописано в договоре. С первого апреля.

— Хорошо. Дальше проект по Воронцову будешь вести ты. Проект сложный, но ты вникай, Олеся. У всех работы выше край. Отдать другому не могу.

В горле пересохло от волнения.

— Если где-то чувствуешь пробел, подходишь ко мне. Всё понятно? — Продолжила Мирра Аркадьевна.

— Угу.

Вести сделку по объекту Воронцова?! Сложно, волнительно, но очень интересно. Я сглотнула своё волнение.

Я умная и меня всё получится.

Просто на установках не выедешь, и я окинула взглядом уткнувшихся в свои ноутбуки коллег. К кому можно будет подъехать с вопросами?

Инна — белокурая нимфа. Вот уж когда говорят, что внешность обманчива. У Инны лицо с обложки журнала и хватка битого волка. Под пухлыми губками стройный ряд клыков. Не замужем. Хороший вариант для корпоративной дружбы. Инна, правда, острячка ещё та. Ни в чём ни уступает своей начальнице.

Мой взгляд поплыл дальше.

Коротко стриженная Вика. Характер и нрав чуть мягче. Внешностью напоминает мне Лану, только волосы у моей подруги длиннее. Красивая и ухоженная, в шикарных шмотках из бутиков, окутанная тонким дорогим ароматом. Все средства тратятся исключительно на себя. Вика приезжает и уезжает с работы на красивой машине. Пьёт исключительно дорогой арабский кофе и сморит на всех свысока. По крайней мере, на меня.

Я вздохнула. Это я здесь белая ворона. Без жилья и практически без какого-либо имущества, не считая вещей, белоснежного кухонного стола и комода, которые я забрала из своей квартиры...

Я, поглядывая на них, завидую и тоже мечтаю. Нет, даже знаю, что когда-нибудь мы с

Машей поедим в детский сад на красивой машине, а не будем толкаться в общественном транспорте. Сегодня меня ожидает тот же сценарий, что и вчера. Автобус, детский сад и опять автобус уже другого маршрута. И измученные лица вокруг. Утром мне помогает мой неизменный верный друг, и мой маршрут на работу, благодаря Лане, чуть короче. Но так бывает не всегда.

Мы вышли из автобуса с Марией и топаем по дороге к большому многоквартирному дому. Яркие фонари уже всюду подсвечивают нашу дорожку к красивому монолиту с несколькими детскими площадками, разбитым небольшим парком и собственной стоянкой. Квартира у Ланы — вверх ожиданий. Я могу пока только мечтать о таких апартаментах. И бог знает, сколько времени пройдет, прежде чем я поверну в замочной скважине ключ от входной двери своего жилья. Откуда меня никто не выгонит или, по крайней мере, не создаст условия, чтобы я собрала свои вещи и удалилась сама за два дня.

Маша старается схватить снег руками, одетыми в уже мокрые варежки.

— Машунь, заболеешь. Нельзя, — одергиваю дочку от очередной попытки загрести снег.

Машка только весело смеётся на мои предостережения, и я улыбаюсь в ответ на её веселье. До подъезда теплой квартиры несколько шагов.

— Олеся! — Позвал меня знакомый баритон.

Я вздрогнула и повернулась на окрик. Борис Григорьевич мялся на тротуарной дорожке, переминаясь с ноги на ногу в своих легких ботинках.

— Мне нужно с тобой поговорить, — догоняя меня, Борис Григорьевич хватает за руку.

— Мне от вас ничего не надо. Просто оставьте меня в покое, — я резко одёрнула руку.

— Я был не в курсе ваших дел с Андреем. Мне обо всем поведал судья, которая ведет ваше дело.

— Машка никому не нужна. Зачем вы всё это делаете? — Не дождавшись ответа, продолжаю, — Маргарита Андреевна своих детей вырастила на расстоянии вытянутой руки. Вот и вся правда. Андрею не жена нужна, а мать. Недолюбленный, недоласканный своей матерью. Жадно ищущий намёка на материнскую любовь. Это я только сейчас поняла. Так и с Машей будет. Кто будет ей сказки на ночь читать или гулять? Водить в детский сад? Няня? Чужая женщина. Вы разрушили мою жизнь и, самое главное, веру в себя. И разрушить жизнь моего ребёнка я вам не позволю

Борис Григорьевич стоял молча, и в его глазах я читаю грустное молчаливое согласие.

— Ну что вы молчите?

— Права ты, Олеся. Я поговорил с Андреем. Проживание ребенка с матерью и в дальнейшем даже не обсуждается. Алименты на содержание дочери Андрей поддержит. На работе тебя восстановят. Подойди к Ирине.

— Мне от вас ничего не нужно, — как робот повторяю одни и те же слова, — я забрала иск об алиментах на содержание Машки. А в «Urvisa» я не вернусь. Если меня посчитали не достойной работы в фирме, пусть Ирина Владимировна работает с другим контингентом. Вроде Юлии Валерьевны. Я нашла работу в другом месте и с более высокой зарплатой. Спасибо.

Борис Григорьевич так и стоял обескураженный, и таким я его видела впервые.

— Если Андрей когда-нибудь поймет, что совершил самую главную ошибку в своей жизни, ты простишь его? — Свёкор внимательно вглядывается в моё лицо.

— Не поймет. Вы вырастили его с твердой уверенностью в правоте каждого своего

действия. И если бы сразу Андрей понял, что совершил ошибку, попросил прощения. Ради нашей семьи, я бы спрятала свою обиду и гордость далеко в глубине души, но... Я вытащу себя из болота, в котором оказалась. До свидания, Борис Григорьевич. И спасибо за помощь.

— Ты дашь видится с Машей?

Я усмехнулась.

— Я никогда и не запрещала. В этом вся соль. Вам она никогда не была нужна. Я сделала акцент на слове: «Вам».

Поднимаясь в лифте с Марией, я мысленно возвращалась в подробности разговора со свёкром.

Андрей решил внять голосу отца? И забрать иск о совместном проживании Марии?

Это замечательные новости последних месяцев...

— Мы в пятницу собираемся дружным дуэтом с Викой посидеть в баре. Не хочешь присоединиться? — прилетает сообщение от белоснежной нимфы.

Уфф... Интересное предложение. Ничто не сближает с коллективом, как совместные походы с целью употребления горячительных. Но деньги? Я должна Барсуковым и Лане. Я даже не в курсе, в какой бар собираются обеспеченные мадам с крутой внешностью и достаточно крепким кошелёчком.

— С удовольствием!

Летим вниз без парашюта. Но здесь я не собираюсь долго оставаться в роли белой вороны.

— Я, наверное, откажусь.

Пятничный вечер накануне, и я жалею, что собралась в бар в компании пока ещё малознакомых коллег.

— Ещё чего! — тут же возразила Лана.

— Я дура, Лана. У меня одеть нечего и денег толком нет. Мне жить негде, но я собралась в бар. И чем я думала?

— А куда идете?

— В бар с французским названием «Марсель».

— Отличное место. Вот и повеселись от души. Ты когда где-то была в последний раз? Душные вечеринки от Марго не в счёт.

Воспоминания, словно большой снежный ком, нахлынули на меня. Холодные и обжигающие. Особенно последние, когда я в шикарном бежевом платье всё равно пришлась не ко двору наследному принцу. И свою руку Андрей вытащил из моей, как будто его ошпарили кипятком.

— Я так от тебя никогда не съеду, — я делаю грустную гримасу.

— И не надо. Мне не очень хочется жить одной. Иди. Я с Машей посижу.

Спорить с Ланой сложно. Она всегда найдет сто пятьдесят возражений.

— Я пойду, но это будет единственный случай, пока я не стану на ноги.

— Слава Богу, устала тебя упрашивать.

Я покрутилась у зеркала. Хороша. Плохие времена пошли на пользу моей фигуре. Она такая же точёная, как и была до рождения Марии.

— Ты классно выглядишь, — Лана бросила восхищённый взгляд на меня, — мне всегда нравилось это платье.

Чёрное в обтяжку — классика жанра на все времена. Пальто и ботильоны на высоком каблуке. Я брызнула духами в прихожей и, чмокнув подругу в щёчку, провожающую меня с моей маленькой дочкой на руках, вышла к уже ожидающему меня такси.

Клубная музыка раскатывалась по всему огромному залу, в котором отплясывали подпитые тела. Вика бросила мельком на меня свой взгляд. Я старалась соответствовать чинной компании.

— Сначала выпьем. Что будешь? — Вика быстро осведомилась о моих предпочтениях.

Я пожала плечами.

— Я как вы.

— Ок. Тогда заказываем всем «Бруклин».

Пару коктейлей, которые я быстро выпила для смелости, и чтобы не чувствовать себя зажатой в диалоге своих расслабленных коллег, растекались медленно по телу. Мы расположились на мягком диванчике, подальше от танцпола. Мои коллеги на нашем импровизированном девичнике совсем другие, и я с трудом признала бы в них строгих юристов и любительниц дорогих костюмчиков. И эта расслабленная обстановка нравится мне всё больше.

— Ты замужем была? — Инна, потягивая коктейль, вдруг наклоняется к моему уху и задает неудобный для меня вопрос.

— К сожалению, — стараюсь перекрикнуть громкую музыку и делаю большой глоток своего гламурного коктейля нежно персикового цвета.

— Почему разбежались? — блуждающая улыбка на лице Виктории.

Что б ответить, чтобы не соврать и не выставить себя неудачницей?

— Не сошлись характером, — отвечаю с такой же расслабленной улыбкой.

— Жесть. И ты теперь одна воспитываешь ребенка, — Виктория усмехается.

— И что? Всё, что случилось — к лучшему. Я сегодня сижу с вами в модном баре, потягиваю вкусный коктейль и сейчас, наверное, пойду потанцую. А раньше моя прерогатива была одна — кухня.

— Я поэтому туда особо не хочу, чтобы не ломать себя и подстраиваться под чей-то характер, — белокурая нимфа морщит носик и обводит взглядом танцпол, — сегодня ничего интересного и подходящего. Ну, разве что компания сидящих в углу мужчин: симпатичных и подходящих для времяпровождения.

Мы разом поворачиваемся в одну сторону.

— Девочки, можно по очереди. И аккуратнее, — шипит Инна, — вы своими любопытными взглядами будоражите мужчин.

Я тут же отвернулась, встретившись взглядом с одним из них. Взгляд тёмно-карих глаз заставляет меня трепетать. В горле основательно пересохло, и я, глотая свой персиковый коктейль, поперхнулась.

— О, один из них направляется к нам, — со смешком комментирует Инна, откидывая с плеч белокурую прядь, — Олеська, перестань кашлять.

— Не могу, — новый приступ настигает меня снова.

Неожиданная встреча с Иваном выдергивает меня из моего расслабленного тумана, и я опять, как рыба на берегу, глотаю воздух с выпученными глазами.

— Дамы, не желаете к нам присоединиться? — Я поднимаю глаза на знакомый баритон, и Ваня в ответ сверлит меня своими.

— Мы не против, — после непродолжительной паузы отвечает Вика.

— Приглашаем за наш столик, — Ваня так же галантно, как пригласил, развернувшись, возвращается за свой столик.

— Чего сидим? — Вика поднимается в предвкушении, хватаясь за свою маленькую сумочку.

— Ты его знаешь? — Инна уловила напряжение, возникшее между мной и Иваном.

Я мнусь и кое-как выдаю: «Да. Это один из бывших».

Считается несколько совместных поездок и пару обедов в ресторане отношениями?

И да, там была ночь... От которой меня будоражит до сих пор. И воспоминания, которые я гоню ещё дальше, чем воспоминания о своём бывшем муже.

Кто тебя тянул за язык, Олеся?

Бывший.

Какая им разница?

— Значит, пошли знакомится с бывшими!

Я не спеша иду за своими коллегами, как жертвенное животное. Я сегодня ночью дома и ногой не ступлю в квартиру Ивана. Пятая точка чувствовала надвигающееся приключение, и мозг мне трубил всю неделю: «Зачем ты согласилась?» Но я упорно двигалась в этом направлении.

Я плюхаюсь аккуратно перед Ваней на велюровый диванчик.

— Что дамы пьют? — блондин из компании «симпатичных и подходящих для времяпровождения» широко улыбается и обращается ко мне. — Как вас по имени?

— Олеся. Мы с девочками не откажемся от Бруклина.

— Ок. Значит, будет Бруклин.

Вся компания смотрит на меня, и мне хочется влипнуть в мягкий велюр и растворится.

Я потягиваю коктейль и стараюсь не смотреть на Ивана, который периодически бросает на меня взгляды. Компания у Вани такая же интересная, как и сам Ваня. Худощавый блондин сразу же зацепил нашу белокурую нимфу, и они отжигают на танцполе. По нескромным движениям рук Михаила по сногсшибательной фигуре Инны, я думаю, парочка отчалит отсюда вместе. Похоже, все, что искали себе, нашли в этот вечер. Вика сразу же подседа ближе к Роману, высокому раскаченному брюнету, и они перекидывались фразами между собой вполголоса.

— Как у тебя дела, Олеся, — Ваня первый начал разговор, чуть нагнувшись над столиком, чтобы я слышала его через громкие басы музыки.

— Всё отлично. Новая жизнь, новая работа, — отвечаю, вдыхая знакомый мне аромат его одеколona.

— Ты ушла из Urvisa?

— Меня оттуда попросили.

Брови Ивана удивленно поднялись вверх.

— Я не жалею. Я всё равно нашла работу лучше. У тебя как дела? — Комментирую порцию новостей, которые только что нарезала Ивану.

— Тоже отлично. Я в ожидании интересного проекта. Уже подписал договор. Всё в долгосрочной перспективе. Уже набрал дополнительный персонал для увеличенного объема работ.

— Я за тебя рада.

Я и не сомневалась, что Вани получится всё, что он задумал. Это у меня дела стоят, как конь в стойле.

Вика тоже утянула своего кавалера на танцпол, и мы с Ваней в полном одиночестве в уютном интимном уголке бара-ресторана с красивым названием Марсель. Я с далеким чувством с чуть горьким оттенком не сложившейся лав стори. Но тогда всё получилось так некстати. Я была в полном смятении. Что я действительно хочу, обдумывала непростительно долго и сама оттолкнула Ваню от себя. А сейчас, как бы мне не хотелось большего, мы перебрасываемся лишь общими фразами.

— Как Маша?

— Также и ходит в детский сад. Слава богу, привыкла быстро.

— Она такая у тебя милая. Похожа на свою маму.

— Спасибо, — я чуть улыбаюсь прилетевшему комплименту от Мелихова.

Мне хочется бросить ему ёмкую фразу, что я скучаю и безумно жалею, что оборвала тонкую нить между нами и даже прикусила губу. Время и Ваня, судя по его поведению, упущено безвозвратно.

— Ты один или дама сердца есть?

Иван чуть усмехается.

Я чувствую себя любопытной дурочкой и уже жалею о своём вопросе ни к месту.

— Здесь всё хорошо, — Ваня ответил общей фразой и внимательно смотрит на меня.

Я внутренне поникла, я так и думала, что этот красивый поезд проехал мимо меня. А я на своем перроне смотрю вслед удаляющемуся составу. А я раскатала губу на прогулку до квартиры Мелихова.

— Ещё Бруклин? — Ваня кивает на мой опустевший бокал.

Это уже четвертый, но я утвердительно машу головой в ответ. Главное теперь — не перепутать адрес водителю такси и в полупьяном состоянии не нагрянуть к Герман Андрею. Меня сразу обдало кипятком, и хмельной мозг чуть прояснился.

— Прости, я на минуточку, — бросаю Ване и, лавируя между танцующими, направилась в дамскую комнату.

Я стою уже несколько минут, слушаю шум воды из открытого крана.

Нужно взять себя в руки.

— Олеська, всё в порядке? — пропела мне прямо в ухо Инна.

Я вздрогнула от неожиданности.

— Я просто чуть в смятении.

— Пошли на фиг всё, что вводит в смятении. Точнее, кого.

Я улыбнулась. Хорошо, когда тебя не мучают душевные муки.

— Симпатичный твой бывший, даже очень. Как его? Ваня?

— Да. Мелихов Иван.

— Бородка у него такая сексуальная, — с задумчивым видом продолжила Инна, — я бы попробовала её на ощупь, — добавила со смешком.

Я сглотнула. Мне эта идея не очень понравилась.

— Я шучу, — хлопнула меня по плечу Инна. — Никто твоего бывшего трогать не будет. Ну, может, чуть-чуть.

Инна рассмеялась в голос. Мы вернулись назад вместе. Вани на месте уже не было, и я, окинув взглядом танцпол, замечаю его с Викой.

— Пошли потанцуем, — Инна тянет меня на танцпол.

Мне хочется или дальше глушить распинаящую меня тоску, или вышвырнуться отсюда вон, но тянусь за приплясывающей в ритме модного трека Викой на подсвечиваемый неоновыми огнями танцпол. Я стараюсь примоститься подальше от картинки: Вика и моя неудавшаяся возможная любовь.

Я внутренне запнулась.

Нет. Это слишком громко.

Только недавно я любила и страдала о другом человеке.

Нужно выкинуть к чертям всех мужчин моей жизни и на моем небе сразу засияет солнышко.

Всем вон из моей головы!

Я уже смеюсь своему внутреннему пьяному бреду.

Всем вон! Мелиховым, Герману.

С сегодняшнего дня я даю себе зарок: «Никаких мужчин в моей жизни!»

— Как самочувствие? — Обеспокоенная Лана стоит у изголовья.

— Не очень, — я тихонько пробурчала в ответ.

Я вспомнила вчерашний вечер и свою злость на себя, на Герман и на Мелихова. Всё смешалось в каком-то чудачковом коктейле. Добиралась домой поздно вечером на такси, ловя глазами проплывающий городской пейзаж. Весь вечер мы с Иваном перекидывались общими словами, и я лишь помахала ему на прощание. Помню его пылкий взгляд, которым Мелихов окинул меня, но так ничего и не сказал.

А чего я ждала?

— Лана, что со мной? Я не узнаю себя. Я никогда не была таким нерациональным человеком. Кстати, Иван тоже зависал в вчера в «Марселе».

— Вот как.

— Он был со своими друзьями.

— Нужно было мосты наводить с брутальным красавчиком.

— Ты меня пристроить хочешь?

— Нет. У тебя такое выражение лица, когда ты о нём говоришь... Он явно тебе не безразличен.

— Он уже не один.

— Откуда ты знаешь?

— Сам Мелихов сказал.

— Ну что ж, сама виновата.

Я поднялась с кровати и продвигаюсь в ванную комнату.

— Завтракать будешь? — Вслед вопрошает моя «вторая» мама.

От слова завтрак меня стало нехорошо.

— Определённо нет. Может быть, только крепкий чай без сахара.

Лана вздыхает. Я и сама не рада случившемуся, а самой себе давно.

Я плюхаюсь на любимый стул в кухне у окна. За столом идиллия. Маша в своем любимом стульчике, который я забрала с собой, размазывает по лицу манную кашу.

Совесть больно уколола меня. Бурный поток, в котором меня в последнее время закрутило, не самым хорошим образом повлиял на меня. Хотелось вернуть себя. Рациональную, умную, с твердой позицией, но я теперь далека от той Олеси, которой была три года назад.

Лана ставит передо мной чашку горячего чая.

— Лимон?

— Угу.

Лана поставила тарелку с ломтиками тонко нарезанного лимона.

— Лана. Я не знаю, чтобы я без тебя делала.

— Леся, всё хорошо, — Лана обняла меня за плечи, — выберемся.

За окном морозное утро и мелкий падающий снег. На пороге весна и надежда на лучшее будущее.

На телефон пришло сообщение от онлайн банкинга. Сбербанк оповестил меня о том, что некий Герман А.Б. прислал мне денежные средства. С пометкой: «На содержание Марии».

— Опа! Герман расщедрился.

— В смысле?

Я показываю сообщение от банка.

— Ого! Видишь, жизнь налаживается.

— Наверное, Борис Григорьевич насел. Сумма, так сказать, немаленькая.

— Да уже четвертый месяц пошел, как Андрей умыл руки в плане участия в расходах на свою дочь.

— Да, если так дело пойдет, буду искать нам с Машей съёмную квартиру.

— Ещё чего. Живите у меня.

— Лан, — я смотрю на неё и благодарю Бога за то, что в трудную минуту мне есть к кому обратиться. — Мы найдем недалеко от тебя.

— Ну что самочувствие твоё? Лучше?

— Герман подлечил, зараза.

Мы рассмеялись разом. Даже Маша подхватила, заливалась своим детским смехом.

— Леська, не знаю, как ты, но интуиция мне подсказывает, что Мелихов отличный мужчина и ты ему не безразлична.

Я пожала плечами.

— Лана, если раньше я предполагала, то теперь точно знаю, что у Мелихова есть уже спутница. Наверное, помирился со своей бывшей. И влезать в чужие отношения я не буду. На своей шкуре знаю, что такое предательство.

— Это разные ситуации. Просто спутница или семья. Я иногда думаю, правда, что твой Андрюша приволок Марину в вашу квартиру.

— Я не хочу думать об этом. И я дала себе зарок. Что больше в моей жизни мужчин не будет. Моя семья — это только Маша. Буду думать, как мне купить жильё. Я бы взяла ипотечный кредит и начала платить уже за свою квартиру, но на первоначальный взнос нет средств.

— Твой Андрюша не хочет тебе сплатить половину того, что вы внесли как первоначальный взнос при приобретении трёшки.

— Я даже заикаться боюсь. Вдруг новая блажь брызнет. Только Борис Григорьевич его осадил. Так что эксперименты пока оставим. У меня работа и хорошая работа, и я буду делать ставку на неё.

— Тогда смысл искать съёмное жильё. Собирай деньги, и мы что-нибудь присмотрим. Родители смогут чем-нибудь помочь тебе?

Я пожала плечами.

— Вряд ли. Собираются дачу продать. Но что она будет стоить в сельской местности? Сущие копейки.

— Ладно, поживём — увидим.

Телефон брякнул от звонка входящего сообщения, и на уже тухнувшем экране большой смайл от Инны с красочной подписью: «Жива?»

Оправляю в ответ смайл, отражающий моё прекрасное самочувствие.

Надо ещё как-то собрать силы и попробовать поработать с документами Воронцова. Следующий этап — разрешение на строительство и внесение данных в кадастровый учет. И проект Воронцова наша компания будет вести до конца. Крайне выгодный проект.

И почему Мирра отдала его мне? Надеется, что я не вытяну и выпихнет меня из своего отдела?

Хотя какого-либо враждебного отношения я к себе не заметила.

Строга.

Но ровно, как и со всеми.

Я поставила телефон на зарядку, и руки сами тянутся к нему. Я проверяю входящие, втайне надеясь на сообщение от него. Но там только молчание.

Я одернула себя тут же. Я давала себе зарок — никаких мужчин.

И нечего проверять входящие звонки с тайной глупой надеждой.

Начало весны оказалось холодным и дождливым. Плачущие небеса вдруг сменялись мелким мокрым снегом. И Маша, к моему несчастью, решила заболеть. Я верчу в руках градусник, остановившийся на отметке тридцать восемь. Мы и так хорошо стартанули, но, как и все дети в условиях холодной и мокрой весны, с диагнозом ОРВИ сидим на больничном. Мирра Аркадьевна рвёт и мечет. И мы с больной Машей мечемся между работой и детской поликлиникой. Моя стабильная работа опять зашаталась, как ветряная мельница в ураган, лопасти которой крутятся в бессмысленном танце.

Тут Лана помочь мне никак не сможет. У неё такой же плотный график и даже по субботам. Родители слишком далеко. Оля беременна.

Какой-то трешь. Подмывало позвонить бабушке Маши, Маргарите Андреевны, но результат точно будет нулевой. Легче это сделать чужому человеку.

Вера Владимировна!

Сердце аж подскочило от накрывшего нервного возбуждения.

Я набрала номер любимой соседки.

— Олеся? Здравствуй.

— Добрый день, Вера Владимировна.

— Что случилось? Олеся, что делается! Твой живет с другой женщиной. Рыжая, яркая такая и ни с кем не здоровается.

— Да всё равно, с кем он живет, — я отмахнулась от новости, но неприятный осадок остался, — нужна ваша помощь.

— Маша?

— Да. Не хотите месяц поработать няней для Марии.

— Почему бы и нет.

— Только приезжать будет нужно ко мне, — я, правда, ещё не спросила у Ланы разрешение на присутствие чужого человека, — расходы на транспорт мои.

— Хорошо. Диктуй адрес.

Я хожу с одного угла кухни в другой и готовлюсь к разговору с Ланой. От заветного хлопка входной двери подскакиваю от неожиданности.

— Ты что такая испуганная?

— Лана. Что скажешь, если я найму няню на месяц?

— Хорошая идея.

— Дело в том, что няня будет приезжать сюда.

Я понимаю, что села верхом на Ланку и свесила ноги.

— Пусть приезжает. Я не против.

На сердце отлегло.

— Лана, спасибо. Вера Владимировна очень хорошая женщина. И это всего на месяц.

— Меня сама эта мысль посетила, но ты уже успела и няньку найти.

— Она приезжает завтра с утра, — произношу виноватым тоном.

Мирра Аркадьевна уже полчаса оправдывается перед Воронцовым по телефону. Я вжалась в свое кресло. Песочат нас не по нашей вине. Просто в дело Воронцова вмешался форс-мажор.

Мирра Аркадьевна положила трубку. Громко и ёмко выругалась, и нервно барабанит по столу. Также нервно набирает чей-то номер.

— Виталик, сучёнок! Возьми трубку.

Понятно, чья кандидатура выбрана Миррой, чтобы спустить напряжение, читаемое на её лице. Виталик, похоже, весь в мыле и небольшой просвет в непрекращающихся осадках использует для кадастровых работ, которые вылетели из графика.

— Герман. Собирайся. Наведаешься к Виталику. Узнаешь, что ему осталось по срокам. И потом к Воронцову на поклон. Петру Михайловичу улыбаемся на все тридцать два и уговариваем его потерпеть.

Валеева нашла другую жертву.

— А может, мы вместе поедим? — несмело проблеяла я и уставилась в монитор, потому как Мирра Аркадьевна сверкнула глазами в мою сторону.

— Блеснёшь девичьим очарованием. Я уже в том возрасте, когда его осталось совсем немного. И такого прожжённого жука мои тридцать два не возьмут. А у тебя получится уговорить.

— Ну почему я? — Внутренне удивляюсь неожиданному заданию.

У Вики есть машина, и она в два счёта попадёт на место, где, по задумке Воронцова, будет стоять гостиница. Инна вообще воплощение женского очарования. У Воронцова при её виде вообще челюсть упадёт.

— Ты в курсе всех нюансов проекта Воронцова, — говорит Мирра Аркадьевна как будто прочитала мои мысли.

— Хорошо, — покорно соглашаюсь и, молча собравшись, выхожу из кабинета.

Как назло, обула сегодня ботинки на высоком каблуке. Как раз для того, чтобы преодолевать грунт на пустыре.

Я обвела взглядом большой участок и фигуру Виталика вдалеке. Замахала руками и, набрав побольше воздуха, кричу что есть силы: «Виталий!» Ноль реакции в мою сторону.

Я чертыхнулась и, рассекая по вязкому грунту, утопая каблуками в грязи, топаю к нашему кадастровому инженеру, стоящего посередине пустыря в обнимку со своей рогатиной.

— Виталик, ты почему трубку не берешь?

Злая, запыханная, стою перед Покровским, всё также не обращающим на меня ни малейшего внимания.

Виталий, не глядя на меня, достает трубку телефона и, взглянув в экран, также не глядя, произносит: «Двадцать восемь входящих. Если я на все будут отвечать, то сроки работ затянутся еще на неделю».

— Воронцов рвет и мечет.

— Ничем не могу помочь.

Спокойствие Покровского удивляет. Нервничают все. Воронцов, Мирра, я, в конце концов. Но Покровский спокойный, как танк.

— Когда закончишь?

— Как только, так сразу, — нараспев отвечает Виталик, специально продолжая злить меня и, взглянув на меня и мои чудные ботинки, усмехается: «Черевички свои вымазала».

Я вздохнула. С неба начали капать редкие, но крупные капли.

— Тебе лучше уходить отсюда. Сейчас начнется дождь.

Это мне не хватало. Зонт я сегодня не взяла. Хотя хотела, но утренняя спешка привела к тому, что мой обед остался на кухонном столе, а зонт в прихожей. Вера Владимировна задержалась, и утро получилось уж очень суматошным.

Я развернулась, чуть не растянулась. И под смехок Виталика иду к трассе, вызывая на ходу такси. Дождь припустил уже во всю.

С такси мне сегодня повезло. Оператор оповестила меня, что машина приедет через три минуты.

— Здорово. — Я радуюсь и падаю на заднее сидение такси, как раз вовремя. Небеса проливают очередную внушительную порцию осадков.

— Ближе к входу получится подъехать? — спрашиваю таксиста.

— Будет сделано.

— А побыстрее?

— Без проблем, — водитель нажимает педаль газа.

Я поднимаюсь на лифте на четвертый этаж офисного здания Воронцова. Охранник так окинул меня, будто я вылезла из какого-то бомжатника. И на вопрос: «К кому?»

Мой ответ: «К Воронцову», похоже, удивил еще больше, чем мой вид.

— Жанна, здравствуйте! — Я здороваюсь с секретарем Воронцова. — Петр Михайлович у себя?

— Да, — Жанна поднимает глаза от монитора на меня, — Олеся Петровна, Воронцов сказал, что вы придёте. Но там сейчас встреча с другими людьми. Подождете?

— Другими? — Испуганно спрашиваю я.

— Там представитель дизайнерской студии и мебельной организации. Петр Михайлович параллельно ведет работы по внутреннему содержанию гостиницы. Хочет сделать всё быстро. Это в его духе.

— Хорошо, а где у вас дамская комната? Попала под дождь. Хотелось бы привести себя в порядок.

— Прямо по коридору справа. Увидите по табличке на двери. Пальто можете повесить в шкаф, — Жанна небрежно махнула на огромное купе серого цвета.

— Спасибо, — я подхватываю салфетки из сумочки и семеню прямо по коридору направо.

Мне нужно вытереть ботинки. Хотя бы попробовать это сделать. Я поймала свое отражение в зеркале. Просто жуть. Какое женское очарование? Общипанная курица. Мокрые пряди прилипли к вискам. Тушь местами потекла. И вдобавок грязные ботинки и брюки. Я наспех привожу себя в порядок и возвращаюсь в приемную.

— Проходите. Я уже доложила о вас.

— А другие?

— Уже вышли, — Жанна отвечает шепотом, открывая дверь кабинета.

Воронцов при моем виде хмурит брови, и руки начало покалывать от нервного напряжения.

— Здравствуйте, Петр Михайлович! — Я нежно пропела приветствие.

— Присаживайтесь. Объясните, как так получилось, что все кадастровые работы уже

давно были быть закончены, а я до сих пор не вижу результата?

— Так, погода, — лепечу я, кивая на окно, в которое опять забарабанил дождь. — Форс-мажор. Раздел седьмой. Погодные условия прописаны основным пунктом форс-мажорных обстоятельств. Я только что оттуда, и наши специалисты там работают. Там пройти невозможно.

Лицо Воронцова чуть смягчается.

— Вы были там?

— Да.

— И что, скажите?

Вопрос вводит меня в ступор.

— Как вам место? — уточняет Воронцов.

— Лучше не придумай. Рядом трасса, спортивный комплекс, бассейн.

— Гостиница будет проектироваться с собственным крытым бассейном.

— Да? У вас грандиозный проект! — По совету Аркадьевны я улыбаюсь во все тридцать два, откидывая ещё влажную прядь с плеча.

— Давняя мечта. Теперь хочу вложиться. Недвижимость, приносящая доход. Лучше не придумай.

Петр Михайлович покидает свое кресло и садится напротив меня.

— Вы замужем Олеся?

Я свернула улыбку во все тридцать два до уровня, чуть тронувшая губы и, не моргая, тут же соврала собеседнику напротив, ввергающего меня в небольшую панику: «Да».

— Уже третий год, — зачем-то добавляю.

— Жаль, — Воронцов откидывается на стул.

— Так, когда мне ждать результатов?

Я чуть было не бросила: «Как только, так сразу», всплывшее в моей голове, но тут же беру себя в руки.

— Погода отодвинула сроки на две недели. Не меньше. Но мы приложим максимум усилий, чтобы сделать это как можно скорее, — я отвечаю уверенным тоном.

Воронцов возвращается в своё кресло.

— Хорошо, уговорили меня Олеся Петровна. Вы и дальше будете вести проект?

Я пожимаю плечами.

— Я переговорю с Миррой по поводу вас. Жанна! — Громко зовёт Воронцов секретаря.

— Сделай нам, пожалуйста, чай. Наша гостья совсем продрогла.

Жанна удивленно взглянула на меня, но появилась через несколько минут с небольшим подносом с белоснежными чашками, наполненными горячим напитком. Чай будет кстати. Не хотелось бы разболеться, как Машка.

— Вы давно работаете в Центре? — Вдруг осведомляется Воронцов.

Хитрец. Я вспомнила ёмкую характеристику, которую дала Петру Михайловичу наша начальница.

— Недавно, — отвечаю односложной фразой, и тут же уставилась на фарфоровую чашку.

— Симпатичная женщина. И вдруг юрист.

Воронцов мягко подтягивает ко мне свои бока? Нужно срочно делать попытки ретироваться. Мирра, наверное, в курсе, что Воронцов еще тот ловелас, отправив меня на сглаживание углов.

— Петр Михайлович, спасибо за чай. Мне уже нужно спешить на работу. Я человек подневольный, — делаю попытки вежливо откланяться.

— Хорошо, — чуть со вздохом слышу от Воронцова.

Воронцов протянул мне свою визитку.

— У меня к вам просьба звонить мне и держать в курсе.

Я любезно улыбаюсь и складываю визитку, которая мне не нужна, в сумку. Все контакты Воронцова у меня есть и, попрощавшись, торопливо выхожу в приемную. Жанна улыбнулась тому, как я перевела дыхание и, поблагодарив Жанну за вкусный чай, вылетаю из приемной.

Уфф. Кажется, получилось, и буря утихла. Думаю, Мирра будет мною довольна.

— Так и спросил? Замужем ли ты?

— Представь. Седина по всей голове, но туда же. Хорошо, хватило сообразительности соврать на ходу.

— Может быть, ты понравилась ему.

— Знаешь, сваха... Я ничьей содержанкой становиться не буду. Воронцов богат. И это его единственный плюс. И, наверное, женатый.

— Сохнешь по Ване?

— Иногда, — я соврала сейчас Лане и по ее взгляду понимаю, что она тут же поняла.

Я всё время думаю, как могла оказаться в его постели, и понимаю, что тогда к Андрею уже ничего не чувствовала. И лишь по инерции возвращенная любовь в любимом розовом горшочке была принята за чувства. Я вспомнила, как горячие губы Вани коснулись моих, а я в ответ запустила руки в его шевелюру. Мягкое прикосновение его бородки к лицу. И его руки, скользнувшие под моё чёрное платье, которые тут же разожгли жгучее желание. Мне хотелось раствориться в нём, и мои руки машинально пробежались по пуговицам на белой рубашке и скользнули по гладкому подкаченному торсу...

Я тряхнула головой, чтобы прогнать воспоминание.

Иногда?

Я постоянно думаю, что я упустила свой шанс на счастливую жизнь!

Судьба, забирая, тут же давала мне нужное, и пока я топталась в нерешительности, мой корабль с алыми парусами отчалил в открытое море... Без меня.

— О чем задумалась?

— О превратностях судьбы. Там, — я показала вверх рукой, — лучше нас знают, что нам нужно.

— Это точно. Я это часто говорю свои клиентам.

Я ждала сообщение от Мелихова. Хотя бы в духе: «Привет. Как самочувствие?» Но телефон предательски молчал. У Мелихова, похоже, на личном фронте всё очень хорошо.

Я подхватила папку с документами со своего рабочего стола. Рабочим столом мне служить произведение искусства, выполненное когда-то давно Иваном. Так давно, что мне кажется, что это было в прошлой жизни. Сегодня с Миррой мы едим к Воронцову на совещание, на котором нас ждут представители проектной конторы. Я вовремя выделила из своего бюджета средства на новый костюм, в котором я буду солидно смотреться, и, повертевшись у зеркала, выбегаю с Машей под ручку в красивом голубом дуэте в тёплое майское утро. Моя жизнь потихоньку налаживается, и мой банковский счет растёт. Правда, также потихоньку. Мне отчаянно хочется приклонить свою голову на свою кровать в своей квартире. Маленькой, пусть даже крошечной, но своей.

Я стараюсь занять всё своё время делами и занятиями, чтобы не заниматься самобичеванием. Как я люблю. Иногда вырываюсь на девичники с неугомонным дуэтом из Вики и Инны, в тайне надеясь встретиться с Ваней, но, похоже, отдых Мелихова в Марселе в вьюжном феврале была разовая акция.

Барсуковы в предвкушении появления долгожданной наследницы. Счастливы безмерно. И я потихоньку готовлюсь к новой для меня роли: тётки и будущей крёстной мамы.

Лана потихоньку обставляет свою квартиру, и каждый месяц у нас появляется новая деталь её апартаментов.

Андрей каждое начало месяца, как по графику, присылает одну и ту же сумму средств с короткой неизменной пометкой: «Для содержания Марии».

Почти каждые выходные на своём красивом внедорожнике приезжает Борис Григорьевич и забирает свою внучку. С ночёвкой. Больше ни с кем из семейства Герман я не держу никакой связи. В одну из субботних встреч Борис Григорьевич случайно обмолвился о том, что Андрей прекратил отношения с Мариной.

Верится с трудом.

Но мне это уже ни к чему. Жизнь с человеком, который меня предал, я связывать не буду.

Я понимаю тайный помысел этого послания и тайные надежды свёкра.

Я вглядываюсь в окно и, подхватывая Машу, выскакиваю из автобуса. За размышлениями о своей жизни чуть не прозевала свою автобусную остановку.

— Маша, топаем быстрее! — Я уже совсем запыхалась, как и моя маленькая дочка, но времени в обрез.

Я выдыхаю только тогда, когда моя пятая точка присаживается на мой удобный офисный стул. Чем ближе стрелки мои ручных часов подвигаются к времени встречи, тем больше я нервничаю. Встреча с бойким Петром Михайловичем всегда для меня испытание. И его назойливое внимание, которое ещё нужно вежливо обойти, добавляет душевного смятения.

— Готова? — Мирра громко спрашивает, и я уже чувствую её пронзительный взгляд с азиатским разрезом на себе.

— Да. — Я постаралась вложить в короткий ответ свою уверенность.

— Через час выезжаем.

Час, проведенный как на иголках, наконец, закончился, и я, оставив подальше недопитый кофе, поднялась и уверенным шагом иду за Миррой Аркадьевной до

припаркованной недалеко от входа... красного цвета, такой же эффектной, как и её хозяйка. Мы доедим с комфортом.

Знакомое здание на горизонте, и лифт поднимает на четвертый этаж. В принципе, нам только передать часть документов и обсудить юридические нюансы строительства. На пустыре, где я промокла в дождливом апреле, уже полным ходом идут земляные работы.

В приемной непривычнолюдно, и Жанна, заметив нас с Миррой, приглашает всех присутствующих в кабинет к Воронцову. Сердце тревожно забилося ещё в приемной. Краем глаза замечаю среди статных мужчин его... Он стоит спиной и с кем-то непринужденно беседует. От вида человека, который мне безразличен, сердце стучит, как у раненого зверя. То затихая, то стремительно набирая обороты.

Я прохожу самой последней за всей делегацией и аккуратно присаживаюсь на стул рядом с Миррой.

В горле запершило от жуткого волнения.

В ряде напротив меня в чрезвычайно красивом и строгом костюме восседает Мелихов. В голове всплыли слова Жанны о посетителях, брошенные ею в последний мой визит сюда о некой мебельной организации, уже работающей в направлении обеспечения будущего объекта всем спектром необходимой мебели, и слова Мелихова о долгосрочном перспективном проекте.

Где я и где он. Но наши дорожки опять пересеклись. Мне назло. Судьба опять покрутит перед моим носом его красивым фэйсом и спрячет на несколько месяцев.

— Добрый день, коллеги, — взор Воронцова скользнул по мне, — наш проект в стадии строительства. Сегодня обсудим проектно-сметные документы, которые необходимы для дальнейшего этапа работы, касающийся внутреннего дизайна и определения точного заказа оснащения гостиницы оборудованием и мебелью. Мебель практически вся будет делаться на заказ.

Уфф. Кому-то крупно повезло!

Мелихов, считай, рванул с низкого старта. Хватит ли ему ресурсов для такого крупного проекта?

Вид у Вани более чем невозмутимый. В голове всплыли образы предыдущего Мелихова, мнущегося у входа в аудиторию в университете, в рабочем комбинезоне у меня на кухне, спящим у себя в квартире, обняв меня в своей большой кровати.

Теперь я вижу делового мужчину с холодным пронзительным взглядом. Я чуть поежилась.

Чувство невозвратно потерянного закружило с новой силой. Пока я разбиралась в чувствах к своему, а точнее чужому мужчине, своими руками отодвинула своё счастье. Я постаралась выкинуть навязчивого Мелихова из головы. Всё равно смотрит на меня, как будто видит впервые и нет ни единого намека хоть на какую-либо эмоцию.

— Петр Михайлович, мы привезли копии проектно-сметной документов для передачи в проектную контору, — Мирра начала, как всегда, тут же. — А также остальные документы, которые вы запросили: разрешение на строительство, выписка о постановке на кадастровый учет.

— Олеся, передай, пожалуйста, документы, — бросила мне Мирра Аркадьевна.

Я молча достаю папку под пристальным взором десяти пар глаз. Мелихов внимательно смотрит, как я методично достаю приготовленный внушительный пакет с документами и, пройдясь до стола Воронцова, кладу перед Петром Михайловичем.

— Спасибо, — благодарит Воронцов и провожает взглядом моё приземление обратно. Чуть дольше, чем положено.

В горле опять пересохло, и я делаю большой глоток минеральной воды из стакана, стоящего передо мной. Я собираюсь с мыслями, которые растеклись по красивому длинному столу Воронцова, наполированного до блеска. В принципе, моя миссия выполнена. Документы торжественно переданы нашему заказчику. Хочется дождаться окончания этой пытки и стремительно вылететь отсюда.

— Добрый день, Олеся, — Ваня догнал меня у выхода из приемной. — Вы ведете проект Воронцова?

Я взглянула на Мирру, застрявшую с проектировщиками. Аркадьевна что-то громко в своем духе доказывала.

— Да, он обратился в Центр, где я работаю. И так как у других сотрудников уже по несколько проектов, мне дали вести сопровождение сделки Воронцова. Пока под бдительным оком моего начальника.

Мелихов взглянул на Мирру, застывшую в позе хищника перед прыжком.

— Напориста.

— Да, но это хорошее качество в нашей работе. Воронцов тебе заказал мебель в гостиницу?

— Да. Еще зимой.

— Не рановато?

— Петр Михайлович очень продуманный человек.

— Проект долгосрочный. Не получится, что он сделает заказ, а расплатиться не сможет?

— Ты за меня волнуешься? — улыбка чуть тронула губы Ивана. — У нас уже подписан договор. И внесен задаток на материалы. Так что я в любом случае защищен.

— Да? — Удивилась я. — Воронцов тяжело расстается с деньгами, — я вспомнила, как Воронцов гнал с кадастровыми работами и долго тянул с их оплатой.

— Петр Михайлович спешит.

— Строительство — это не быстрое дело.

— Готовит подарок для молодой жены.

— Вот как! — Я удивленно подняла брови. — Ты в курсе?

— Да. Пока сюда приезжал на встречи секретарь Воронцова, наверное, за всех сотрудников рассказала.

— Да. Жанночка у него общительная дама.

Мирра подошла к нам и оценивающим взглядом пробежалась по Мелихову.

— Мирра Аркадьевна, это Мелихов. Поставщик мебели и оборудования в гостиницу.

— Да, я помню. Петр Михайлович знакомил при встрече, — бросила моя начальница, окинув внимательным взглядом Ваню. Слишком внимательным, и чуть улыбнулась краешком губ.

Ещё бы. Память у Мирры феноменальная. Тем более, если дело касается рабочих моментов, но тут чувствую пробивающийся сквозь стальную броню личный интерес. Я тут же почувствовала, как Мирра расплылась перед смазливой картинкой.

И эта туда же!

Олеся, ты ревнуешь?

Такая мелочь. А у тебя искорки в глазах брызжут в сторону объекта твоей симпатии, а

ты уже пыхтишь внутри, как паровоз.

— Как скоро будет готова мебель?

Я чертыхнулась! Этой зачем, когда будет готова мебель?

— И вы работаете только с крупными предприятиями? — Тон Мирры совсем другой, чуть наигранный, чуть жеманный.

— Не только. У меня магазин, где всё, что вам понравится, можно приобрести розничному покупателю.

— Да что вы? И где ваш магазин.

Мелихов достает свою красивую визитку. Дизайном которой он хвалился мне, когда я подрабатывала у него до выхода на основную работу.

Мирра подхватила визитку и её режущее слух: «Спасибо», отзывается уколom где-то глубоко.

Я стою и ерзаю от нервного волнения и придумываю тысячи причин, как вытащить Мирру из-под гипнотического взгляда Ивана, под влияние которого попала не только я.

Телефон зазвенел в сумочке Мирры. И к моему великому счастью, мою начальницу заняли дела её привычного сумасшедшего графика работы.

— Алло, — Мирра тут же сосредотачивается на звонке, бросая Ване: «Минуточку».

— Ты сняла комнату? — вдруг спрашивает Ваня, как только Мирра оставила нас вдвоём.

— Нет. Я живу у подруги. А деньги на комнату собираю, — ответила я, смеясь.

Не у всех все так хорошо, как у тебя!

— Как ты узнал, что я живу со своей подругой.

— Ты сама сказала.

Я сделал вид, что припоминаю подробности вечера, но в памяти смутное чёрное пятно под названием «Марсель».

— Что твой любезный супруг не рассчитался с тобой по имущественному разделу? — Слышу стальные нотки бывшего юриста.

— Нет. Наша совместное жилье было куплено в ипотеку. А машина до брака. Так что я не стала претендовать на раздел имущества. Не на что.

Я умолчала, что часть средств первоначального капитала были мои личные средства, но вытаскивать их из Герман оказалась себе дороже.

— Что ж, меня ждут дела. До свидания, Олеся. Рад был увидеть

— До свидания, — прощаюсь в слух с Ваней, про себя осознавая, как я рада была увидеть сегодня его.

Ваня растворился за дверью. Практически вся дружная команда растворилась из приемной Воронцова. Только моя начальница, вся в своём диалоге по телефону, и я, мнущаяся у дверей, уже дважды попрощавшаяся с Жанной, никак не отчалим к родным пенатам на шестом этаже.

Я слушаю громкий голос своей начальницы, чувствуя, как под кожей разливается жгучая злость на себя... и на свою неуверенность...

Свой звонок на телефоне я услышала ещё в ванной. Мирра может позвонить в любое время суток и задать кучу вопросов. Я вертела в голове, что ещё нужно Мирре? Допрос с пристрастием, который мне устроила моя начальница по поводу Мелихова, мне, мягко сказать, не понравился. Аргументировала, что волнуется за Воронцова.

Прям за дурочку меня держит. Её интерес в глазах я прочитала сразу.

Постаралась акцентировать, что Мелихов уже занят. Но интерес Мирры разгорелся ещё больше. Чем-то напомнило ситуацию с Герман, когда Юлька постаралась и перехватила дело у Самойловой, как только узнала, что оно будет слушаться на участке мирового судьи Герман Андрея Борисовича. И во всю строила ему глазки и делала не двусмысленные намёки.

Виток судьбы один в один. Даже не намёк на необходимость отойти. Нет. Бежать подалее.

Я закутала голову в банное полотенце и, открыв телефон, удивляюсь звонившему.

Герман Борис.

До субботы далеко. Я перезваниваю свёкру, тяжело дыша в трубку.

— Олеся?

— Здравствуйте, я слушаю.

— У меня к тебе серьезный разговор.

Я внутренне напряглась. У Герман фраза серьёзный разговор ничем хорошим не заканчивается.

— Что вы хотели?

— Встретиться и поговорить.

— Я вам Машу не отдам! — Я начинаю нервно ходить по кухне.

— Я не поэтому вопросу, но вопрос косвенно касается и моей внучки. Завтра я заеду за тобой на работу. Подскажи адрес.

— Переулок Суворовский, сто пятьдесят. Там большое офисное здание.

— Хорошо, я найду. В шесть нормально?

— Вполне, — я успокаиваю себя, но сердце стучит как оглашенное.

Я ещё долго слушаю длинные гудки телефона.

— Олесь, ты чего? Кто звонил? — встревоженная Лана в проеме кухни.

— Герман.

— Мириться?

— Нет. Борис Григорьевич. Пригласил встретиться и обсудить важный вопрос. Что-то мне страшно. Опять гадость придумали против меня.

Я без сил присаживаюсь на кухонный стул. Ноги сразу стали ватными.

— Не ходи.

— Нет уж. Послушаю, что хочет любимое семейство.

— Хочешь, пойдём вместе. Я буду группой поддержки.

Я усмехнулась, представив нашу бабскую команду.

— Нет. Сама разберусь.

Я обвела взглядом стоянку у здания моего офиса. Так и есть. Чёрный Land Cruiser стоит припаркованный чуть поодаль. Я взглянула на голубое небо. Что на сегодня мне

приготовлено судьбой и высшими силами? И будут ли испытания по моим силам? Чёрная полоса в моей жизни и так окрасила мои будни в мрачный чёрно-серый колорит.

Я не спеша подошла к машине. Борис Григорьевич в своей манере выбежал из авто и открыл мне дверь. В салоне приятно пахло дорогим одеколоном и тонким ароматом дорогого кожаного салона.

— Здравствуйте, Борис Григорьевич.

— Здравствуй, Олеся. Я забронировал столик в небольшом ресторанчике недалеко от того места, где ты теперь живешь.

— Хорошо, — осторожно соглашаюсь, — но мы сначала заберём Машу из детского сада.

— Не вопрос.

Ланд Крузер, взревев глубоким басом, стремительно рванул. Я отвечаю на вопросы свёкра односложно, рассматривая картинку весеннего дня за окном и настроение у меня отнюдь не радужное. Разминаю костяшки ледяных от нервного напряжения рук.

Маша обрадовалась нечаянной встрече с дедушкой, и их взаимные тёплые объятия меня удивили. Хоть кто-то из семейства понимает, что Маша родная кровь, и Мария Андреевна не безразлична Борису Григорьевичу.

Борис Григорьевич сажает Машу в детское кресло и уже чуть по медленнее отвозит нас в ресторан.

Я огляделась. Не людно. Симпатичное, уютное местечко. Подплывший тут же официант вежливо осведомился, когда подать заказ.

— Уже можете, — бросает, не глядя на вышколенного молодого юношу, Борис Григорьевич, — и нам нужно что-нибудь диетическое для юной леди.

— Для юной леди можем предложить котлету из говядины и отварные овощи.

— Юная леди любит картофельное пюре, — добавила я.

— Хорошо. Мы добавим в заказ, — вышколенный молодой юноша тут растворился.

Расстегнув папку, которую Герман Борис прихватил с собой, свёкор выкладывает на стол накрытой бордовой скатерть в тон общей обстановки, толстый пакет. И пододвигает ближе ко мне.

— Что это? — Я откидываюсь на спинку стула.

— Это деньги.

— В каком смысле деньги? — Удивляюсь и ищу во всём этом представлении подвох.

— Это часть средств, которую вы вложили с Андреем в приобретение квартиры за время совместного проживания.

Я оторопела, и сижу молча, уставившись в окно.

Неожиданно.

— Почему вдруг?

— Всё должно быть по закону. Это моё личное мнение. Здесь ровно половина. Ни больше и ни меньше.

— Хотите быть хорошими?

— И это тоже. Я не хочу, чтобы окружающие думали, что мы тебя выгнали на улицу, забрав при этом все твои деньги. Не солидно.

— Не солидно? Я вашими стараниями более полугода живу под чужой крышей. Спасибо этим людям, приютившим меня с ребёнком.

— Олеся, прости. Андрей погорячился в стремлении насолить тебе.

— Вот это самое интересное. Вроде бы потерпевшая сторона — это я. Но что ни делается, всё к лучшему. Мы только не ведаем этого до последнего. У меня новая жизнь. У вас новая невестка, — я усмехнулась тому, как красивое возрастное лицо Бориса сморщилось при упоминании о новой невестке.

Представляю «дикую радость» Маргариты Андреевны, когда она узнала, что рядом с Андреем не высокородная мадам (Я не подходила по этому параметру. Слава богу, мою свекровь устроила моя внешность и образование!), а возрастная помощница мирового судьи с ребенком и в стадии развода с предыдущим мужем...

— Что от меня нужно? — Я кивнула в сторону пакета с деньгами, зная, что Герман юрист до мозга костей и ожидаю вторую часть «македонского балета».

— Забрать деньги и подписать соглашение об отказе на совместно нажитое имущество, — Герман достает из папки соглашение и кладет рядом с деньгами. — Естественно, мы эту бумагу заверяем нотариально.

— Не вопрос, — я пробегаюсь по соглашению глазами, на котором уже стоит знакомая мне подпись моего бывшего супруга. Составлено грамотно. Но кто бы сомневался.

— Тогда мы ужинаем и заезжаем в гости к Андросову Виктору Семёновичу, и заверяем документ.

— Он так поздно работает? — Я удивляюсь, прекрасно зная распорядок дня самого известного нотариуса в городе.

— Для меня сделают исключение.

— Ты не будешь пересчитывать деньги?

— Нет. Думаю, там столько, сколько вы указали в соглашении, — я до конца не верю в такой подарок судьбы.

Так просто. Без боя. На блюдечке.

В мою чёрно-серую картинку жизни вклинился новый цвет. Голубой. Цвет перспективы и надежды, и я осторожно складываю пакет с деньгами в сумку.

Официант приносит исключительно аппетитную отбивную из говядины с ворохом овощей и заказ для юной леди. Я краем глаза наблюдаю за радостной Машей. Наверное, чувствует моё настроение.

— Может быть, вина? — вдруг предлагает Борис Григорьевич.

— Нет, спасибо, — я вежливо отказалась.

Радостный момент я отмечу в кругу близких мне людей.

Я поставила подпись в соглашении под бдительным взглядом из-под дорогих очков такого же возрастного, как и Герман, нотариуса. Слишком внимательный взгляд.

— Ваш экземпляр, Олеся Петровна, — Виктор Семёнович внимательно посмотрел на меня и протянул экземпляр соглашения.

Хорошо, что вся процедура прошла без участия главного лица. Андрея мне видеть не хотелось.

— Спасибо, — я быстро убрала соглашение в сумку и, взяв Машу за руку, вышла на улицу. Вечерний город уже подсвечен огнями фонарей.

— Олеся! — Позвал меня свёкор. — Подожди. Я отвезу вас до дома.

— Нам недалеко.

— Всё равно. У тебя в сумке приличная сумма денег.

— Ладно. Раз уж начали, помогайте до конца.

Лана ещё раз повертела стопку красных купюр, перевязанных банковской лентой. Мы с Ланой на её кухне и, как всегда, обсуждаем мои проблемы.

— Не верю, после всего, что преподнесла другая сторона. Но это справедливо, — Лана расслабленно тянула красное вино из бокала.

— Сама не верю.

— Что будешь делать теперь?

— То, что собиралась четыре года назад, перед тем, как на моем пути появился подлец.

— И что же?

— Я уже кинула заявку на кредит. Жду ответ из банка.

— Грустно с вами разъезжаться, но ты давно этого хотела.

— Ты не представляешь, какие чувства тебя раздирают, когда тебя выгоняют из твоего собственного дома. Как ненужную собачку. В мороз и просто в никуда, — я вспомнила боль и горечь, когда в последний раз повернула ключ в замочной скважине своей квартиры на Советской.

— У каждого своя история в жизни, которую нужно прожить и перемолоть в себе.

— У меня был поначалу вопрос: почему я? Почему практически у всех в жизни ладно и красиво, а я осталась у разбитого корыта, — я замолчала и уставилась в открытое окно.

— И? Ваши мысли, Олеся Петровна?

— Представь, выяснилось бы это через время. И всё это время прожито впустую. Я уже рада такому витку моей жизни, и теперь мне не нужно заглядывать и искать любовь в его глазах. Того, чего не было с самого начала.

— Я уверена, что твой напыщенный прыщ ещё выскочит на твоём пути.

— Не думаю, и самое главное, уже слишком поздно.

Я ещё долго стояла у раскрытого окна. Бокал вина в компании Ланы чуть унял моё возбуждённое состояние.

Всё. Окончательная точка в истории моего замужества поставлена. Никакими обязательствами с Андреем я более не связана. Было у этого конца двойное чувство — радость и горечь одновременно. Знала я об этом, кружась с Андреем в свадебном вальсе в красивом свадебном платье?

Нет.

Тогда я строила большие планы на будущую счастливую жизнь.

Мы с Андреем не протянули и больше трёх лет.

Я пробежалась по всем объявлениям сайта недвижимости. Некоторые отмела сразу. Можно, конечно, подождать, но так хочется с Машей и Ланой отметить новоселье, окунуться в суету хлопот по устройству своего гнёздышка. Я слёзно пообещала Лане, что не буду искать слишком далеко от неё, и мы будем часто видится. И сейчас мой день загружен до предела: по вечерам я ищу жильё и учусь в автошколе.

На вечер три просмотра, и я вздыхаю. Купить жильё, особенно когда ты ограничен в деньгах, сложно.

Я вышла из такси и огляделась. Хорошее месторасположение — второй дом от оживленной трассы. Не хочется слушать гул проносающихся машин по автотрассе. По дороге в двух квартале я заметила детский сад. Тоже большой плюс для меня и моей маленькой дочки. Я прошла до нужного подъезда и набрала номер домофона, который продиктовала мне хозяйка при телефонном разговоре.

— Да! — Выкрикнул громкий грудной голос из динамика домофона.

Я даже чуть вздрогнула от неожиданности и тут же вылетела из расслабленного лицемерия детской площадки и парковочной стоянки возле дома.

— Это Олеся. Мы с вами созванивались по поводу просмотра квартиры.

Ответа не последовало, но домофон также громко пиликнул, и я потянула дверь на себя. Я поднялась на четвертый этаж, где в открытой двери меня приветствовала женщина уже в возрасте. Окинула взглядом с ног до головы и молча указала жестом пройти.

Стандартная однокомнатная «хрущёвка». Правда, не в таком удручающем виде, как просмотренные мною предыдущие варианты.

— У нас неплохая планировка в доме, в отличие от соседних домов, кухня чуть побольше. У меня встроенная кухонная мебель, и я, естественно, забрать её не смогу, — вставила вдруг хозяйка, до этого молча ходившая за мной, пока я рассматривала квартиру.

— У меня ипотека. Будете связываться?

— Я ещё по телефону сказала, что да. У вас хорошая первоначальная сумма. У меня документы в порядке.

— Будут нужны сканы ваших документов, чтобы отправить в банк для одобрения объекта приобретаемой недвижимости.

— Нанимаем риелтора?

— Я сама юрист. Оформим своими силами.

— Что ж. Значит, я передую к детям в этом году, — хозяйка опять вздохнула, — я здесь, они там. Подниматься с каждым годом тяжелее.

Я огляделась ещё раз. И в голове уже набросала кучу планов. Квартира требует небольшого ремонта. Дорогой, пока мне не по карману. Если все будет идти так же, как сейчас, это реалии следующего года.

— погоди, Олеся. Не торопи коней. Сначала нужно всё оформить, — мысленно одернула свою прыть.

А ещё нужно закончить автошколу и получить права. А ещё нужно решить вопрос с машиной. Я, пританцовывая, поднимаюсь в лифте домой. Домом всё это время мне была квартира Ланы...

— Ну, судя по твоему лицу, нашла, — Лана расплылась в улыбке, встретив меня у

порога.

— Да! Да! Да! — Я, приплясывая, заключила Лану в объятия, — теперь буду заниматься оформлением. Как бы у Мирры выпросить недельку в отпуск, — тут же прикидываю весь объем работ по оформлению.

— Вряд ли.

— Да. Мирра меня не отпустит. Мы почти каждый день наведываемся к Воронцову. Мне иногда кажется, что он это специально надумывает поводы.

Если честно, я жутко радуюсь этим поводам, в надежде случайно встретиться с Ваней в большой приемной. Но... Пока лицезрею только большого любителя женского пола Петра Михайловича и суетливую Жанночку.

А Ваня... пока так и остался недосыгаемым. Мой журавль в небе.

— Всё, как я хотела, и недалеко от тебя.

— Этаж?

— Четвертый.

— Однокомнатная?

— Ага.

— По срокам.

— Придется всё делать самой, собственница в возрасте. Компьютер в глаза не видела. Завтра вечером с ней встречаемся. Я с ноутбуком буду грузить её документы в программу.

— Ты рада?

— Не передать как. Через пол месяца мы с Машей переедим. Может чуть позже, — я вспомнила о некоторых моментах, которые я точно подправлю до нашего въезда с дочкой в квартиру.

— Ну что, считай, что ты сделала себе подарок на юбилей, — Ольга еле затащила со своим круглым животом на четвертый этаж. Упрямая, как чёрт. Прошлась внимательно по квартире, разглядывая моё скромное приобретение.

— Высоковато. Без лифта будет тяжело, — вынес вердикт Барсуков.

— Ничего. Мы с Маней спортивные девчонки. Справимся. Надеюсь день рождения отметим у меня в новой квартире.

— Ещё чего! — Возразил Барсуков, прохаживающийся по моему новому жилью со своим любимым скептическим лицом, — круглая дата. И обстановочка оставляет желать лучшего.

— Дима, у меня столько денег на сей момент нет! И кредитов больше, чем у собаки блох, — я уже основательно злюсь на Димку.

— Мы очень узким кругом. В тихом уютном ресторанчике. Я всё организую.

— Хочется всё и сразу. Квартиру, автошколу, юбилей. Но, ребята, финансы мои вот такусенькие, — я показала руками размер мои финансов так, что Барсуков рассмеялся в голос.

— Мы соберёмся с приглашёнными, и банкет берем на себя. Это будет подарком.

— Ой, настырный ты, Барсуков. Смотри, твоя инициатива. А она наказуема.

— Хорошо. Накидывай список гостей.

— Тебе мебель срочно нужна, — Ольга приютилась на маленьком неудобном стульчике, оставленным Анной Николаевной в кухне. Странно, забрала практически всё. Оставила в квартире только то, что было невозможно или слишком проблематично снять.

Вид кухонных стульев оставляет желать лучшего, поэтому оставлены за ненадобностью.

— Мне оставили кухонный гарнитур. И у меня есть кухонный стол и даже комод! Осталось мелочь. Найти, на чём мы будем спать с Марией, — я рассмеялась.

А ещё шторы, текстиль, посуду. У меня, по сути, нет ничего! Всё оставила в прошлой жизни. Чёрт тебя побрал Андрюша. Надеюсь, что бумеранг не заставит себя ждать...

Я покрутилась перед зеркалом в своем серебристом платье чуть ниже колена. Еле застегнула молнию на спине, изворачиваясь под немислимыми углами. Подняла волосы наверх в красивой затейливой причёске и чуть брызнула любимый «Шанель». По старой хрущевке поплыл мой любимый запах с нотками мускуса, жасмина и гиацинта. Я взглянула ещё раз на телефон, который зазвенел, предупреждая меня о входящем сообщении. Ч и т а й н а К н и г о е д . н е т

Я весь день сегодня принимаю звонки с поздравлениями и пожеланиями, и некоторым очень удивлена. Никогда не подумала, что позвонит Слуцкая. От разговора с ней остался осадок. Налетели вдруг воспоминания, когда я бродила в морозный день по городу в отчаянии перед самым Новым годом, потому как мне указали на дверь. Но... теперь я волею судьбы в лучшем месте и в Центре оформления недвижимости заработанная плата выше.

Понятно, что позвонили и Инна, и Вика, и даже мои новые коллеги, остальные, менее разговорчивые сотрудники нашего отдела. Есть всё, о чем я мечтала в последнее время: любимые люди вокруг и место, где я прислоню голову с Марией. Из своего маленького провинциального городка приехали родители. Барсуков разместил их у себя.

В нашей семье двойной праздник. Я два дня назад стала тёткой. Мы с племяншкой будем отмечать дни рождения с разницей в два дня. Племянницу назвали в честь меня — Олесей.

Я возмущалась. Судьба у меня трудная, но кто бы слушал. Барсуковы, да ещё на пару, упрямы.

Забирая, как обычно, Машу в дежурную субботу, удивил Борис Григорьевич, достав из салона огромный букет голландских роз.

— Олеся, с днем рождения! — Герман протянул с чуть виноватым видом свой огромный букет.

— Спасибо, — я чуть запнулась.

— Ты переехала?

— Не буду же я скитаться по чужим квартирам. Я купила свою крышу над головой в этом доме.

Запомнился тоскливый взгляд, брошенный на меня Борисом Григорьевичем напоследок, прежде чем дедушка Марии сел за руль своего внедорожника и умчал в направлении к большому красивому дому четы Герман.

Дрова, нарубленные сыночком, пришлось не по вкусу его родителям.

Я взглянула на голландские розы в большой трёхлитровой банке и усмехнулась превратностям судьбы. Телефон завыл мою любимую мелодию, и я выглянула из окна своей спальни и гостиной одновременно. Машина Барсукова ждёт меня у подъезда. Я, подхватив клатч, спускаюсь по ступенькам лестничных пролётов.

— С днём рождения коллега, сестрица, будущая кума! — Барсуков запнулся, вспоминая следующий эпитет. — Ну и просто очаровательнейшая женщина.

— Барсуков, ты прелесть! — Я целую Димку в щёку, держа в руках аккуратную коробочку с розами, которую Дима вручил вместе с красноречивым поздравлением.

— Ты этого заслужила. Все уже в ресторане. Ждут тебя. Теща и тесть там же, —

отчитался Дима.

— Спасибо, что приютил родителей.

— Не за что. У тебя разместится негде.

Я хмыкнула в ответ. Что есть, то есть. Я пока сама сплю... на раскладушке.

День рождение в узком кругу: я и мои родные люди. Ланка тоже в этом кругу.

Я подняла бокал шампанского и сделала глоток. Барсуков своими красноречивыми тостами уже вводит меня в смущение, но я понимаю его радостное возбуждение. Димка бегаёт каждые два часа звонить своей жене.

Я завидую им. По-хорошему, и от боли за свою разбитую жизнь становится дико грустно. Такой контраст перед глазами. Воспоминания, как снежный ком нахлынули на меня: наше пребывание в больнице, где за всё это время Андрей позвонил лишь единожды. Слишком был занят другими делами, с лихвой восполнял отсутствие жены.

Захотелось вдруг глоток свежего воздуха и одиночества, чтобы отпустить грустные мысли и я, пройдя большой зал, вышла в небольшой парк на заднем дворе.

— Олеся, привет. — Я сначала и не поверила звучному и до боли знакомому голосу, вырвавшему меня из моих раздумий. Я чуть вздрогнула и обернулась на знакомый баритон.

Мелихов, красивая статная картинка передо мной с моей любимой улыбкой на губах.

— Я так понял, ты изменница сегодня?

Карие глаза с весёлым блеском пробежались по мне.

— Шикарно выглядишь.

— Спасибо. Юбилей, — я от волнения не могу сказать что-то более сложное, как будто слова застряли в горле.

— Поздравляю. Я же могу пригласить именинницу на медленный танец?

— С удовольствием, — я ответила ему, постаралась вложить свою самоуверенность, но осипшим голосом получилось тоже плоховато.

Ваня взял меня за руку, и от прикосновения по телу пробежались мурашки. Мысленно злюсь на свою реакцию, но моя голова, похоже, с удовольствием нырнула бы в тот же водоворот, из которого я только что вынырнула слегка потрепанной.

Я провела рукой по его торсу и смотрю, как Ваня наблюдает за мной взглядом своих тягучих карих глаз. Ваня одевается и, присев на край постели, по-мальчишески откидывает волосы. Не картинка- загляденье.

— Ты в прошлый раз ускакала как ошпаренная. Я варю замечательный кофе.

— Если замечательный, тогда согласна на чашечку кофе в твоей компании.

Я отмахиваюсь от чувства «Дежавю» плотно окутавшим меня. Я здесь была. Вот именно здесь, за кухонным столом, большой красивой белоснежной кухни. С чашкой дымящегося кофе в его длинной майке. Тонко нарезанный сыр в десертной тарелочке и крекеры в другой.

— Может, что-нибудь посерьезнее, чем просто кофе? — спрашивает Иван.

Я отрицательно махнула в ответ.

— Вкусный..., - кофе расплывается по венам вслед за негой и щемящим чувством внутри. — Красивая у тебя кухня. Люблю белый цвет.

— И я. Белый цвет нежности и чистоты.

В окно летний ветерок заносит тополиный пух.

— Тебя ждут новости, — Ваня снимает с моей головы прилетевший пух.

— Я уже боюсь новостей.

— Олеся. Перемены к лучшему.

— Ты мне это уже пророчил.

— Я оказался не прав?

— Отнюдь. Волнительно просто. Пока всё переживёшь.

Я допиваю кофе, и поцеловав его в шею, шепчу ему: «Я поехала домой».

— Я тебя отвезу, — Ваня хватает меня за шею и удерживает.

— Солнце моё, я сама доберусь, — шепчу ему в ухо.

Зачем я ему это сказала. Вырвалось.

На ходу скидываю майку, облачаясь в своё вчерашнее серебристое платье, подхватываю нежные белоснежные лилии, которые в этот же вечер заказал для меня Иван. Уже у двери Ваня догоняет меня и, прижав к входной двери, нежно целует. Я расплываюсь от медленного ползущего по всему телу наслаждения, чуть запрокидываю голову, когда губы Вани спускаются ниже вдоль шеи.

— С меня подарок. Тебе понравится.

— Договорились, — тихо отвечаю, улыбаясь.

— Я позвоню. Бери трубку.

Я в ответ молчу и просто смотрю в эти большие бездонные глаза с весёлыми искорками в глазах. Что дальше выйдет из нашей нечаянной встречи? В прошлый раз я побоялась начинать отношения практически сразу после развода.

Я зашла в свою квартиру и, бросив взгляд на цветочную оранжерею, добавила в красивый ряд белые лилии от Ивана. Машка сегодня с родителями и Барсуковыми и придут вместе только к вечеру. Помню хитрый взгляд Димки, когда он подпихнул меня к выходу, узнав, что в ресторане Мелихов. Дмитрий стараниями моей сестры в курсе моей сердечной тайны.

— Ты ещё здесь? — Барсуков чуть улыбнулся.

И впрямь. Он здесь. На расстоянии вытянутой руки. А я топчусь в нерешительности. Е

прошлый раз я корила себя за отсутствие твердости. Я вздохнула. Ночь с Мелиховым как сказочный сон в зимнюю холодную ночь...

Я прошла по пустой квартире, и расстегнув красивое платье, слегка смятое после того, как я небрежно его отбросила в квартире Вани, присела на маленькую табуретку в кухне. Хотела посвятить этот день самой себе, но нужно купить и продукты, и кое-что по мелочи в строительном магазине.

В домофон позвонили, и я, наполовину раздетая, подошла к трубке.

— Добрый день, — бодрый мужской голос в трубке, — меня попросили доставить вам кое-что.

— Опять цветы. Мне их ставить некуда, — подумалось мне.

— Хорошо. Проходите, — я ответила дежурным тоном курьеру и нажала кнопку на домофоне, побежав за домашним халатиком.

В мои открытые двери люди в рабочей форме дружным строем занесли коробки и поставили в моей единственной комнате.

— Хорош букет! — Я оторопела и набрала сразу же Ваню.

— Вань, зачем? — Я начала сразу с главного.

— Я же сказал, что подарок с меня.

— Я согласилась, подумав, что это будет мелочь, — продолжаю бурчать.

— Савина, расслабься и получай удовольствие. Мальчики соберут тебе его за час.

Что ж, подарки судьбы теперь редки в моей жизни. Пусть будет. Вздыхаю и наблюдаю как в моей комнате из груды дощечек рождается красота, на которой я теперь могу спать.

Я вылезла из такси с большим пакетом, который я наполнила в строительном магазине. Вроде бы купила всё по списку, но еле тащу пакет к своему подъезду. А ещё впереди лестничные пролеты до четвертого этажа. Теперь и мне кажется, что гнездышко на четвертом высоковато. Я остановилась, поставила пакет, чтобы перевести дыхание. А ещё на горизонте рейд в продуктовый. У меня ни черта нет в холодильнике, а вечером всё семейство будет в сборе.

— Милая моя. Тебе не кажется, что ты влезаешь туда, куда тебе не следует? — Скрежет высоковатого голоса выдернул меня из моих повседневных планов.

Высокая рыжеволосая дива, припарковавшаяся возле моего дома, налетела на меня как курица, защищающая своих цыплят. Я даже чуть оторопела, вспоминая, где я видела мадам и в чём, собственно, дело.

— Не кажется, — резко бросаю в ответ.

— Отцепись от Мелихова. У нас скоро свадьба. А ты путаешься под моими ногами.

Я окидываю взглядом рыжеволосую, смотрящую на меня исключительно свысока в своем кружевном сарафане и таких же ужасно дорогих босоножках известного бренда. Вычурная. Холёная. Сучка. Как-то не вязалась она у меня с образом Мелихова.

Ну, силикон где надо, наверное, всем без исключения мужчинам по нраву.

— Топай, куда шла, — я подхватила свой пакет и, обогнав рыжую, устремилась к своему подъезду. Я в своих видевших времена летних шортах, спортивной майке и бейсболке выгляжу совсем не респектабельно.

— Ты со своим ребенком на хрен ему не нужна! — Крикнула рыжая мне вслед и тут же ретировалась в свой автомобиль.

Мой вид с банкой краски, не самый дружелюбный, испугал диву. С некоторых пор я

просто органически не переношу рыжеволосых дам, и это, похоже, взаимно.

— Вот сучка! — Выругалась я. И настроение испортила, и боевой ремонтный настрой.

Разборок мне ещё не хватало с подружками Мелихова. Я злилась на рыжую, на её самоуверенный вид, но больше всего на себя.

Я с силой хлопнула входной дверью, зашла в комнату и покосилась на мебельный гарнитур, который красовался теперь в моей квартире: чрезвычайно дорогой подарок от Мелихова. Я была в его магазине и знаю стоимость этой красоты. Мне отчаянно захотелось вернуть дорогой подарок его владельцу.

Или... Я скорее верну деньги владельцу!

Я бросила заявку на потребительский кредит. Всей суммы оплатить «подарок» у меня нет и тут же одобренная сумма на моем счету. Я, долго думая, отправила перевод и короткое сообщение Мелихову: «Спасибо за подарок. Но так будет лучше. Пожалуйста, не звони».

Двойное знакомое чувство защемило в груди: любви, радости, и горечи одновременно. Мне хочется бросить ему вдогонку: «Я не могу и не хочу быть запасным аэродромом!»

Я хочу быть единственной любовью моего мужчины.

Я загрузила себя с удвоенной силой: документы с работы, занятия в автошколе, обустройство в квартире. Мужчины, которые предпочли мне другую женщину, больно ударили по моему самолюбию. Хотелось нырнуть в холодильник и наполнить бокал чем-то покрепче. Но шлепающие ноги Марии по квартире меня останавливали. Я вылила содержимое бутылки в мойку, и коньяк, которым мы с Ланой отмечали новоселье, растворился, оставив стойкий запах дорого спиртного.

— Так лучше.

Теперь у чувств к Мелихову добавился новый оттенок — злость. Имея, как оказалось, невесту, Ваня, так и продолжал меня окучивать. И я тоже хороша. С разбегу в кровать к Мелихову, нисколько не задумываясь и не одергивая себя.

Так мне и надо, в следующий раз буду думать головой. Зарок — никаких мужчин, который я слёзно давала себе, нарушила, не раздумывая.

Я выключила компьютер и вышла из офисного здания своей работы. Напряженный рабочий день закончен, и прохлада наступившего сентября тут же обволокла меня. Сразу вспомнила свой прошлый сентябрь, когда я с Машкой мчала к Ланке поплакаться в жилетку, как казалось мне об обострившейся ситуации в семье. Всё было куда прозаичнее и обыденнее, но уже не трогает. Только хороший жизненный опыт.

Прошел всего год, а сколько всего изменилось в моей жизни. К моему счастью. Жильё, работа, окружение. Поменялось абсолютно всё. А самое главное — я. Свободна от чужого мнения, от чужого необычайного холодного окружения, свободна от отношений, приносивших мне только боль и разочарование. В своих стремлениях сохранить семью не увидела главного в своей жизни, что чувства, как и забота, должны быть взаимными. Тогда это счастье. А игра в одни ворота... рано или поздно заканчивается.

— Лель, — я услышала любимый вариант моего имени знакомыми нотками и обернулась на голос. В другое время я плавила от неги, сейчас оно резануло слух.

— Лель, давай все начнем с начала. Ты, я и Маша.

Андрей стоял недалеко, как обычно, в строгом деловом костюме, и его внимательный взгляд блуждал по мне. Когда-то я просто задыхалась от его присутствия. За человеком, который играет судьбами людей, как теннисными мячиками. Теперь мне даже было жаль

Марину. Она оказалась на моём месте: без семьи и без работы. Весточки о судьбе Марины, которая не выдержала моего суженого больше несколько месяцев, любопытные ласточки мне начиркали. Юлия Валерьевна периодически справляется о моих делах и рассказывает о некоторых общих знакомых, которые поселились в квартире на третьем этаже и благополучно съехали через несколько месяцев, предварительно уволившись из мирового суда.

— Нет.

Моё нет прозвучало как оплеуха, и Андрей, удивившись, чуть поднял брови.

— И даже не потому, что ты вытер ластиком мою большую любовь к тебе. Нет, не потому, что ты сделал потом со мной. Нет потому, что рядом с тобой это не я.

Было удивительно видеть продолжавшееся молчание Андрея и слегка глуповатый вид, и я улыбнулась.

— Даже когда я вылазила из дерьма, в которое ты окунул меня с головой, я была больше похожа на саму себя, чем будучи замужем. И сейчас я рада каждому событию, которое произошло в моей жизни. Жаль, я не могу сказать тебе прощай, нам еще пересекаться по вопросам, касающимся Марии, но сегодня, сейчас и всегда, до свидания, Андрей. Будь счастлив.

Я столько готовила эту речь. Столько хотелось сказать, но теперь вот так. Коротко и ясно.

Я развернулась и зашагала прочь, щелкнув сигналкой от машины, присела на водительское кресло и ещё долго размышляю, перед тем, как повернуть ключ в зажигании.

Превратности судьбы. Все в один голос твердили мне, что Герман когда-нибудь одумается и постарается вернуться. Я не верила им.

Даже сейчас Андрей не сказал: «Прости».

Как должное. Забудь и всё начнем сначала.

Я хмыкнула и, заведя свой старенький Solaris, еду по привычному вечернему графику: работа-детский сад.

Я заключила Марию в объятия, задержала чуть дольше, чем обычно. И мы счастливые возвращаемся домой. Поход в магазин и детская площадка тоже в моем буднем графике. Выходные мы частенько проводим с Ланой или заходим в гости к Барсуковым, повидаться с маленькой Олесей.

Прошел месяц со дня моего дня рождения, когда празднование моего юбилея закончился Мелиховым. Моё резкое сообщение опять оборвало наше общение. Общением трудно назвать. С Мелиховым получают только постельные приключения. Иногда подмывает позвонить Ване. Но что сказать?

Пересечься в кулуарах Воронцова тоже вряд ли получится. Основные работы выполнены и Воронцов даже рассчитался с моей организацией.

Остаётся уповать на судьбу.

И если Ваня мой человек, мы не можем ни встретиться снова.

Я тряхнула головой, отпуская мысли подальше от беспокойной головы, и протянула руки к Марии.

— Маша. Пошли домой, моя звездочка. Уже поздно, — я улыбаюсь на Машкины надутые губки и, взявшись за руки, мы с Марией преодолеваем четыре этажа.

Я почти закончила ремонт своей однушки, осталась ванная комната, но с моими финансами осилю только в следующем году. А пока и так получилось уютно и красиво.

Гвоздь программы — красивый шкаф и кровать, в которой я иногда не могу заснуть и верчусь от мыслей, скачущих в моей голове, как табун лошадей.

Я спускаюсь с высокой шпильки бордовых туфель и с блаженством распускаю тугий пучок своей строгой прически. Даже улыбнулась себе в зеркале в прихожей. Перед Герман я предстала в шикарном брючном костюме, недавно купленным мною в модном магазине одежды. В ярко бордовых туфлях на высокой шпильке и тон им блузке. Стильно и элегантно.

Дурачок. Пусть локти погрызет.

Субботнее утро, и Маша вся в предвкушении. Каждую субботу Борис Григорьевич, как часы в девять утра под окном моей квартиры. Настроение у ребенка чувствуется с самого пробуждения. Я бросила взгляд на часы и поторапливаю Машу.

— Маня, давай быстрее завтракай. Дед, наверное, уже у подъезда стоит.

— Деда? — Маша тут же начинает крутиться за столом и пробовать выглянуть в окно кухни, с которого виден весь наш двор.

В красивых белых брючках и кремовой ветровке с конским хвостом мой воробышек стоит уже прихожей, распушив пёрышки, ожидая, пока я сложу вещи необходимые ей в «папин день» в чудный рюкзак в виде медведя.

— Пошли?

Маша в нетерпении утвердительно закачала головой.

Мы вышли из подъезда, и я на мгновение замираю. Вместо ожидаемого внедорожника Бориса Григорьевича во дворе стоит до боли знакомая BMW. Из машины вышел Андрей в привычном амплуа «с иголки» и твердой, уверенной поступью направился к нам.

— Олеся, здравствуй, — приветливым тоном, как ни в чём не бывало, поприветствовал меня мой бывший муж.

— Здравствуй. А где Борис Григорьевич? — Недоверчиво спрашиваю Герман.

Вся эта рокировка мне не нраву. И даже Маша чуть сдавливают мою руку.

— В больнице, — чёрные брови Андрея чуть хмурятся.

— Что случилось? — В изумлении спрашиваю я.

— Пред инфарктное состояние.

Стоило ожидать. Клан Герман вконец доконали главу семейства.

— Вот как.

— Маша, поехали? — Андрей тянет руки к дочке и Маша неуверенно идет навстречу.

Андрей усадил Марию на заднее сидение в детское кресло, и достав из машины цветы, подойдя ко мне, молча, без слов протянул орхидеи. Мои любимые. Синие. Я в ответ только сделала шаг назад.

— Ни к чему, Андрей, — сухо ответила на неожиданный презент от Андрея.

— Я прошу.

Я отрицательно помахала головой на скупую попытку Андрея склеить разбитую чашу.

Даже склеив, счастье будет вытекать из швов, которые остались от сокрушительного удара, нанесённого Герман своей семье. Точно ни к чему.

— Лель, — начал Андрей.

— Олеся, — я тут же прервала его.

Андрей замолчал и уставился в сторону.

— В какой больнице Борис Григорьевич? — Я быстро показала свою позицию в отношениях с бывшим мужем. Только общие темы.

— Областная. Сердечно-сосудистое отделение.

— Спасибо.

Андрей положил цветы на землю.

Я бросила взгляд на чуть потерянный вид Андрея и, резко развернувшись, быстрым шагом направилась к своему подъезду, чувствуя спиной, как Андрей прожигает меня

взглядом карих глаз. Я выдохнула, только закрыв за собой входную дверь у себя на четвертом этаже. Сердце бешено колотится, выскакивая из груди.

Чёрт бы тебя побрал, Андрюша. Лучше бы приехал другой представитель семьи Герман. Даже наблюдать жалкие шаги Андрея навстречу, не желаю.

Я навела справки о пребывании свёкра в больнице и часах приёма и, погуглив, что можно и полезно при сердечных заболеваниях, собираюсь в областную. Скрутила волосы в пучок на затылке и облачилась в любимые джинсы и просторную рубашку.

Поставила на заднее сидение приготовленную сумку и, чуть разволновавшись, повернув ключ зажигания, выкручиваю руль по направлению к областной больнице. Долго искала место для парковки у больницы и приземлилась достаточно далеко. Я стараюсь осваивать новые маршруты и по привычной дороге: работа — детский сад все дорожные знаки выучены наизусть. Здесь всё пока непривычно, но учусь я быстро.

Я тихонько прошла в палату. Борис Григорьевич один в двухместной палате. По внешнему виду и плазме на стене понимаю, что комфортное пребывание платное.

По впавшим большим карим глазам и земляному цвету лица Бориса Григорьевича понимаю серьёзность положения. Я осторожно подошла и присела на стул.

— Что, неважно выгляжу? — Вместо приветствия слышу от свёкра.

— Угу..., -тихонько отвечаю. — Что доктора сказали?

— Вроде буду жить. С поправками на привычный ритм жизни.

— Поберегите хоть вы себя.

— На пенсию собрался и весь вечер слушал, как наша семья из-за меня потеряет статусность. Марго в своем репертуаре, — кинулся в воспоминания Борис Григорьевич, от которых его глаза слегка увлажнились.

Маргарита Андреевна никого не побережет в своих стремлениях держать марку на публике.

— А чего хотите вы? — Осторожно спросила я.

— Собрать всех своих внучек и махнуть на рыбалку.

Я улыбнулась, представив свою кнопу с удочкой.

— Уважь старика. Прости своего мужа-дурака. Я знаю, что он понял свою ошибку, — глядя в глаза, не мигая, вдруг произносит свёкор.

— Вы хотите, чтобы мы помирились? — Удивленно спросила я.

Герман чуть махнул головой.

— Простите, — я запнулась, подбирая слова. — Но нет. На месте большой любви осталось пепелище. А сейчас ветер разносит эту грудку золы по дальним уголкам души.

— Даже Марго, при всём своём отношении к тебе, сказала, что Андрей — идиот.

— Что рыжая пришлась не вкусу?

Борис Григорьевич усмехнулся в ответ.

— Еще бы. Возраст, профессия, образование, внешность.

— Не повезло Маринке, — я усмехнулась. — Я хотя бы прошла по пунктикам: возраст и образование.

— Здесь морковный сок и обезжиренный йогурт с бананами. Машка обожает его.

— Олеся, спасибо.

— Сок- так себе удовольствие, а йогурт очень вкусный.

— За то, что пришла проведать.

— Вы же не дали меня в обиду, — горько усмехнулась превратностям судьбы.

Борис Григорьевич протянул свою длинную суховатую руку, чуть сжал мою ладонь.

— Выздоровливайте. Машка уже скучает за вами.

— Постараюсь.

Я вышла из больницы в ощущении недосказанности и лёгкой грусти. Было жаль Бориса Григорьевича, Машу и чуть себя. Я откинула ненужные чувства. Страница жизни перевернута уже давным-давно. Впору писать что-то новое. И обязательно с таким же ответным чувством заботы и любви...

Я бросила взгляд на ручные часы, стрелки которых стремительно придвигаются к десяти. Я ужасно опаздываю. А мне еще забрать цветы. У Мирры Аркадьевны сегодня день рождения, и я под надуманными рабочими предложениями разъезжаю от кондитерской, где нужно забрать торт, заказанный нами накануне, до цветочной лавки, где флорист подготовил букет цветов ещё час назад. У Мирры Аркадьевны тонкий изыскано-дорогой вкус. Всё это мы приготовили тайно, чтобы удивить своего своенравного начальника.

Я припарковала машину у самой известной в городе цветочной лавки и, обогнув машину, стремглав несусь забрать наш красивенный заказ. Со всей скоростью, которую я развила на туфлях на любимой шпильке, у порога цветочной лавки впечатываюсь в высокого мужчину в синей робе.

— Олеся, не гони лошадей. Успеешь.

От знакомых ноток в голосе заныло сердце, и я поднимаю глаза на лицо мужчины, в которого влетела.

— Ваня?

Я так и застыла на пороге в его объятиях.

— Куда так спешишь? — В его голосе всё те же весёлые нотки.

А у меня одна реакция. Сердце скачет в бешеном ритме, адреналин уже растёкся по всему телу, и голос точно уже осип.

Я чуть хмыкнула.

— Цветы должна забрать. День рождения у начальницы, и я с коллегами готовлю сюрприз.

Я неохотно вылезла из его объятий. Я бы и дальше там осталась, но на нас смотрит весь магазин. Я в смущении поправила полы пиджака.

— Ты весь в работе?

— Как видишь. Воронцов поторапливает. Хотя не знаю, зачем ему сейчас мебель? Все мои рабочие заняты под завязку, а ещё магазин и разовые заказы. Хочется всё охватить, поэтому иногда по заказам приходится ездить самому, чтобы успеть в сроки. Не хочется никого подводить и портить репутацию.

— А если еще кого-то нанять?

— Узкопрофильные специалисты. Таких просто с улицы не возьмёшь.

— Да, Воронцов тот ещё фрукт, — я вспомнила свои последние поездки, где меня вызывали по различным надуманным поводам. — Но у нас с ним пока всё на этом этапе. Теперь с ним столкнёмся, наверное, через год по вводу в эксплуатацию. Договор уже подписан.

— Наверное, раньше. Воронцов опережает время по строительству объекта. У тебя как дела?

— Все отлично. Купила машину. Надоело ездить в общественном транспорте. И по

работе неудобно.

— Я заметил, — Ваня махнул на ключи от автомобиля в моих руках.

— Как дела на личном фронте? Ты вроде бы жениться собирался. — Я уже просканировала руки Ивана на предмет обручального кольца. Его нет на руке.

Но, может быть, Ваня не одевает его, когда ездит по рабочим делам.

Сдвинув брови, Мелихов удивленно посмотрел на меня.

— В смысле женится? Савина, с чего ты взяла?

— Твоя невеста навевалась в гости ко мне на следующий день после юбилея, — ответила я, уже коря себя за глупые вопросы, заданные мной, стараюсь оправдать себя.

Я чувствую себя любопытной Варварой, и от неловкости хочется закончить разговор, щёки медленно, но верно заливают краска. Но я так долго просила судьбу хотя бы о маленькой встрече с ним, и я точно теперь не упущу свой шанс.

— Ты поэтому из моего подарка от души сделала дорогое приобретение? Я закончил отношения с Кристиной еще до Нового года, когда на пороге появилась ты, Савина. Знаешь ли, не люблю начинать что-то новое, не закрыв предыдущую дверь. Как-то не красиво получается.

— Ваня, ты же сам сказал, что у тебя невеста.

— Эта невеста только в твоей голове, Олеся. Прости, мне нужно ехать. Рад был повстречаться. Удачи, — тон сдержанный, и я сразу чувствую смену настроения.

Резанул быстро и бесповоротно. Если он сейчас уйдет, это точно будет навсегда. Ваня обогнул меня и направился к своему грузовичку. Я смотрю, как он удаляется от меня, и это, возможно, наша последняя встреча. Больше судьба вряд ли смилостивится надо мной.

— Ваня, подожди, не уходи, — я побежала следом, схватила за руку и остановила Мелихова. Чёрные глаза сверкнули, и мне не по себе от его взгляда.

— Ваня, я всё это время думала, что у тебя другая женщина.

Иван ухмыльнулся.

— По-твоему, я, имея невесту в шаге от своей свадьбы, кручу роман с бывшей однокурсницей ради развлечения. Не мерей всех теперь под одну гребенку. Я уже проходил такие отношения, которые то затухали, то возобновлялись вновь. Но там не было особого обоюдного интереса, наверное, даже и с одной, и с другой стороны. Мне это не нужно. Поэтому, Олеся, если ты уверена в том, ты чувствуешь, в чём я сомневаюсь, вэлком в мои объятия. Нет. Тогда ставится окончательная точка, и мы остаемся хорошими друзьями.

— Ваня..., - я застыла в нерешительной паузе.

Если я сейчас не скажу главное, я упущу своё навсегда.

— Я люблю тебя.

— Громкие слова, Олеся.

— Я знаю. И мне это далось тяжело.

Ваня осторожно берет меня за подбородок и вглядывается в мои глаза, пытаюсь найти подтверждение моим словам.

— Любишь?

На глаза наворачиваются слезы.

— Да, — отвечаю сбившимся голосом, и это короткое да дается с трудом.

— Неужели я это услышал от тебя, Олеся.

Я слышу каждый удар своего сердца и замиранием смотрю на его лицо, отчаянно ловлю хоть какую-либо эмоцию на моё признание.

— Не хочешь фамилию сменить на более звучную. Мелихова, к примеру.

— Это предложение руки и сердца? — Я удивленно заглядываю в глаза Ивану.

— Да.

— Я согласна, — Выдала быстрее, чем подумала.

Ваня нежно касается моих губ, и его жгучий язык проникает внутрь. Я даже застонала от удовольствия.

— Вечером в семь часов я заеду за тобой. У нас всё время получается основное блюдо. Хотелось бы начать с прелюдии. Есть очень красивое место. Тебе понравится.

— До вечера, — прошептала в ответ и глубоко вдохнула запах Мелихова. Запах моих перемен, счастья и любимого мужчины.

Я смотрела вслед удаляющемуся автомобилю Мелихова, и если бы не высокие каблуки, я сейчас бы запрыгала от счастья.

Его величество счастливый случай!

Я, наконец, вырулила с черной полосы своей жизни на белую окончательно. Я хлопнула себя ладошкой по лбу.

Цветы!

Какая ты несобранная в последнее время, Олеся Петровна...

Р.С. Люблю ХЭППИ ЭНДЫ! Но эта история действительно жила и живет в жизни и имеет не счастливый конец, а скорее счастливое продолжение. Машке на сегодняшний день шестнадцать лет и она, вопреки желаниям родителей, крутая айтишница. У Мелиховых совместный семейный бизнес и очень красивое семейное гнездышко. А ещё у Мелиховых родилась дочка, и имя ей дали по всем правилам художественного вкуса Ивана — Аделина. Красивое имя для красивой девочки. Адель внешне очень сильно напоминает Олеся.

А Андрей несколько раз женился и разводился, и сейчас тоже в том же любимом поиске спутницы жизни. Поэтому в жизни каждому своё.

Больше книг на сайте - Knigoed.net